

ISSN 1818-7919

Вестник

ЖГУ

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2022

Том 21

№ 7

Археология и этнография

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВЕСТНИК НГУ

Серия: История, филология

2022. Т. 21, № 7: Археология и этнография

Периодичность – 10 раз в год
Выходит на русском языке
Индекс по каталогу «Пресса России» 11227

Главный редактор серии
д-р ист. наук А. С. Зуев

Ответственный секретарь серии
канд. ист. наук С. Г. Скобелев

Редакционная коллегия выпуска

Ответственный редактор
чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, проф. А. И. Кривошапкин

Ответственный секретарь
канд. ист. наук Д. В. Селин

Адрес редколлегии:
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия
Телефон: (383) 363 42 62

Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий и журналов,
рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией для публикации основных
научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

Журнал входит в базы данных Scopus
и Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Электронная версия журнала размещена на платформе
Научной электронной библиотеки: www.elibrary.ru

Журнал зарегистрирован в ФС по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ № ФС77-64825 от 02.02.2016)

Редактор И. А. Похорукова

Сдано в набор 21.06.2022. Подписано в печать 25.07.2022
Бумага офсетная № 1. Формат 60×84/8. Гарнитура Times New Roman
Печать цифровая
Уч.-изд. л. 20,5. Тираж 60 экз. Заказ № 164

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре НГУ
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

© Новосибирский государственный университет, 2022

Редакционный совет научного журнала «Вестник НГУ. Серия: История, филология»

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зуев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

- Х. А. Амирханов акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)
- Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)
- Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)
- А. В. Головнёв чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)
- А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный педагогический университет, Россия)
- А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
- Н. Л. Жуковская д-р ист. наук, профессор (Институт антропологии и этнографии РАН, Россия)
- О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Г. Е. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)
- А. К. Киклевич д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Польша)
- С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)
- В. А. Ламин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Россия)
- Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Япония)
- Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Германия)
- Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
- Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)
- П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)
- И. В. Силантьев д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)
- Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)
- Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «Археология и этнография»

Ответственный редактор

А. И. Кривошапкин чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, проф. РАН (Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия)

Ответственный секретарь

Д. В. Селин канд. ист. наук (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редколлегии

- Л. А. Бобров д-р ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Н. Н. Крадин чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Дальневосточный федеральный университет, Россия)
- Р. М. Краузе д-р истории, проф. (Университет Франкфурта-на-Майне им. И. В. Гёте, Германия)
- Б. Е. Кумеков акад. Национальной академии наук Республики Казахстан, д-р ист. наук, проф. (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан)
- Л. В. Лбова д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия)
- А. Наглер д-р истории (Германский археологический институт, Германия)
- З. Самашев д-р ист. наук, проф. (Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана Национальной академии наук Республики Казахстан)
- К. Ш. Табалдиев канд. ист. наук, проф. (Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Кыргызстан)
- Е. Ф. Фурсова д-р ист. наук (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)
- Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)
- С. Хансен д-р истории, проф. (Германский археологический институт, Германия)
- Я. Хохоровский д-р истории, проф. (Институт археологии Ягеллонского университета, Польша)
- Сукбэ Чжун д-р истории, проф. (Университет культурного наследия Республики Корея, Пуё, Республика Корея)

Advisory Board of Academic Journal “Vestnik NSU. Series: History and Philology”

Chief of the Advisory Board

Vyacheslav I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

Andrey S. Zuev Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

Sergey G. Skobelev Candidate of Sciences (History), Associate Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Khizri A. Amir Khanov Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Bence Viola Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)

Elena E. Voytishchik Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tomash Glantz Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

Andrey V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)

Arkadiy E. Demidchik Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)

Anatoliy P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Jacques Joubert Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Olga D. Zhuravel Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Gabriella E. Imposti Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)

Aleksander K. Kiklevich Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)

Stephen M. Kotkin Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)

Vladimir A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

Hermann Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

Hugues Plisson Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

Peter Rutland Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)

Igor V. Silantev Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tang Chung Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)

Tomas Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)

Yuriy V. Shatin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue “Archaeology and Ethnography”

Executive Editor

A. I. Krivoshapkin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Executive Secretary

D. V. Selin Candidate of Sciences (History), (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

- L. A. Bobrov Doctor of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- N. N. Kradin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology and Ethnography of Far Eastern nations of Far East Branch of the Russian Academy of Science, Far East Federal University, Vladivostok, Russian Federation)
- R. M. Krause Doctor of Sciences (History), Professor (Goethe University of Frankfurt, Germany)
- B. E. Kumekov Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakstan, Doctor of Sciences (History), Professor (L. N. Gumilev Eurasian National University, Astana, Kazakhstan)
- L. V. Lbova Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- A. Nagler Doctor of Sciences (History) (German Archaeological Institute, Berlin, Germany)
- Z. S. Samashev Doctor of Sciences (History), Professor (A. Kh. Margulan Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences, Republic of Kazakstan)
- K. Sh. Tabaldiev Candidate of Sciences (History), Professor (Kyrgyz-Turkish Manas University, Bishkek, Kyrgyzstan)
- E. F. Fursova Doctor of Sciences (History) (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- T. Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)
- S. Hansen Doctor of Sciences (History), Professor (German Archaeological Institute, Germany)
- J. Chochorowski Doctor of Sciences (History), Professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)
- Suk-Bae Jung Doctor of Sciences (History), Professor (Korean National University of Cultural Heritage, Buyeo, Korea)

В Е С Т Н И К Н Г У

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2022. Том 21, № 7: Археология и этнография

СОДЕРЖАНИЕ

Преподавание археологии в вузах

- Кудинова М. А.* Дворцовый комплекс правителей царства Наньюэ (материалы к учебному курсу «Археология зарубежной Азии») 9

Археология Евразии

- Анойкин А. А.* Северо-Восточный Кавказ в бакинское время (средний плейстоцен): палеогеографические обстановки и археологические индустрии 25
- Павленок К. К., Бочарова Е. Н., Медведев С. П., Когай С. А., Павленок Г. Д.* Технологическая вариабельность каменного производства в индустрии грота Тешик-Таш 37
- Пилипенко И. В., Пристяжнюк М. С., Трапезов Р. О., Черданцев С. В., Молодин В. И., Пилипенко А. С.* Разнообразие вариантов митохондриальной ДНК у носителей окуневской культуры из могильника Сыда V (Минусинская котловина) 53
- Селин Д. В., Чемякин Ю. П.* Технологические особенности керамики носителей барсовской культуры эпохи поздней бронзы (по материалам поселений Барсовой Горы) 72
- Скобелев С. Г., Губенко Е. В., Давыдов Р. В., Половников И. С., Собинов Р. Л.* Средневековая каменоломня у Коксинского залива Красноярского водохранилища как свидетельство возможной миграции енисейских кыргызов из-за Саян на Средний Енисей 85
- Фокин С. М., Митько О. А.* Сопроводительный инвентарь погребения кыргызского воина из окрестностей с. Новоселово в Красноярском крае 94
- Холошин П. Р.* Культурный состав муромы по данным изучения гончарных традиций 106
- Серегин Н. Н., Демин М. А., Матренин С. С.* Воинское погребение эпохи Великого переселения народов из комплекса Карбан I (Северный Алтай) 118

Этнография народов Евразии

<i>Авдеев А. Г., Окладникова Е. А., Свойский Ю. М., Романенко Е. В.</i> Новое прочтение надписей на рукоятках владельческих ножей, найденных на берегу залива Симса	134
<i>Искаков К. А., Умиткалиев У. У., Тлеугабулов Д. Т., Дукомбайев А. Т.</i> Предварительное сохранение тел умерших в погребальной обрядности казахов (по материалам археологических, исторических и фольклорно-литературных источников)	150
Список сокращений	163
Информация для авторов	164

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2022, vol. 21, no. 7: Archaeology and Ethnography

CONTENTS

Teaching of Archaeology in High Schools

- Kudinova M. A.* Royal Palace of Nanyue Kingdom (Materials for the Educational Course “Archaeology of Foreign Asia”) 9

Archaeology of Eurasia

- Anoikin A. A.* North-Eastern Caucasus in the Bakunian Stage (Middle Pleistocene): Paleogeographic Conditions and Archaeological Industries 25
- Pavlenok K. K., Bocharova E. N., Medvedev S. P., Kogai S. A., Pavlenok G. D.* Technological Lithic Production Variability of the Teshik-Tash Grotto Industry 37
- Pilipenko I. V., Pristyazhnyuk M. S., Trapezov R. O., Cherdantsev S. V., Molodin V. I., Pilipenko A. S.* Diversity of Mitochondrial DNA Variants within Okunevo Culture Carriers from the Syda V Burial Ground (Minusinsk Basin) 53
- Selin D. V., Chemyakin Yu. P.* Technological Features of the Ceramics of the Barsovo Culture in the Late Bronze Age (By the Materials from the Archaeological Sites of the Barsova Gora) 72
- Skobelev S. G., Gubenko E. V., Davydov R. V., Polovnikov I. S., Sobinov R. L.* Medieval Quarry Near the Koksa Bay (Krasnoyarsk Reservoir) as the Evidence of Possible Migration of the Yenisei Kyrgyz from the Sayan Mountains to the Middle Yenisei 85
- Fokin S. M., Mitko O. A.* Accompanying Grave Goods from the Kyrgyz Warrior Burial from the Vicinity of the Novoselovo Village (Krasnoyarsk Region) 94
- Kholoshin P. R.* Cultural Composition of the Muroma Based on the Study of the Pottery Traditions 106
- Seregin N. N., Demin M. A., Matrenin S. S.* Warrior’s Burial of the Great Migration Period from the Karban I Complex (Northern Altai) 118

Ethnography of the Peoples of Eurasia

<i>Avdeev A. G., Okladnikova E. A., Svoisky Yu. M., Romanenko E. V.</i> A New Reading of the Inscriptions on the Handles of the Nominal Knives Found on the Sims Bay Shores	134
<i>Iskakov K. A., Umitkaliev U. U., Tleugabulov D. T., Dukombaiev A. T.</i> Preliminary Preservation of the Bodies of the Deceased in the Funeral Rites of Kazakhs (Based on the Materials of Archaeological, Historical and Folklore-Literary Sources)	150
List of Abbreviations	163
Instructions to Contributors	164

Научная статья

УДК 378-904(51)

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-9-24

Дворцовый комплекс правителей царства Наньюэ (материалы к учебному курсу «Археология зарубежной Азии»)

Мария Андреевна Кудинова

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

maria-kudinova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8369-2089>

Аннотация

Археологические памятники государства Наньюэ в настоящее время остаются малоизвестными за пределами Китая. Их изучение позволяет расширить имеющиеся знания об истории и культуре Восточной Азии в древности. Дворцовый район в столице царства находился на территории современного района Юэсю в г. Гуанчжоу и занимал площадь ок. 400 тыс. кв. м. Комплекс включал остатки различных построек, хозяйственные ямы, колодцы, дворцовый парк с прудом и декоративным искусственным ручьем. Известны также более ранние находки, характер которых остается неясным. Дворцовый парк правителей Наньюэ – один из древнейших памятников ландшафтного искусства на территории Китая, вероятно, он служил не только местом отдыха и развлечений, но и пространством для проведения обрядовых действий.

Ключевые слова

Китай, Наньюэ, ранний железный век, дворцовые комплексы, садово-парковое искусство, «пир у извилистого потока»

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР «Многообразие и преемственность в развитии культур в эпохи камня, палеометалла и Средневековья в Дальневосточном и Тихоокеанском регионах Евразии» (FWZG-2022-0004)

Для цитирования

Кудинова М. А. Дворцовый комплекс правителей царства Наньюэ (материалы к учебному курсу «Археология зарубежной Азии») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 7: Археология и этнография. С. 9–24. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-9-24

Royal Palace of Nanyue Kingdom (Materials for the Educational Course “Archaeology of Foreign Asia”)

Maria A. Kudinova

Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

maria-kudinova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8369-2089>

Abstract

Purpose is to present a description of the complex of archaeological sites associated with the palace complex of the Nanyue kingdom, and thereby emphasize the importance of regional centers in the formation of Chinese civilization and attract the attention to understudied topics.

© Кудинова М. А., 2022

Results. The palace district in the capital of the Nanyue kingdom was located on the territory of Yuexiu district in Guangzhou, covering an area of approx. 400 000 sq. m. The complex included the remains of various buildings, household and waist pits, wells, a palace park with a pond and an artificial meandering stream. The nature of some earlier finds remains unclear (stilt dwellings or shipbuilding workshop). The palace complex was built no earlier than the 170s BC and existed until the fall of Nanyue in 111 BC. The palace park is one of the oldest monuments of landscape art in China; it probably served not only as a place for recreation and entertainment, but also as a space for ritual ceremonies.

Conclusion. In matters of organizing the space of the palace district, the Nanyue elites were guided by the standards adopted in the capitals of the Qin and Han empires, adapting them to local conditions. The studied archaeological complexes demonstrate a high level of production technologies, urban planning and landscape art. One of the most promising areas of research is the analysis of the semantics of the spatial organization and architectural objects of the palace park.

Keywords

China, Nanyue, Early Iron Age, palace complexes, landscape art, “winding-stream banquet”

Acknowledgements

The study was carried out within the framework of the research project “Diversity and continuity in the development of cultures in the Stone, Paleometal and Middle Ages in the Far Eastern and Pacific regions of Eurasia” (FWZG-2022-0004)

For citation

Kudinova M. A. Royal Palace of Nanyue Kingdom (Materials for the Educational Course “Archaeology of Foreign Asia”). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 9–24. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-9-24

Введение

Государство Наньюэ (Намвьет) было создано генералом Чжао То (?–137), воспользовавшимся смутой и гражданской войной, разразившейся после падения циньской династии в начале III в. до н. э. Он захватил бывшие циньские округа Наньхай, Гуйлинь и Сян и в 203 г. до н. э. основал свое царство со столицей в городе Паньюй (совр. г. Гуанчжоу). Оно просуществовало менее ста лет, до 111 г. до н. э., когда было разгромлено войсками ханьского императора У-ди. В период расцвета территория Наньюэ охватывала районы современной провинции Гуандун, Гуанси-Чжуанского автономного района и северную часть Вьетнама [Хуан Чжаньюэ, 2015, с. 2, 42–46]. История государства известна по письменным источникам, прежде всего по «Историческим запискам» («Ши цзи») Сыма Цяня (ок. 145, по другим данным, 135 до н. э. – ок. 86 до н. э.) и «Книге Хань» («Хань шу») Бань Гу (32–92), однако археологические памятники царства Наньюэ остаются малоизвестными за пределами Китая. Цель данной статьи – представить описание комплекса археологических памятников, связанных с существованием столичного города государства Наньюэ и дворцового комплекса его правителей, и, тем самым, еще раз подчеркнуть значимость региональных центров в формировании китайской цивилизации и привлечь внимание студентов, изучающих археологию, историю и культуру стран Восточной Азии, к малоизученным темам.

Материалы

1. Памятники неясного характера

По данным исторических источников было известно, что столица царства Наньюэ – город Паньюй – находилась на территории современного г. Гуанчжоу, административного центра пров. Гуандун. Археологические открытия XX и XXI вв. подтвердили и существенно дополнили эту информацию.

Еще в 1932 г. каллиграф и один из основателей первого в Китае профессионального археологического общества – Института археологии Хуанхуа – Цзэн Чуаньяо (1910–1935) об-

наружил в восточном пригороде Гуанчжоу¹ скопление черепицы с веревочным узором. Он предположил, что это могли быть руины Башни поклонения Хань *Чаоханьтай* – специально-го сооружения, возведенного Чжао То после формального подчинения власти империи Хань в 179 г. до н. э. По преданиям, строение было ориентировано на север, в сторону ханьской столицы – города Чанъань (совр. г. Сиань, пров. Шэньси), и сам правитель совершал здесь обряды поклонения в 1-й и 15-й дни каждого месяца. Позднее поблизости было обнаружено еще одно подобное скопление черепицы, и в настоящее время считается, что здесь могла находиться мастерская по обжигу кирпича и черепицы времен царства Наньюэ. Поскольку в наши дни эта территория плотно застроена жилыми зданиями, проверить предложенные версии не представляется возможным [Наньюэ..., 2008, с. 13].

В 1974 г. в центральной части Гуанчжоу, на территории района Юэсю, был открыт памятник, интерпретация которого до сих пор вызывает ожесточенные споры в археологическом сообществе Китая. Раскопки проводились в 1975–1976 гг., были обнаружены и частично раскопаны конструкции из деревянного бруса, бревен и досок, идентифицированные авторами раскопок как остатки трех стапельных помостов и деревообрабатывающей мастерской (рис. 1). Также на территории памятника обнаружены фрагменты черепицы, керамических сосудов (горшков, мисок, пиал, чаш на ножках), бронзовые наконечники стрел, фрагмент графита для разметки линий (аналог современного плотницкого карандаша), железные инструменты (тесло, долота), железные гвозди, деревянный отвес (?), фрагмент весла, фрагмент лакового покрытия с надписью 丞里... чэн ли..., которая может быть прочитана как «чиновник-чэн Ли...» (третий иероглиф не читается), керамические грузила сетей, фрагменты пенькового каната и др. Для комплекса была получена одна радиоуглеродная дата по образцу древесины – 240 ± 90 л. до н. э. В совокупности с другими данными (стратиграфической ситуацией, палеографическими особенностями обнаруженных надписей, набором керамической посуды) это позволило авторам раскопок датировать памятник периодом от завоевания региона империей Цинь и учреждения трех южных округов (219–214 до н. э.) до 1-й половины II в. до н. э. Согласно предложенной в отчете о раскопках версии, мастерские были заброшены из-за начавшегося неподалеку строительства дворцового комплекса для правителя Наньюэ Чжао То, что потребовало переноса производства [Гуанчжоу..., 1977].

Практически сразу же после публикации отчета разгорелась дискуссия о характере памятника. Многочисленные оппоненты версии о «судостроительной мастерской» предлагают трактовать комплекс как руины свайной постройки (см.: [Дай Кайюань, 1982; Лю Лунвэнь, 1995; Си Лунфэй, 2009; Цзинь Синдэ, 2009] и др.). Эта точка зрения на данный момент является общепризнанной в китайском академическом сообществе. В то же время интерпретация памятника как остатков судостроительного производства также имеет некоторое число сторонников среди ученых-археологов. Кроме того, она получила поддержку местных властей и Министерства культуры КНР: именно в качестве судостроительной верфи эпохи Цинь комплексу присвоен официальный статус охраняемого памятника национального уровня. Споры о том, что же на самом деле представляют собой раскопанные деревянные конструкции – руины дворца или остатки судостроительного производства, не утихают до сих пор [Сюй Хун, 2021, с. 183–204].

2. Дворцовый район

В 1975 г. при раскопках описанного выше памятника неясного характера был обнаружен участок мощеного камнем тротуара протяженностью ок. 20 м, предположительно, входящего в состав дворцового комплекса правителей Наньюэ. Дорога построена очень тщательно: каменные плиты были уложены на слой специально подготовленного, очищенного ярко-красного грунта. Плиты из песчаника двух видов – квадратной и прямоугольной формы, толщиной 5–7 см, ширина каменной вымостки – 1,15 м. По обеим сторонам дорожки выложены

¹ В настоящее время это территория городского района Юэсю.

бордюры в виде ряда крупных (70 × 70 см, толщина 12–15 см) квадратных кирпичей с орнаментом. Общая ширина тротуара составляет 2,55 м. С северной стороны дорожки обнаружено скопление черепицы, черепичных дисков, различных декоративных архитектурных элементов. На некоторых фрагментах черепицы есть оттиски в виде отдельных иероглифов [Гуанчжоу..., 1977, с. 3–4, 14].

Рис. 1. Деревянные конструкции неясного назначения – остатки свайного жилища или судостроительные стапели (по: [Гуанчжоу..., 1977, вкл. 2, ил. 1])

Fig. 1. Wooden structures of unclear purpose – the remains of a stilt dwelling or shipbuilding stocks (after: [Guangzhou..., 1977, pl. 2, fig. 1])

В 1995 г. неподалеку от того места, где в 1975 г. были обнаружены остатки тротуара, планировалось строительство высотного административного здания. На месте будущей стройки провели археологические раскопки, но никаких культурных остатков не обнаружили. Однако уже после начала полномасштабных строительных работ на участке были найдены фрагменты фарфоровых изделий эпох Цзинь (265–420) и Тан (618–907), а затем и предметы периода существования государства Наньюэ: каменные плиты и черепица, в том числе четыре черепичных концевых диска с надписью *ваньсуй* («десять тысяч лет»). После этого стало очевидно, что на месте строительной площадки всё же имеется археологический памятник, включающий материалы периода Наньюэ [Фэн Юнцой и др., 2000, с. 5–6; Наньюэ..., 2008, с. 8–9].

В том же году начались спасательные раскопки, позволившие установить, что на этом месте находился дворцовый парк: были найдены и частично раскопаны остатки пруда и соединенных с ним каналов. К сожалению, памятник был существенно поврежден в ходе строительных работ: вымощенное камнем дно пруда было пробито бетонными основами для свайных конструкций. Разведочные работы позволили установить, что пруд имел

прямоугольную форму, его длина с севера на юг составляла ок. 72 м, ширина с запада на восток – ок. 50 м, максимальная глубина достигала 2,5 м. Была раскопана юго-западная часть ложа пруда – участок прямоугольной формы размером 24,7 × 20 м. По краям дно пруда представляет собой пологий склон шириной приблизительно 10,6 м, уходящий вниз под углом 12–14°, вымощенный песчаниковыми плитами неправильной формы толщиной 5–6 см, тщательно подогнанными друг к другу. На 12 плитках обнаружены надписи из 12 отдельных иероглифов, а также одна надпись, состоящая из нескольких знаков, из которых можно идентифицировать лишь последние три: ...北諸郎 *бэйчжулан* («все... северные чиновники-ланы»). Центральная часть дна плоская, вымощена необработанными камнями и щебнем. По краю пруд окружен каменной балюстрадой. В центральной части возведено некое строение, от которого остались каменные блоки, плиты, колонны, черепица, черепичные диски, кирпичи. С южной стороны к пруду примыкала вымощенная красноватым песчаником площадка. С юго-западной стороны из-под дна пруда выходят два канала, в одном из них сохранился деревянный желоб [Наньюэ..., 2008, с. 18–69]. В 1996 г. работы на памятнике продолжались, и к западу от пруда был обнаружен колодец с кирпичными стенками, диаметром 86 см, глубиной 8,8 м, а также две крупные ямы. И ямы, и колодец были заполнены фрагментами кирпичей, черепицы и обгоревшего дерева [Фэн Юнцуй и др., 2000, с. 6, 14–15].

В 1997 г. поблизости от исследованных ранее памятников вновь были запланированы масштабные строительные работы. На отведенной под строительство территории предварительно были проведены раскопки, также подарившие яркие открытия: обнаружен мощный камнем извилистый канал с желобом для отведения воды [Фэн Юнцуй и др., 2000, с. 6–7; Наньюэ..., 2008, с. 11–13]. Общая протяженность сохранившейся части канала составила ок. 160 м, из которых примерно 130 м хорошей сохранности (рис. 2, 1). Стенки ручья ровные, сложены из камней и каменных плиток, строго вертикальные или чуть скошенные внутрь. Ширина ручья по дну 1,35–1,45 м, глубина 0,60–1,05 м, за исключением одного более широкого и глубокого участка длиной 7,2 м в форме полумесяца, максимальная ширина которого достигает 5,75 м, максимальная глубина – 1,75 м. Над этим участком, по всей видимости, было возведено некое строение типа беседки, о чем свидетельствуют установленные на дне ручья в два ряда каменные плиты-опоры и две восьмигранные каменные колонны (рис. 2, 2). На поверхности этих архитектурных элементов присутствуют иероглифические надписи из отдельных знаков. Перепад высот между восточной и западной частями ручья составляет ок. 66 см, это указывает на то, что вода в нем текла с севера на юг и затем с юго-востока на северо-запад. Вероятно, вода подавалась из пруда по каналам, отходящим от него с юго-западной стороны и направленным в сторону ручья. Дно ручья ровное, выложено плитами из песчаника, а поверх них – слоем окатанной речной гальки желтовато-белого и серого цвета с вкраплениями более крупных камней. В двух местах на дне ручья уложены каменные блоки, выполнявшие функцию искусственных перекатов для создания волн. В западной части через канал был перекинут мостик в виде гладкой каменной плиты (длина 1,35 м, ширина 1,16 м, толщина 0,16 м). К мостику вела дорожка (раскопан отрезок длиной 7,5 м), выложенная восемью каменными плитками (длина 55–58 см, ширина 28–52 см, толщина 7–8 см), расположенными на расстоянии 0,6 м друг от друга. В стенке у западного конца канала имеется отверстие с решеткой, соединяющее ручей с деревянным желобом для стока воды длиной более 35 м.

Поблизости от извилистого ручья обнаружены и частично раскопаны остатки двух построек каркасно-столбовой конструкции на земляных платформах с черепичными крышами – сохранилась черепица различных видов и концевые диски с надписью *ваньсуй*. От одного из строений был отведен открытый дренажный канал с деревянным желобом длиной не менее 31 м. Также исследованы несколько колодцев и хозяйственных ям [Наньюэ..., 2008, с. 76–91].

1

2

*Рис. 2. Извилистый ручей в дворцовом парке:
1 – общий вид; 2 – расширенный участок в форме полумесяца с остатками строения
(по: [Наньюэ..., 2008, цв. вкл. 11, 15])*

*Fig. 2. Winding stream in the palace park:
1 – general view; 2 – an crescent shaped area with the remains of a building
(after: [Nanyue..., 2008, col. pl. 11, 15])*

Для строительства пруда, искусственного ручья и находившихся поблизости сооружений использовалось местное каменное сырье, полученное на территории совр. г. Гуанчжоу. В основном это порфир, красноцветный кварцевый песчаник различных оттенков, а также речная галька. При раскопках пруда и искусственного ручья в большом количестве найдены различные строительные элементы: обломки каменных колонн и балясин, каменные решетки, каменная и керамическая плитка, кирпичи, черепица, черепичные диски, украшенные растительным и зооморфным узором, надписями *ваньсуй*, керамические украшения конька крыши, дверные шарниры, гвозди и пр. Кроме того, на территории памятника обнаружены орудия труда и оружие из железа и бронзы, керамические сосуды (горшки, корчаги, ведра, миски, чаши, пиалы), керамические пряслица и грузила сетей, керамические светильники, лаковые блюда, бронзовая антропоморфная фигурка, медные монеты *айхуа*² и *баньян*³, мастика с оттиском печати 中府嗇夫 *чжунфу сэфу* («надзиратель дворцовой сокровищницы») и др. (рис. 3). Непосредственно в ходе раскопок и при последующей промывке грунта были найдены косточки персика, восковницы, канариума белого, слив разных видов, личи и др., листья деревьев. Внутри наиболее широкого и глубокого участка ручья полукруглой формы в большом количестве обнаружены кости рыб, черепах, раковины моллюсков. На территории памятника найдены также кости и рога оленей, кости собаки, медведя, лошади, свиньи, коровы, аллигатора [Наньюэ..., 2008, с. 93–143, 256]. По-видимому, оленей целенаправленно разводили в парке, что подтверждается эпиграфическими данными. В 2004 г. при раскопках одного из колодцев (J264) на территории дворцового комплекса была обнаружена надпись на деревянной планке: 詰庠，地唐唐，守苑行之不謹，鹿死腐 *Цзечи, ди тантан, шоу юань синчжи буцзинь, лу сы фу* «Дознались и вывели, что <из-за того, что> в обширных угодьях смотрители парка ненадлежащим образом исполняли свои обязанности, олени умерли и <трупы их> разложились» (планка № 084) [Хань Вэйлун и др., 2006, с. 8–9].

Парк находился в непосредственной близости от дворца правителей Наньюэ, отдельные постройки которого были открыты и исследованы в 2000–2009 гг. В 2000 и 2003 гг. к северу от извилистого ручья и к западу от пруда были исследованы руины двух зданий, соединенных галереей (рис. 4). В отчетах о раскопках эти строения обозначены как «дворец 1» (F24) и «дворец 2». Дворец 1 представляет собой здание на земляном стилобате, прямоугольное в плане, ориентированное по линии юго-запад – северо-восток. Длина его составляет 30,2 м, ширина – 14,4 м, высота стилобата – 46 см. На поверхности земляной платформы обнаружены три каменных основания колонн неправильной формы с ровной поверхностью длиной 75–95 см, шириной 45–54 см. Судя по их расположению, изначально колонн было больше, и они образовывали два параллельных ряда вдоль длинной оси здания. По периметру стилобат окружен отмосткой шириной 1,5 м, выложенной галькой и кирпичом: здание по периметру было обложено кирпичом, по внешнему краю отмостки также имелся кирпичный бордюр, пространство между рядами кирпича было заполнено галькой. В восточной и западной стенах постройки имелись расположенные симметрично проходы с небольшими коридорами длиной 3,5 м, шириной 4,5 м (рис. 4, 1). Западный коридор соединял дворец 1 с галереей, а восточный вел к дворцовому парку.

Галерея проходила в направлении северо-запад – юго-восток, перпендикулярно зданию дворца 1. Дошедшие до нас остатки галереи представляют собой земляную платформу высотой 16–35 см, длиной не менее 44,05 м, шириной 5,94 м. Края платформы были укреплены кирпичом. По обеим сторонам галереи имелась кирпичная отмостка, имеющая небольшой уклон с севера на юг, с каменными решетками для стока воды, с восточной стороны центральная часть отмостки представляет собой водосточный желоб (рис. 4, 2). С юга к гале-

² Монета, чеканившаяся в княжестве Ци с 70-х гг. III в до н. э. до его захвата княжеством Цинь в 221 г. до н. э.

³ Монета, выпускавшаяся в княжестве Цинь периода Сражающихся царств с 336 г. до н. э., в империи Цинь (после объединения Китая) и в империи Хань до 118 г. до н. э. Монеты *баньян*, найденные на памятнике относятся к эпохе империй Цинь и Хань.

рее примыкал мощный кирпичом тротуар, идущий в том же направлении, что и галерея. Его длина составляла не менее 20,2 м, ширина – 3,6 м (рис. 4, 3). Возможно, этот тротуар соединялся с мощеной кирпичом дорожкой, которая была раскопана в 1975 г. При раскопках были найдены фрагменты черепицы и черепичных дисков с надписью *ваньсуй*, куски обожженного дерева.

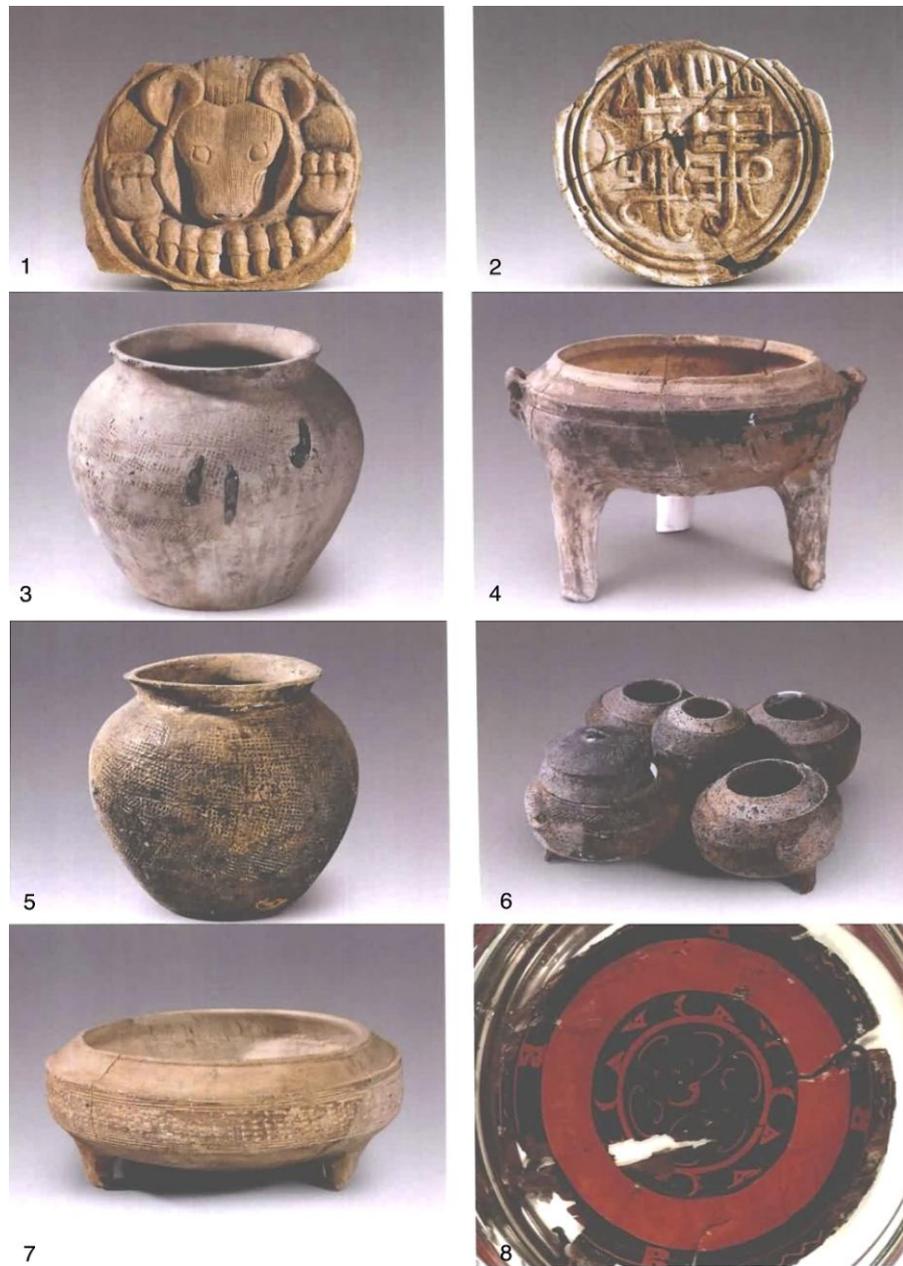

Рис. 3. Находки в районе дворцового парка:

1 – декоративный архитектурный элемент; 2 – концевой черепичный диск с надписью *ваньсуй*;
3–7 – керамические сосуды; 8 – лаковое блюдо
(по: [Наньюэ..., 2008, цв. вкл. 8, рис. 1–4; цв. вкл. 21, рис. 5, 6; цв. вкл. 22, рис. 5, 6])

Fig. 3. Finds from the palace park area:

1 – decorative architectural element; 2 – tiled disc with *wansui* inscription;
3–7 – ceramic vessels; 8 – lacquer dish
(after: [Nanyue..., 2008, col. pl. 8, fig. 1–4; col. pl. 21, fig. 5, 6; col. pl. 22, fig. 5, 6])

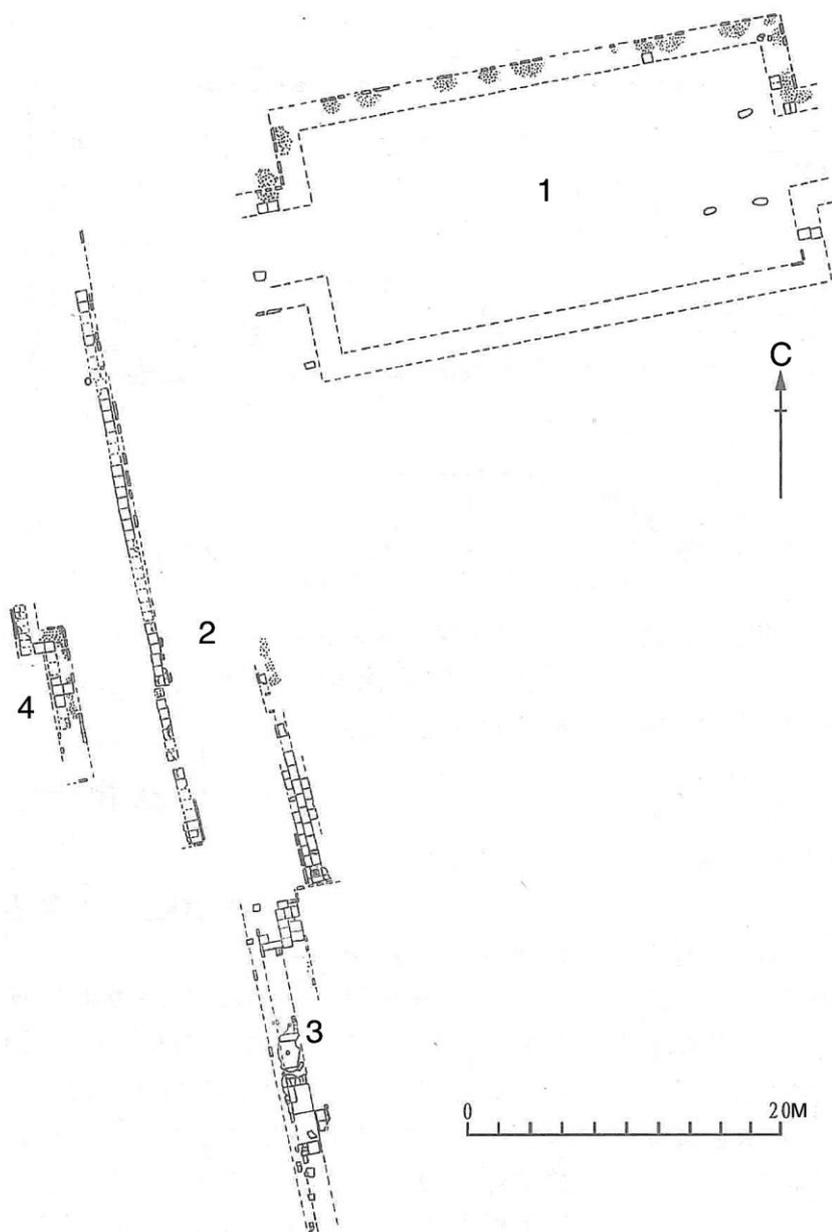

Рис. 4. План дворцовых построек:
1 – дворец 1; 2 – галерея; 3 – тротуар; 4 – дворец 2
(по: [Ху Цзянь и др., 2007, с. 18])

Fig. 4. Plan of palace buildings:
1 – palace 1; 2 – gallery; 3 – sidewalk; 4 – palace 2
(after: [Hu Jian et al., 2007, p. 18])

Западнее галереи расположено здание дворца 2, которое было раскопано лишь частично (только северо-восточная часть), поэтому его размеры неизвестны, конструкция же в целом схожа с устройством дворца 1: земляная платформа, окруженная по периметру отсыпкой шириной ок. 1,5 м (рис. 4, 4). Кроме того, в районе дворцовых построек были расчищены несколько синхронных им колодцев. На территории комплекса обнаружены узорчатые кирпичи

различных форм, черепица, черепичные диски, керамические сосуды, бронзовый наконечник стрелы. На некоторых фрагментах черепицы и керамических сосудов имелись надписи, представленные как отдельными иероглифами, так и словами и словосочетаниями. В основном это имена чиновников с указанием их должностей, а также названия самих построек: 未央 *Вэйян* «дворец Вэйян<гун>»⁴, 華音宮 *Хуаиньгун* «дворец Хуаиньгун» [Лю Жуй, Ли Цзаосинь, 2002, с. 235–241, 256; Ху Цзянь и др., 2007, с. 15–22, 29–30].

В 2005–2007 гг. к северу от дворцового комплекса был раскопан отрезок фундамента стены длиной 17,6 м, ширина варьирует в пределах 3,8–4,8 м, высота сохранившейся части – 42 см, предположительно, изначальная высота стены составляла ок. 3 м. Стена была построена из трамбованной земли (по методу *ханту*). С южной стороны вдоль нее проходила наклонная отмостка шириной 1,5 м со щебеночным покрытием. Под стеной в направлении север – юг при строительстве была проложена прямоугольная в сечении керамическая водосточная труба, от которой сохранились два сегмента общей длиной ок. 2,3 м. Здесь же в большом количестве были обнаружены кирпичи, фрагменты черепицы (в том числе с надписями), концевых черепичных дисков с иероглифами *ваньсуй*, что позволяет предполагать наличие на стене черепичной крыши, а также фрагменты различных по форме керамических сосудов (горшков, мисок, ведер и пр.), медная монета и бронзовый наконечник стрелы. По-видимому, это был участок северной стены дворцового района столицы царства Наньюэ [Ли Цзаосинь, 2020а, с. 32, 35–51].

Обсуждение

Согласно имеющейся на данный момент информации, дворцовый район столицы царства Наньюэ, окруженный внутренней городской стеной, располагался на территории современного района Юэсю в г. Гуанчжоу, занимая площадь ок. 400 тыс. кв. м, ограниченную улицами Юэхуалу на севере, Сихулу на юге, Цзюцансян и Вэньдэлу на востоке, Хуанинли и Сяомачжань на западе. В центре находился комплекс дворцовых зданий, а в северо-восточной части – парк с прудом и декоративным извилистым каналом (рис. 5) [Ли Цзаосинь, 2020б, с. 125]. Поскольку древний дворцовый ансамбль расположен в центре современного мегаполиса, проведение археологических исследований на памятнике затруднено, и получить дополнительную информацию о планиграфии внутреннего города правителей Наньюэ в настоящее время довольно сложно. Исходя из наличия в более ранних слоях материалов циньского периода, можно сделать вывод о том, что дворцовый район был заложен на территории основанного при Цинь Шихуане города Паньюй. На основании обнаруженных датирующих материалов (керамических и лаковых сосудов, монет, орнаментов и надписей на кирпичах и черепице) китайские исследователи полагают, что дворцовый комплекс с парком был построен не ранее 70-х гг. II в. до н. э. и функционировал вплоть до падения Наньюэ в 111 г. до н. э. [Наньюэ..., 2008, с. 295]. По-видимому, постройки погибли в огне, поскольку повсюду на памятнике обнаружены следы крупного пожара: участки прокаленной почвы, слои золы, обгоревшее дерево и древесные угли, копать на кирпичах и черепице. Это полностью соответствует содержанию главы «Описание Наньюэ» в «Исторических записках» Сыма Цяня, где сообщается, что Паньюй был сожжен ханьской армией [Сыма Цянь, 2010, с. 73–74].

По особенностям планировки, применявшимся строительным технологиям и материалам дворцовый район правителей Наньюэ следует архитектурно-градостроительной традиции государств Центральной равнины эпох Чжаньго, Цинь и Хань. Как свидетельствуют данные эпиграфики, создатели дворцового комплекса во всем, вплоть до названий зданий, подражали устройству резиденций ханьских императоров в Чаньане (см.: [Дмитриев, 2002, с. 45–50]).

⁴ То же название носил императорский дворец в Чаньане, построенный по приказу императора Западной Хань Гао-цзу в 194 г. до н. э. [Дмитриев, 2002, с. 47].

К проявлениям местной специфики можно отнести особое внимание, уделявшееся обустройству сложной системы водостоков для отведения дождевой воды и хозяйственно-бытовых сточных вод, что обусловлено теплым и влажным климатом с выраженным сезоном дождей и высоким уровнем грунтовых вод.

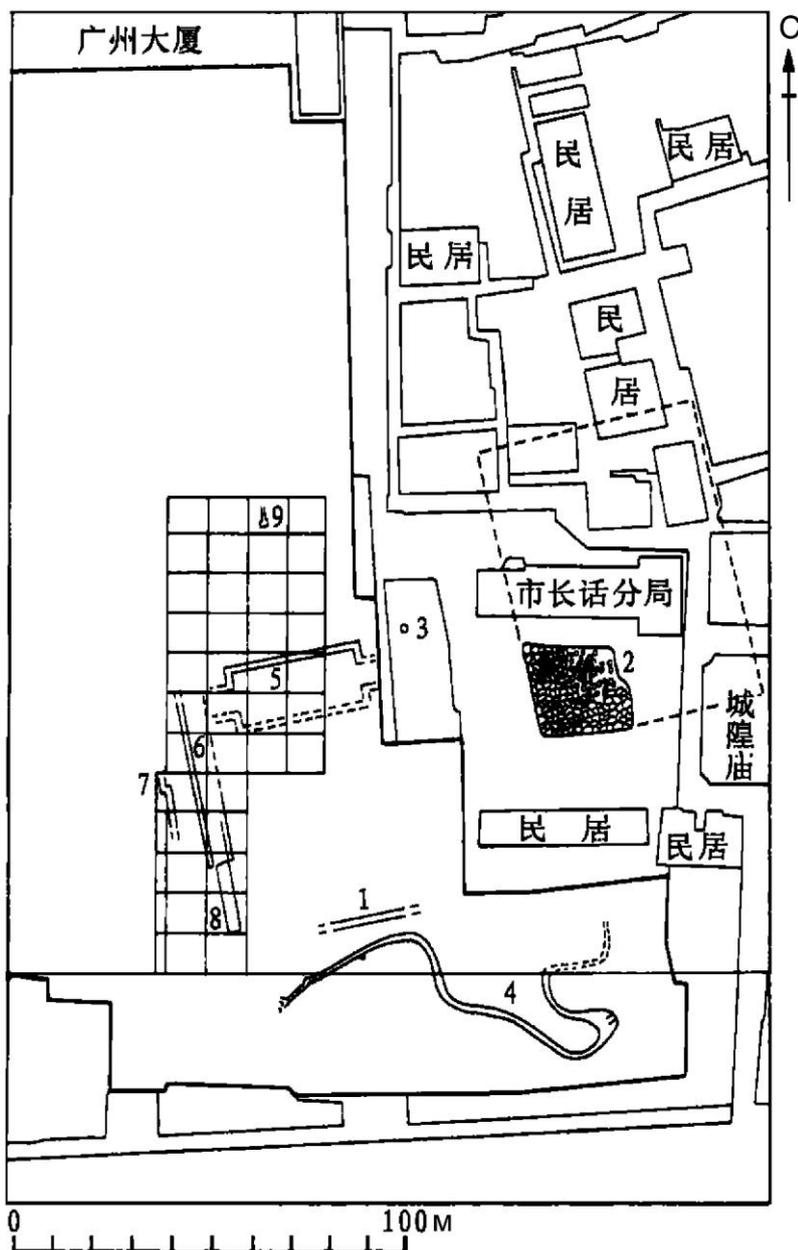

Рис. 5. План расположения археологических памятников дворцового района столицы: 1 – тротуар (раскопки 1975 г.); 2 – пруд (раскопки 1995 г.); 3 – колодец (раскопки 1996 г.); 4 – извилистый ручей (раскопки 1997 г.); 5 – дворец 1; 6 – галерея; 7 – дворец 2; 8 – тротуар; 9 – колодец (раскопки 2000 и 2003 гг.). По: [Ху Цзянь и др., 2007, с. 16]

Fig. 5. Plan of archaeological sites of the palace district: 1 – sidewalk (excavations in 1975); 2 – pond (excavations in 1995); 3 – well (excavations in 1996); 4 – meandering stream (excavations in 1997); 5 – palace 1; 6 – gallery; 7 – palace 2; 8 – sidewalk; 9 – well (excavations in 2000 and 2003). After: [Hu Jian et al., 2007, p. 16]

Парк во дворце правителей Наньюэ по своему устройству в целом вписывается в обще-китайскую садово-парковую традицию эпох Цинь-Хань. Его отличительной чертой является широкое применение каменных строительных элементов, не характерное для архитектуры Китая того периода и, возможно, обусловленное инокультурным воздействием. Отмечено сходство архитектурного оформления парка с памятниками раннебуддийской архитектуры в Санчи и Бхархуте (штат Мадхья-Прадеш, Индия) [Цюань Хун, Ли Цзаосинь, 2019]. По данным письменных источников известно, что в то время уже действовали морские маршруты, связывавшие юг Китая (в частности Паньюй) с Индией (см.: [Вэй Чжэн, 2018б с. 260]), поэтому создатели дворцового парка могли быть знакомы с некоторыми характерными чертами индийской архитектуры и построить парк в «иностранным» стиле. Еще одним фактом, указывающим на существование связей с отдаленными странами и регионами, служит использование для покрытия поверхности черепицы и декоративных кирпичей серо-синей глазури, в состав которой в качестве флюсующей добавки входит натрий-калиевое соединение. Технология производства такого вида глазури, неизвестная в циньском и ханьском Китае, близка к технологии изготовления натрий-кальциевого стекла, которая также пришла на территорию Китая с Запада [Наньюэ..., 2008, с. 296–299; Чжан Юнь, 2012, с. 27–28].

Семантика и назначение отдельных элементов дворцового парка и его структуры в целом в настоящее время остаются практически не изученными. Китайские исследователи основное внимание уделяют его декоративно-рекреационным функциям. Однако, на наш взгляд, парк мог служить не только местом отдыха и развлечений, но и пространством для проведения ритуалов, сходных с теми, что в более поздние времена известны как «пиры у извилистого потока» – составная часть Празднества третьего дня третьего месяца. Родоначальником этой традиции считается каллиграф Ван Сичжи (303–361), устроивший в 353 г. праздник, участники которого наслаждались вином, пуская чаши с напитком вниз по течению реки, любовались пейзажем и слагали стихи. Генезис, эволюция и особенности Празднества третьего дня третьего месяца и связанных с ним церемоний детально проанализированы в статье М. Е. Кравцовой [1991] на материалах династийных историй и придворной поэзии. Сведения этих источников о происхождении праздника разнородны и противоречивы, однако очевидно, что он представлял собой не просто светское развлечение, а государственный ритуал, истоки которого восходят к архаичным обрядам календарного цикла, связанным с весенним пробуждением природы и очистительной магией. Ключевыми элементами этого ритуала были время (весна) и место (у воды) его проведения [Там же, с. 105]. Остановимся еще на некоторых чертах Празднества третьего дня третьего месяца, которые, на наш взгляд, позволяют выдвинуть гипотезу о возможности проведения подобных обрядовых действий в дворцовом парке Наньюэ.

Династийные истории и поэтические тексты III–V вв. указывают, что Празднество третьего дня третьего месяца проходило в специальных постройках на территории императорских парков. В стихах проводятся параллели между реальным праздником и пиром небожителей на берегу волшебного Нефритового пруда во дворце Сиванму – Владычицы Запада в китайской мифологии. Причем в династийных историях также говорится, что при династии Цзинь церемонии проводились не только на берегу реки, но и у искусственного замкнутого водоема – Пруда Небесного источника в окрестностях Лояна [Там же, с. 106–109]. Как видно, в парке царства Наньюэ присутствовали оба необходимых элемента водного ландшафта – и пруд, и извилистый канал, имитировавший реку. Существенной представляется и ассоциация с образом обитающей на Западе и дарующей бессмертия Сиванму. Возможно, обращение к чужеземной (западной по отношению к Наньюэ) архитектурной стилистике при оформлении парка было призвано придать ему большее сходство с резиденцией Царицы Запада. Путешествие к Сиванму ради обретения вечной жизни – один из важнейших сюжетов китайской мифологии. Возможно, ритуалы, проводившиеся в парке, служили своего рода инсценировкой этого сюжета, целью которой было достижение бессмертия участниками действия. В этом контексте дополнительное значение приобретает и факт разведения в парке оленей

и черепаха. Олени, согласно китайской мифологии, служили ездовыми животными даосских бессмертных, а образ черепахи устойчиво связан с древнекитайской мантической традицией. Вероятно, черепахи играли важную роль в проведении ритуалов у извилистого потока. В подтверждение можно привести строку из стихотворения Се Тяо (464–499): «Чаши с вином во множестве сгрудились, божественная черепаха являет свою сущность» (цит. по: [Кравцова, 1991, с. 111]).

Как указывает М. Е. Кравцова, «во второй половине III в. Празднество третьего дня третьего месяца не только приобрело статус государственного ритуала, но и стало превращаться в сложное, синкретическое действие, вбиравшее в себя рудименты различных древних обрядов, в том числе и восходивших к принципиально иным религиозным традициям» [Там же, с. 107]. Возможно, парк правителей Наньюэ служил местом проведения обрядовых действий, впоследствии вошедших в комплекс ритуалов Празднества третьего дня третьего месяца. В любом случае функции и семантика этого памятника ландшафтной архитектуры требуют дальнейшего исследования.

Заключение

Открытие и исследование дворцового комплекса правителей царства Наньюэ значительно обогатило имевшиеся сведения об историко-культурном развитии восточноазиатского региона в древности. Изученные памятники демонстрируют высокий уровень развития производственных технологий, градостроительных практик, ландшафтного искусства. В вопросах организации пространства дворцового района элиты Наньюэ ориентировались на стандарты, принятые в столицах империй Цинь и Хань, адаптируя их к местным природно-климатическим условиям. Судя по внешним заимствованиям в архитектуре дворца и парка, Наньюэ уже во II в. до н. э. был связан морскими маршрутами с достаточно отдаленными территориями (включая п-ов Индостан). Одним из наиболее перспективных направлений исследований представляется анализ семантики пространственной организации и архитектурных объектов дворцового парка.

Список литературы

- Вэй Чжэн.** Находки предметов иностранного происхождения и предметов в «степном стиле» в погребениях эпохи Хань на территории провинции Шаньдун и северной части провинции Цзянсу (Китай) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии: Сб. науч. ст. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2018. Вып. 2. С. 256–262.
- Дмитриев С. В.** Основные компоненты ханьского города на примере Чанъани // Общество и государство в Китае: XXXII науч. конф. М.: Вост. лит., 2002. С. 43–56.
- Кравцова М. Е.** К проблеме интерпретации раннесредневекового китайского ритуала (на материале Празднества третьего дня третьего месяца) // СЭ. 1991. № 1. С. 103–114.
- Сыма Цянь.** Исторические записки (Ши цзи) / Пер. с кит. и коммент. под ред. А. Р. Вяткина. М.: Вост. лит., 2010. Т. 9. 623 с.
- Гуанчжоу Цинь-Хань цаочуань гунчан ичжи шицзюэ [Пробные раскопки руин судостроительной мастерской эпох Цинь-Хань в Гуанчжоу] // Вэнь. 1977. № 4. С. 1–17. (на кит. яз.)
- Дай Кайюань.** «Гуанчжоу Цинь-Хань цаочуань гунчан ичжи» шо чжи [Сомнения в теории о «руинах верфи эпох Цинь и Хань в Гуанчжоу»] // Ухань шуйюнь гунчэн сюэюань сюэбао. 1982. № 1. С. 17–26. (на кит. яз.)
- Ли Цзаосинь.** Гуанчжоу ши Наньюэго гуншу ичжи Наньюэ гунчэн бэй цян цзичжидэ фацзюэ [Раскопки фундамента северной стены дворцового района царства Наньюэ на территории археологического комплекса дворцов и зданий правительственных учреждений государства Наньюэ в г. Гуанчжоу] // Каогу. 2020а. № 9. С. 31–52. (на кит. яз.)

- Ли Цзаосинь.** Си Хань Наньюэго дучэн юй гунчэн цзи сянгунань вэньти [Столица и дворцовый район царства Наньюэ эпохи Западная Хань и связанные с этим вопросы] // Чжунго гуду яньцзю. 2020б. Вып. 38. С. 115–125. (на кит. яз.)
- Лю Жуй, Ли Цзаосинь.** Гуанчжоу Наньюэго гуншу ичжи 2000 нянь фацзюэ баогао [Отчет о раскопках руин дворцов и зданий правительственных учреждений государства Наньюэ в Гуанчжоу в 2000 г.] // Каогу сюэбао. 2002. № 2. С. 235–260. (на кит. яз.)
- Лю Лунвэнь.** Дуй Гуанчжоу Цинь-Хань цзаочуаньтай «ичжи» дэ цяньи [Краткое обсуждение «памятника» Судостроительные платформы Цинь и Хань в Гуанчжоу] // Гуандун цзаочуань. 1995. № 2. С. 38–41. (на кит. яз.)
- Наньюэ гуньюань ичжи. 1995, 1997 нянь каогу фацзюэ баогао (шан) [Отчет об археологических раскопках дворцового парка царства Наньюэ 1995, 1997 гг. Т. 1]. Пекин: Вэньчу баньшэ, 2008. 328 с., 24 цв. ил., 126 ил. (на кит. яз.)
- Си Лунфэй.** Цун Шэньси «Чжоу лаоху» сяндао Гуанчжоу «Май чуаньтай» – пин Май Инхао дэ «Гуанчжоу Цинь-Хань сань да каогу фасянь» [От «тигра Чжоу» в Шэньси до «стапелей Май Инхао» в Гуанчжоу – комментарий к «Трём крупнейшим открытиям археологии Цинь-Хань в Гуанчжоу» Май Инхао] // Жэдай дили. 2009. № 1. С. 96–101. (на кит. яз.)
- Сюй Хун.** Фасянь юй туйли [Открытия и умозаключения]. Тайюань: Шаньси жэньминь чубаньшэ, 2021. 256 с.
- Фэн Юнцой, Чунь Вэйхань, Цюань Хун, Ли Цзаосинь.** Гуанчжоу Наньюэго гуншу ичжи 1995–1997 нянь фацзюэ цзяньбао [Краткий отчет о раскопках руин дворцов и зданий правительственных учреждений государства Наньюэ в Гуанчжоу в 1995–1997 гг.] // Вэньбу. 2000. № 9. С. 4–24. (на кит. яз.)
- Хань Вэйлун, Лю Жуй, Мо Хуэйсюань.** Гуанчжоу ши Наньюэго гуншу ичжи Си Хань муцзянь фацзюэ цзяньбао [Краткий отчет о раскопках западноханьских дощечек с надписями на руинах дворцов и зданий правительственных учреждений государства Наньюэ в г. Гуанчжоу] // Каогу. 2006. № 3. С. 3–13. (на кит. яз.)
- Ху Цзянь, Ян Юн, Вэнь Цзинвэй.** Гуанчжоу ши Наньюэго гуншу ичжи 2003 нянь фацзюэ цзяньбао [Краткий отчет о раскопках руин дворцов и зданий правительственных учреждений государства Наньюэ в г. Гуанчжоу в 2003 г.] // Каогу. 2007. № 3. С. 15–31. (на кит. яз.)
- Хуан Чжаныюэ.** Наньюэго каогусюэ яньцзю [Археологические исследования государства Наньюэ]. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2015. 343 с. (на кит. яз.)
- Цзинь Синдэ.** Цун цзаочуаньдэ яоцю чжи «чуаньтай шо» [Сомнения в «стапельной теории», основанные на требованиях к условиям, необходимым для строительства судов] // Жэдай дили. 2009. № 2. С. 194–196. (на кит. яз.)
- Цюань Хун, Ли Цзаосинь.** Наньюэ гуньюань ичжи бацзяосин шичжудэ хайвай вэньхуа иньсу каоча [Исследование зарубежных культурных факторов на материале восьмиугольных каменных колонн в дворцовом парке царства Наньюэ] // Вэньбу. 2019. № 10. С. 69–78. (на кит. яз.)
- Чжан Юнь.** Наньюэго гуншу ичжи дуй хайшан Сычоучжилу яньцзю цзячжидэ фэньси [Анализ значения руин дворцового комплекса царства Наньюэ для исследований Морского Шелкового пути] // Фуцзянь вэньбо. 2012. № 4. С. 26–30. (на кит. яз.)

References

- Dai Kaiyuan.** Query of Validity of “Remains of the Shipyard of Qin and Han Dynasties in Guangzhou”. *Journal of Wuhan Institute of Water Transportation Engineering*, 1982, no. 1, pp. 17–26. (in Chin.)
- Dmitriev S. V.** Osnovnye komponenty khan'skogo goroda na primere Chan'an [The main components of a Han city on the example of Chang'an]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae: XXXII*

nauchnaya konferentsiya [Society and State in China: XXXII scientific conference]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2002, pp. 43–56. (in Russ.)

- Feng Yongqu, Chen Weihang, Quan Hong, Li Zaoxin.** Excavation of the Site of the Royal Residence of the Nanyue Kingdom in Guangzhou from 1995 to 1997. *Cultural Relics*, 2000, no. 9, pp. 4–24. (in Chin.)
- Guangzhou Qin-Han zaochuan gongchang yizhi shijue [Trial excavation of the Qin and Han shipbuilding workshop site in Guangzhou]. *Cultural Relics*, 1977, no. 4, pp. 1–17. (in Chin.)
- Han Weilong, Liu Rui, Mo Huixuan.** Guangzhou shi Nanyueguo gongshu yizhi Xi Han mujian fajue jianbao [Brief report on the excavation of inscribed wooden slips of the Western Han Dynasty at the Nanyue Kingdom Palace Site in Guangzhou]. *Archaeology*, 2006, no. 3, pp. 3–13. (in Chin.)
- Hu Jian, Yang Yong, Wen Jingwei.** Guangzhou shi Nanyueguo gongshu yizhi 2003 nian fajue jianbao [Brief report on the excavation of the Nanyue Kingdom Palace Site in Guangzhou in 2003]. *Archaeology*, 2007, no. 3, pp. 15–31. (in Chin.)
- Huang Zhanyue.** Nanyueguo kaoguxue yanjiu [Archaeological Research of Nanyue Kingdom]. Beijing, China Social Sciences Press, 343 p. (in Chin.)
- Jin Xingde.** A Query about “Theory of Berth Site” from the View of Shipbuilding Requirement. *Tropical Geography*, 2009, vol. 29, no. 2, pp. 194–196. (in Chin.)
- Kravtsova M. E.** K probleme interpretatsii rannesrednevekovogo kitaiskogo rituala (na materiale Prazdnestva tret'ego dnya tret'ego mesyatsa) [On the Problem of Interpretation of the Early Medieval Chinese Ritual (based on the Feast of the Third Day of the Third Month)]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*, 1991, no. 1, pp. 103–114. (in Russ.)
- Li Zaoxin.** The Capital and Palace City of Nanyue in the Western Han Dynasty and Their Related Problems. *Zhongguo gudu yanjiu [Studies on Ancient Chinese Capitals]*, 2020, iss. 38, pp. 115–125. (in Chin.)
- Li Zaoxin.** Guangzhou shi Nanyueguo gongshu yizhi Nanyue gongcheng bei qiang jizhide fejue [Excavation of the North Wall Foundation Site of Nanyue Palace City at the Nanyue Kingdom Palace Site in Guangzhou]. *Archaeology*, 2020, no. 9, pp. 31–52. (in Chin.)
- Liu Longwen.** Dui Guangzhou Qin-Han zaochuantai “yizhi” de qianyi [A Brief Discussion on the “Relics” of the Qin and Han Shipbuilding Platforms in Guangzhou]. *Guangdong Shipbuilding*, 1995, no. 2, pp. 38–41. (in Chin.)
- Liu Rui, Li Zaoxin.** Palace and Government Office Site of the Nanyue State in Guangzhou. *Acta Archaeologica Sinica*, 2002, no. 2, pp. 235–260. (in Chin.)
- Nanyue gongyuan yizhi. 1995, 1997 nian kaogu fajue baogao (shang) [Report on Archaeological Excavation of the Site of the Garden of Nanyue Kingdom in 1995 and 1997, vol. 1]. Beijing, Cultural Relics Publ., 2008, 328 p., 24 color pl., 126 pl. (in Chin.)
- Quan Hong, Li Zaoxin.** Observation of the Exotic Cultural Factors of the Octagonal Stone Pillars Unearthed at the Royal Palace and Garden Sites of the Nanyue Kingdom. *Cultural Relics*, 2019, no. 10, pp. 69–78. (in Chin.)
- Sima Qian.** Istoricheskie zapiski (Shi ji) [Records of the Grand Historian (Shiji)]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2010, vol. 9, 623 p. (in Russ.)
- Wei Zheng.** Steppe-stylistic and foreign cultural relics unearthed from Han tombs in Shandong Province and northern part of Jiangsu Province (China). In: *Sovremennye resheniya aktual'nykh problem evraziiskoi arkheologii [Modern Solutions of Actual Problems of Eurasian Archaeology]*. Collection of scientific papers. Barnaul, Altai Uni. Press, 2018, pp. 256–262. (in Russ.)
- Xi Longfei.** From “Zhou Tiger” in Shaanxi Province to “Mai’s Shipway” in Guangzhou – Review of the “Three Discoveries for Qin & Han Dynasty in Guangzhou” by Mr. Mai Yinghao. *Tropical Geography*, 2009, vol. 29, no. 1, pp. 96–101. (in Chin.)
- Xu Hong.** Faxian yu tuili [Discoveries and Inferences]. Taiyuan, Shanxi People Publ., 2021, 256 p. (in Chin.)

Zhang Yun. Nanyueguo gongshu yizhi dui haishang Sichouzhilu yanjiu jiazhide fenxi [An analysis of the value of the Nanyue Kingdom Palace Site for the Maritime Silk Road research]. *Fujian wenbo*, 2012, no. 4, pp. 26–30. (in Chin.)

Информация об авторе

Мария Андреевна Кудинова, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 57204361448
WoS Researcher ID AAJ-2405-2021

Information about the Author

Maria A. Kudinova, Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 57204361448
WoS Researcher ID AAJ-2405-2021

*Статья поступила в редакцию 15.02.2022;
одобрена после рецензирования 30.03.2022; принята к публикации 14.05.2022
The article was submitted 15.02.2022;
approved after reviewing 30.03.2022; accepted for publication 14.05.2022*

Научная статья

УДК 902.01

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-25-36

Северо-Восточный Кавказ в бакинское время (средний плейстоцен): палеографические обстановки и археологические индустрии

Антон Александрович Анойкин

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
anui1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2383-2259>

Аннотация

Бакинская стадия истории Каспия (0,8–0,4 млн л. н.) находится в рамках среднего плейстоцена. Этому времени на Северо-Восточном Кавказе соответствует тираспольский фаунистический комплекс, и начинается формирование комплекса пещерной фауны хищников (пещерный лев, пещерная гиена и др.). Происходит прогрессирующее изменение климата в сторону похолодания с исчезновением из состава фауны и флоры теплолюбивых видов. Археологические индустрии этого времени (Дарвагчай-1, Дарвагчай-залив-4 и др.) демонстрируют изменение мелкоорудийной традиции и переориентацию производства на системное сколовое расщепление. Увеличивается разнообразие орудий, появляются бифасиальные изделия. Дагестанские материалы выглядят как локальный вариант финальных раннепалеолитических индустрий Кавказа, сближающий раннепалеолитическое мелкоорудийное производство с ашельскими комплексами западной части Евразии и сочетающий отдельные их элементы.

Ключевые слова

Дагестан, ранний плейстоцен, ранний палеолит, ашель, Каспийское море, бакинская стадия, трансгрессии, тираспольский фаунистический комплекс

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 21-18-00552 «Древнейшая история Каспийского региона: хронология и развитие археологических культур в условиях меняющейся природной среды» (анализ археологических материалов) и в рамках программы НИР № FWZG-2022-0008 «Центральная Азия в древности: археологические культуры каменного века в условиях меняющейся природной среды» (анализ изменений палеоклиматических обстановок)

Для цитирования

Анойкин А. А. Северо-Восточный Кавказ в бакинское время (средний плейстоцен): палеогеографические обстановки и археологические индустрии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 7: Археология и этнография. С. 25–36. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-25-36

North-Eastern Caucasus in the Bakunian Stage (Middle Pleistocene): Paleogeographic Conditions and Archaeological Industries

Anton A. Anoikin

Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
anui1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2383-2259>

Abstract

Purpose. Complete review of current status of research in paleogeographic settings and evolution of the archaeological industries in the North-Eastern Caucasus during the Bakunian stage of the Caspian Sea Quaternary history.

Results. The Bakunian stage is recognized to be a part of the Middle Pleistocene in the Quaternary chronostratigraphy of the Caspian Sea region and dated 0.8–0.4 Ma. In the early stages of the Bakunian major transformation in the composition of landscapes and animal communities occurred, being associated with general cooling resulting an increase in natural land zoning. Further progressive climate change towards cooling led to the disappearance of a large number of thermophilic species from the fauna and flora. This time in the North-Eastern Caucasus corresponds to the Tiraspol faunistic complex, and in the later stages a complex of cave predator fauna (cave lion, cave hyena, etc.) emerges in the region. Archaeological industries of that time (Darvagchay-1, Darvagchay-Zaliv-4, etc.) demonstrates the eradication of the small-tool tradition and the reorientation of stone tool processing towards systemic knapping. More diverse usage of raw materials is identified in the archaeological record. In primary technology, these assemblages are characterized by parallel unifacial knapping and the presence of the few radial/discoid cores. Tool kits include bifaces and choppers, with predominance of single-edged side-scrapers on flakes and pebbles, and denticulate, notched and spike-like tools. There are practically no points. Through time a significant percentage of the small-tool component remains, but its contribution gradually decreases. These industries should be considered as a local type in the stone tool production evolution, which is in the general Caucasian trend of the spread of Early Paleolithic industries with bifaces.

Conclusion. The Early Paleolithic of Dagestan from the first half of the Middle Pleistocene is identified as a local variant of the final Early Paleolithic industries of the Caucasus, bringing together the Early Paleolithic small-tool industry with the Acheulian complexes of the western part of Eurasia and combining their individual elements.

Keywords

Dagestan, Early Pleistocene, Early Paleolithic, Acheulean, Caspian Sea, Bakunian stage, transgressions, Tiraspol faunal complex

Acknowledgements

This study was financially supported by the Russian Science Foundation, grant no. 21-18-00552 “The Earliest History of the Caspian Region: Chronology and Development of Archaeological Cultures in a Changing Natural Environment” (analysis of archaeological materials) and was carried out according to the research program research program no. FWZG-2022-0008 “Central Asia in Ancientry: Archaeological Cultures of the Stone Age in a Changing Natural Environment” (analysis of changes in paleoclimatic conditions)

For citation

Anoikin A. A. North-Eastern Caucasus in the Bakunian Stage (Middle Pleistocene): Paleogeographic Conditions and Archaeological Industries. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 25–36. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-25-36

Введение

Изучение раннего палеолита на Кавказе ведет отсчет с 1934 г., когда С. Н. Замятниным были обнаружены первые ашельские памятники на черноморском побережье и в северной зоне Кавказа (Яштух, Фортепьянка и др.). В конце 40-х гг. XX в. были открыты два новых района локализации раннепалеолитических объектов: Армения и Южная Осетия (Сатанидар, Лаше-Балта и др.). В 1950–1980-е гг. исследуются многослойные пещерные стоянки (Кударо I и III, Цона, Азых, Треугольная и др.), а также большое количество открытых местонахождений, в основном с подъемными материалами, на Центральном и Западном Кавказе [Любин, 1989]. После открытия в Дманиси (Грузия) остатков гоминидов возрастом около 1,8 млн лет, залегающих вместе с каменными орудиями, территория Кавказа стала рассмат-

риваться как один из основных миграционных коридоров уже с первоначального заселения Евразии. При этом территория западного побережья Каспийского моря оставалась до недавнего времени одной из наименее изученных в палеолитическом отношении областей Кавказа, а единственной стратифицированной стоянкой раннего палеолита здесь долгое время оставалась пещера Азых. Ситуация в регионе изменилась в XXI в., когда за два последних десятилетия на Кавказе и в Предкавказье было открыто свыше десятка новых памятников, относящихся к раннему и среднему плейстоцену [Деревянко, 2015]. Результаты этих работ показали, что Кавказ в целом и его каспийское побережье в частности, активно осваивались человеком с самых ранних этапов плейстоцена. С учетом того, что на ранних этапах истории человек находился в прямой зависимости от условий природной среды, которая, по существу, и определяла направление и скорость миграций, интенсивность освоения новых территорий, плотность заселения, стратегии выживания и т. д., установление палеогеографического контекста начального освоения палеоколлективами территории Западного Прикаспия, является необходимым условием для понимания этого сложного, продолжительного и многофакторного процесса.

Целью данной работы является определение современного уровня знаний по этой проблематике применительно к территории Северо-Восточного Кавказа в течение бакинской стадии истории Каспийского палеобассейна, времени, когда на этой территории происходят принципиальные изменения в раннепалеолитических индустриях. Основными задачами исследования, таким образом, являются проведение комплексного анализа природных обстановок на рассматриваемой территории в среднем плейстоцене и анализ археологических индустрий бакинского времени, известных в береговой зоне Северо-Восточного Кавказа в этот период.

Палеогеографические обстановки в Западном Прикаспии в среднем плейстоцене

В течение всего плейстоцена одним из важнейших факторов, определяющих палеоэкологию региона, являлись колебания уровня Каспийского палеобассейна, влияющие не только на климат и ландшафты береговой зоны, но и на территории, находящиеся от него за сотни километров. При этом сама изменчивость наполнения ложа Каспийского моря определялась сочетанием большого количества климатических, геологических и иных факторов, являясь своеобразным суммарным индикатором текущих палеогеографических обстановок.

В бакинское время колебания уровня Каспийского моря имели меньшую амплитуду, чем в раннем плейстоцене, а также значительно меньшую продолжительность. Началу бакинской трансгрессии предшествовала мощная тюркьянская регрессия (по некоторым оценкам, до уровня –150 м), начавшаяся в конце апшеронского времени, которая рядом исследователей выделяется в отдельный этап истории развития Каспийского палеоморя. В настоящее время наиболее распространена следующая периодизация бакинского цикла [Федоров, 1978; Варушенко и др., 1987; Рычагов, 1997; Янина, 2012; Свиточ, 2014]:

- 800–450 тыс. л. н. – раннебакинская трансгрессивная стадия (в некоторых схемах содержащая заключительные стадии тюркьянской регрессии, начавшейся в финале апшеронского времени);
- 450–410 тыс. л. н. – регрессивный (веденский) этап (выделяется не всеми исследователями);
- 410–370 тыс. л. н. – позднебакинская трансгрессивная стадия;
- 370–300 тыс. л. н. – урунджикская регрессивная стадия (ряд исследователей относит ее к более позднему (хазарскому) циклу или выделяет в отдельный этап истории развития Каспийского палеоморя).

В периоды трансгрессий у Бакинского моря существовала периодическая связь с Чаудинским (Черноморским) палеоморем, что существенно ограничивало возможный уровень подъ-

ема воды. В период максимальных отметок уровня моря воды Каспия на западном побережье заливали Терско-Кумскую и Куринскую низменности, часть территории Апшеронского полуострова и значительную часть прибрежной полосы Кавказского побережья [Рычагов, 1997; Свиточ, 2014].

Согласно мнению большинства исследователей, в раннебакинскую стадию уровень моря был выше, чем у современного Каспия, и приближался к уровню Мирового океана. В период максимального подъема воды, обычно связываемого с поздней бакинской трансгрессией, ряд авторов оценивает уровень стояния вод в +30 м и выше [Свиточ, 2014]. Однако значительная часть исследователей более осторожна в оценках и указывает высоты до +10 м [Варушенко и др., 1987; Рычагов, 1997].

Характерными представителями раннебакинской малакофауны являются моллюски *Didacna parvula* – *Didacna catillus*; позднебакинской – *Didacna rudis* – *Didacna caditoides* – *Didacna eulachia* [Янина, 2005].

На ранних этапах бакинского цикла, соответствующих границе раннего и среднего плейстоцена (~ 0,8 млн л. н.), произошла крупная перестройка в составе растительных и животных сообществ, связанная с очередным похолоданием климата и, как следствие, усилением зональности [Зубаков, 1986].

Имеющиеся по разрезам западных районов Прикаспия палинологические данные обнаруживают в растительном покрове этого времени распространение травянистых сообществ типа южных сухих степей при существенной роли лесных формаций, которые представлены мелколиственными (береза, ольха) и широколиственными (дуб, вяз, клен, граб, каштан, липа и др.) видами, приуроченными, по-видимому, к речным долинам и низменным участкам [Филиппова, 1997].

Спектры отложений позднебакинского времени этой территории на общем фоне преобладания пыльцы травянистых ксерофитов, при некотором участии пыльцы широколиственных пород и вечнозеленых кустарников (иглица, падуб), показывают обилие пыльцы розоцветных. Возможно, последняя продуцировалась не только травянистыми представителями семейства, но также кустарниковыми и древесными формами (дикорастущие плодовые), произраставшими в подлеске и нижнем ярусе широколиственных лесов [Абрамова, 1974].

Изменения растительных сообществ сопровождалась и трансформацией фаунистических комплексов. В период, соответствующий началу бакинского цикла, на территории юга Восточной Европы сформировался тираспольский комплекс (стратотип расположен в районе г. Тирасполь, местонахождение Колкотова балка), который значительно отличался от хавровско-таманской фауны. Это первая фауна на территории Восточной Европы, состав которой позволяет делать выводы о похолодании, близком к эпохе максимального оледенения [Алексеева, 1977].

Одной из самых характерных форм тираспольского комплекса является *Archidiskodon wilsti* (слон Вюста). В состав млекопитающих входят: *Canis* sp. (волки), *Vulpes* sp. (лисица), *Ursus deningeri* (медведь Денингера), *Crocota* sp. (гиены), *Panthera spelaea* (пещерный лев). Лошади представлены тремя формами, в том числе *Equus sussenbornensis* (зюссенборнская лошадь) и *Equus mosbachensis* (мосбахская лошадь). Встречаются отдельные кости ослов. Есть два вида носорогов – *Dicerorhonus etruscus* (этрусский носорог) и *Dicerorhonus kirchbergensis (mercki)* (носорог Мерка). Парнокопытные животные весьма разнообразны: короткорогие зубры *Bison schoetensacki*, большерогие олени *Praemegaceros verlicornis*, группа благородных оленей – *Cervus elaphoides*, *Cervus acoronatus*, *Cervus elaphus*, винторогие антилопы *Pontoceros ambiguus*, широколобые лоси *Alces latifrons*, крупные верблюды *Paracamelus* sp. С этим фаунистическим комплексом связана широкая адаптивная радиация кабаллоидных лошадей, расселение родов *Alces* (лоси) и *Praeovibos* (древние овцебыки), а также тронгериевого слона *Archidiskodon trogontherii* [Завьялов и др., 2002].

Фауна мелких млекопитающих в общих чертах обнаруживает сходство с современной. Появляются роды *Dicrostonyx* (копытные лемминги) и *Arvicola* (водяные полевки). Многооб-

разны полевки родов *Pitymys* и *Microtus*, но всё еще широко представлены корнезубые полевки рода *Mimomys*. Характерно повсеместное распространение лагурид (*Lagurus transiens*). Зарегистрированы первые находки леммингов рода *Lemmus* [Александрова, 1976].

По экологическому составу тираспольская фауна очень разнообразна. Наряду с лесостепными слонами-архидискодонтами (слон Вюста), этрусским носорогом, зубрами и др. в ее состав входят обитатели лесов (разнообразные олени, лоси, косули, носороги Мерка, медведи), а также обитатели относительно сухих полустепных стадий (антилопы, лошади, полuosлы, верблюды, а также эласмотерии). Обилие лосей и разнообразие оленей позволяет думать, что были развиты как участки болотистого и кустарникового леса, так и сухие лесостепные ландшафты [Алексеева, 1977].

Тираспольский фаунистический комплекс был первоначально выделен М. В. Павловой на основании изучения костных остатков животных из стратотипического разреза V колкотовской террасы Днестра в районе г. Тирасполя. В последующее время остатки животных этих же видов были зафиксированы в Приазовье в отложениях IV Рожковской и V Платовской террас, в том числе и совместно с раковинами бакинских моллюсков [Лебедева, 1965]. На Северном Кавказе единичные находки одной из самых характерных форм тираспольского комплекса – слона Вюста – были обнаружены в карьере Гирей (г. Кропоткин), а также у станицы Воздвиженской и хут. Дагужиева [Лебедева, 1963]. На западном побережье Каспийского моря такие же единичные находки остатков слона Вюста известны из бакинских отложений в окрестностях Дуздага и Боздага (Азербайджан). В Закавказье аналогами тираспольского комплекса являются фауны древних слоев пещер Цона (Грузия) и Кударо-1 (Южная Осетия) [Верещагин, 1959]. Таким образом, хотя в пределах Северо-Восточного Кавказа не известны массовые палеонтологические материалы бакинского времени, анализ синхронной палеофауны сопредельных территорий позволяет предполагать, что этот регион также заселялся животными видами, представляющими тираспольский фаунистический комплекс.

Анализ родового состава тираспольского комплекса позволяет специалистам считать его холодоустойчивым. В фауне этого времени присутствуют преимущественно те животные, прямые потомки которых довольно хорошо пережили последующие оледенения. Это быки, давшие начало *Bison priscus*; благородные и большерогие олени, лоси, лошади кабаллоидной группы, слоны Вюста (от которых, по мнению большинства палеонтологов, развивалась мамонтовая линия) [Верещагин, 1959; Алексеева, 1977].

В тираспольское время началось формирование так называемой пещерной фауны хищников (медведь Денингера, пещерный лев, пещерная гиена). В это же время появляются первые лесные лемминги. Таким образом, на протяжении раннего – среднего плейстоцена происходит постепенное, от комплекса к комплексу, исчезновение из состава фауны теплолюбивых элементов, что свидетельствует об общем прогрессирующем изменении климата в сторону похолодания [Там же]. При этом состав фауны млекопитающих рассматриваемой территории не позволяет однозначно решить вопрос, были это крупные периодические колебания климата или происходило более или менее ровное усиление похолодания. Никаких следов повторных миграций теплолюбивых элементов, согласно имеющимся данным, не обнаружено.

Археология Приморского Дагестана в бакинское время

Наиболее ранние археологические материалы бакинского времени на территории Северо-Восточного Кавказа происходят со стоянки Дарвагчай-1 в Приморском Дагестане. Памятник находится на северном берегу Геджухского водохранилища (нижнее течение р. Дарвагчай). Это зона перехода от предгорной (высота 120–270 м над ур. м.) к низменной (высота < 90 м над ур. м.) части Западного Прикаспия [Деревянко и др., 2012].

В сводном разрезе Дарвагчай-1 выделяются три пачки отложений со специфическими чертами седиментогенеза (снизу вверх) [Там же].

Пачка 1 (слой 1) генетически соответствует переходной зоне между шельфом и побережьем (средняя глубина вод 8–15 м). Предполагаемый возраст – ранний плейстоцен (поздний акчагыл).

Пачка 2 (слои 2–9) сформировалась в субаэральных и субаквальных условиях (глубина от 0 до 15 м) типичного морского побережья. Предполагаемый возраст – средний плейстоцен (бакинское время). В слоях 4–8 был зафиксирован археологический материал.

Пачка 3 (слои 10–13) образована преимущественно в субаэральных условиях. Предполагаемый возраст – поздний плейстоцен – голоцен.

Стационарными исследованиями на памятнике вскрыто ~ 140 кв. м и найдено в стратифицированном залежании около 9 000 отдельностей кремня, имеющих признаки антропогенного воздействия разной степени выраженности. Археологический материал на памятнике можно разделить на два комплекса, наиболее древний из которых связан со слоями 4–7. Видовой состав малакофауны в культуросодержащих слоях позволяет считать, что захоронение этих артефактов происходило в раннебакинскую трансгрессию Каспийского моря, и, соответственно, их возраст, учитывая хронологию подстилающего слоя 3, определяется диапазоном 600–450 тыс. л. н. [Деревянко и др., 2012].

Каменная индустрия слоев 4–7 Дарвагчая-1 (~ 5 000 экз.) характеризуется большим количеством мелких изделий (2–4 см), которые составляют ~ 80 % коллекции, и неустойчивостью типологических форм орудий при отсутствии какой бы то ни было стандартизации предметов. В первичном расщеплении широко применялось дробление с последующим отбором угловатых обломков кремня для вторичной обработки. Кроме того, как орудийные основы часто использовались колотые гальки и плитки. Отщепы (на них выполнено ~ 25 % орудий) производились с нуклеусов параллельного принципа скалывания, как правило, однофронтальных, в одно- и двуплощадочных вариантах. Ударные площадки подготавливались одним или несколькими сколами, иногда использовалась естественная поверхность. Есть свидетельства применения долечной техники (единичные долечные сколы). Среди выделенных категорий орудий преобладают скребловидные (скребла, атипичные скребки), шиповидные и выемчатые. Крупные орудия (более 5 см) редки (~ 5 % от орудийного набора). Во вторичной отделке преобладает краевая грубая однорядная, часто зубчатая ретушь. Часто использовались оббивка и приемы получения клетонских анкошей. Доминирование мелкоорудийного компонента сохраняется во всех слоях. Также устойчиво-постоянными остаются принципы отбора заготовок, приемы их вторичного оформления и набор основных категорий орудий.

Данный комплекс относится к мелкоорудийным раннепалеолитическим индустриям, где для изготовления орудий массово использовались несколовые основы (обломки, плитки и т. д.), полученные, как правило, техникой дробления и имеющие небольшие размеры. Нуклеусное расщепление также присутствует, однако имеет подчиненное значение; ядрища оформлялись минимально, размерность сколов также, как правило, была небольшая.

Во втором, более позднем, археологическом комплексе Дарвагчая-1 (слой 8, ~ 4 000 экз.), вероятнее всего, относящемся к позднебакинскому времени, фиксируются существенные изменения в составе каменной индустрии. В нем на фоне стандартного по составу для индустрии памятника мелкоорудийного компонента увеличиваются доли системных нуклеусов (параллельного способа скалывания одно- и двуфронтальных), сколов и орудий на них (до 30 % от орудийных форм), а также артефактов размерностью > 5 см. Кроме того, появляются крупные галечные орудия (чопперы, орудие с носиком), изделия с бифасиальной обработкой (рубила) и тщательно ретушированные скребла на крупных сколах. Среди утилизированного сырья увеличивается процент некремневой составляющей (окремненные песчаники). По имеющимся естественнонаучным данным, отложения слоя 8 накапливались в позднебакинский трансгрессивно-регрессивный мини-цикл и имеют возраст ~ 400–300 тыс. лет.

Эти материалы демонстрируют значительные отличия от более древних комплексов памятника в первую очередь в технике первичного расщепления, где основной заготовкой ста-

новится скол, а нуклеусы, как правило, имеют выраженное предварительное оформление. Также на сколах выполнена основная доля орудий. Заготовки в целом крупнее, есть изделия значительных размеров (10–15 см). Более разнообразным и типологически устойчивым становится орудийный набор, появляются галечные орудия, включая бифасы.

В близком слою 8 хронологическом интервале находятся, возможно, несколько более поздние археологические местонахождения Дарвагчай-залив-4 (слои 3 и 5) и Дарвагчай-залив-1 (комплекс 3) [Деревянко и др., 2012]. Согласно определениям малакофауны из культуросодержащих слоев и серии ОСЛ-дат их возраст соответствует финальной фазе бакинского цикла – уруджикской регрессии [Деревянко и др., 2018; Курбанов и др., 2021].

Мелкоорудийный компонент в индустрии этих памятников также присутствует, однако играет подчиненную роль – процент небольших изделий (2–4 см) в коллекции существенно меньше, чем в комплексах Дарвагчай-1 (менее 30 %). В первичном расщеплении также продолжает использоваться техника дробления, но в целом уже прослеживается четкая направленность индустрии на получение и преимущественное использование сколовых основ. Усложняется первичное расщепление: помимо простейших вариантов однофронтальных одноплощадочных ядрищ с минимальной предварительной подготовкой и естественными ударными площадками в коллекции присутствуют нуклеусы параллельного способа скалывания с сопряженными фронтами, а также дисковидные. В орудийном наборе основными категориями являются выемчатые и шиповидные изделия с преобладанием мелких форм и скребла, часть которых оформлена многорядной ретушью. Большинство орудий изготовлено на отщепах. В составе индустрии появляются удлиненные остроконечники на сколах [Деревянко и др., 2012; 2018]. Наиболее яркой частью орудийного набора становятся крупные галечные орудия (чопперы) и бифасиально обработанные изделия, соответствующие рубилам и пикам из хронологически близких комплексов ашельского облика других регионов Старого Света [Гладилин, Ситливый, 1990; Любин, 1998; Деревянко, 2014; Goren-Inbar, Sharon, 2006].

Согласно имеющимся естественнонаучным данным, к финалу бакинского времени и, следовательно, к тому же культурно-хронологическому интервалу, что и рассмотренные выше комплексы, относится немногочисленный археологический материал из балки Шор-Доре в Аджинаурской впадине (пункты 1–6) [Анойкин, 2016]. Здесь, как и на памятниках этого времени в бассейне р. Дарвагчай, представлены единичные одноплощадочные нуклеусы параллельного способа скалывания в варианте с сопряженными фронтами, примерно равное количество угловатых обломков кремня и сколов разных размеров. Орудия оформлялись преимущественно на сколах, в том числе и пластинчатых, но также использовались и мелкие нескововые основы. В орудийном наборе преобладают атипичные скребки и выемчатые орудия, заметно присутствие шиповидных изделий. Скребла представлены простыми однолезвийными формами. Из галечных орудий зафиксированы только чопперы.

Единичные крупные бифасиально обработанные орудия, найденные вне четкого стратиграфического контекста (Дарвагчай-карьер, Чумус-Иниц, Дюбекчай), позволяют лишь предположительно, на основе сравнения с материалами стратифицированных объектов, отнести их к финалу бакинского времени и рассматривать как проявление широкого распространения и разнообразия двухсторонних орудий на территории Приморского Дагестана в этот период [Деревянко и др., 2012].

Результаты исследований и обсуждение

Наиболее яркой чертой комплексов финала раннего палеолита в Приморском Дагестане является присутствие крупных галечных и бифасиально обработанных орудий. Основу первичного расщепления составляют плоскостные ядрища, в основном параллельные и радиальные, как правило, однофронтальные. Техника дробления используется значительно реже, чем в более ранних индустриях. Средние размеры ядрищ и сколов заметно выше, чем в более

древних комплексах. Для вторичной обработки отбираются преимущественно сколы. В орудийных наборах преобладают однолезвийные скребла, орудия зубчато-выемчатой группы и шиповидные изделия. Крупные орудия на гальках представлены в основном чопперами и массивными скребловидными изделиями. Много атипичных скребков на несколовых основах, остроконечников практически нет. Мелкоорудийный компонент, в отличие от более ранних комплексов, не играет решающей роли в облике индустрий, и его доля резко снижается вверх по временной шкале. Сырьевая база становится более разнообразной, но кремь по-прежнему доминирует. В целом происходит постепенное изживание традиции производства мелких орудий на несколовых заготовках, переориентация каменного производства исключительно на системное сколовое расщепление, увеличение типологического разнообразия орудийного ряда при значительной стандартизации форм изделий и приемов вторичной отделки.

Несмотря на то что в интервале 0,8–0,3 млн л. н. мелкоорудийные комплексы получили широкое распространение по всей территории Евразии, материалы Дарвагчай-1 с доминированием мелкоорудийного компонента не имеют близких аналогов на Кавказе и остаются, наряду с раннеплейстоценовыми коллекциями слоя 5 Рубаса-1 и Нурнуса [Деревянко и др., 2012; Любин и др., 2010; Деревянко, 2015], немногочисленными свидетельствами развития этой индустриальной линии в регионе. Хотя мелкоорудийный компонент в той или иной степени присутствует в материалах ряда раннепалеолитических стоянок Кавказа, иногда составляя довольно значительный процент (Кударо-1, Треугольная) [Любин, Беляева, 2004; Дороничев и др., 2007], нигде, кроме памятников Западного Прикаспия, он не является основным элементом, определяющим облик археологических комплексов. В настоящее время все подобные мелкоорудийные индустрии локализованы за пределами Кавказского региона.

Стоит отметить, что все памятники с мелкоорудийными комплексами в этой части Кавказа находятся в пределах древних береговых линий Каспийского моря, и, возможно, этот тип индустрий связан с адаптацией древних обитателей этих территории к условиям приморской зоны. Показательно, что изменения в технокомплексах происходят на фоне общего похолодания климата в среднеплейстоценовое время. При этом появление в них такой специфической категории изделий, как крупные бифасы, приходится на поздние стадии бакинского времени, незадолго до общей перестройки палеоэкологической системы и смены палеофаунистических комплексов с тираспольского на сингильский. В то же время нельзя исключать, что появление данных типов изделий связано, в том числе, и с общей тенденцией распространения их в это время по территории Кавказа в результате культурообменных или миграционных процессов.

Основным отличием индустрий комплексов финала раннего палеолита Приморского Дагестана, относящихся к рубежу бакинского – хазарского времени (Дарвагчай-1 (слой 8), Дарвагчай-залив-4, Дарвагчай-залив-1 (комплекс 3), Шор-Доре и др.), от более ранних материалов является присутствие галечных и бифасиальных орудий. Материалы этих комплексов – с их преимущественным параллельным унифасиальным расщеплением и малой долей радиальных / дисковидных ядрищ; крайне незначительным присутствием бифасиальных форм и чопперов; преобладанием однолезвийных скребел, зубчато-выемчатых и шиповидных орудий и сохранением заметного процента мелких изделий – следует рассматривать как местный вариант развития каменного производства, находящийся в общекавказском тренде распространения раннепалеолитических индустрий с бифасами.

Заключение

Каменные индустрии Приморского Дагестана в течение среднего плейстоцена демонстрируют единый вектор развития, направленный на изживание традиции изготовления мелких орудий преимущественно на несколовых заготовках (обломки, плитки), и переориентацию каменного производства на системное сколовое расщепление. Эти изменения в техноком-

плексах происходят на фоне общего похолодания климата в среднелейстоценовое время. Наиболее сильная модернизация каменных индустрий фиксируется в позднебакинское время, на рубеже смены основных палеоэкологических обстановок, когда происходят заметные изменения как в орудийных наборах (появление бифасов, крупных галечных орудий, тщательно обработанных скребел и т. д.), так и в способах вторичной обработки (более интенсивное применение ретуши) и первичного расщепления (распространение специально подготовленных ядрищ нескольких типов, доминирование сколов, среди орудийных заготовок). Вместе с тем, наряду с природным фактором, эти изменения могли быть связаны с миграционными процессами или культурной диффузией.

В целом данные материалы выглядят как локальный вариант финальных раннепалеолитических индустрий Кавказа, сочетающий отдельные элементы раннепалеолитического мелкоорудийного производства и ряд черт, характерных для ашельских комплексов западной части Евразии.

Список литературы

- Абрамова Т. А.** Реконструкция палеогеографических условий эпох четвертичных трансгрессий и регрессий Каспийского моря: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М.: Изд-во МГУ, 1974. 24 с.
- Александрова Л. П.** Грызуны антропогена европейской части СССР // Тр. ГИН АН СССР. М.: Наука, 1976. Вып. 291. 100 с.
- Алексеева Л. И.** Териофауна раннего антропогена Восточной Европы (крупные млекопитающие) // Тр. ГИН АН СССР. М.: Наука, 1977. Вып. 300. 214 с.
- Анойкин А. А.** Археологические материалы комплекса местонахождений Шор-Доре-1–6 в контексте индустрий финала раннего палеолита Приморского Дагестана // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 7. С. 49–59.
- Варушенко С. И., Варушенко А. Н., Клиге Р. К.** Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремени. М.: Наука, 1987. 239 с.
- Верещагин Н. К.** Млекопитающие Кавказа. История формирования фауны. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 704 с.
- Гладилин В. Н., Ситливый В. И.** Ашель Центральной Европы. Киев: Наук. дум., 1990. 268 с.
- Деревянко А. П.** Бифасиальная индустрия в Восточной и Юго-Восточной Азии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. 372 с.
- Деревянко А. П.** Три глобальные миграции человека в Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. 1: Происхождение человека и заселение им Юго-Западной, Южной, Восточной, Юго-Восточной Азии и Кавказа. 612 с.
- Деревянко А. П., Амирханов Х. А., Зенин В. Н., Анойкин А. А., Рыбалко А. Г.** Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 292 с.
- Деревянко А. П., Рыбалко А. Г., Зенин В. Н., Янина Т. А.** Исследования раннепалеолитической стоянки Дарвагчай-залив-4 в Дагестане // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. № 2. С. 3–15.
- Доронищев В. Б., Голованова Л. В., Барышников Г. Ф., Блэквелл Б. А. Б., Гарутт Н. В., Левковская Г. М., Молодьков А. Н., Несмеянов С. А., Поспелова Г. А., Хоффекер Д. Ф.** Треугольная пещера. Ранний палеолит Кавказа и Восточной Европы. СПб.: Островитянин, 2007. 270 с.
- Завьялов Е. В., Шляхтин Г. В., Табачишин В. Г., Макаров В. З., Березуцкий М. А., Якушев Н. Н.** Генезис природных условий и основные направления современной динамики ареалов животных на севере Нижнего Поволжья. Сообщение III. Генезис фауны и флоры в четвертичное время. Плейстоцен // Поволжский экологический журнал. 2002. № 3. С. 217–235.

- Зубаков В. А.** Глобальные климатические события плейстоцена. Л.: Гидрометеиздат, 1986. 288 с.
- Курбанов Р. Н., Рыбалко А. Г., Янина Т. А.** Хронология и периодизация палеолитических комплексов Северо-Восточного Кавказа (по материалам стоянки Дарвагчай-залив-4) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. 27. С. 161–166.
- Лебедева Н. А.** Континентальные антропогенные отложения Азово-Кубанского прогиба и соотношение их с морскими толщами // Тр. ГИН АН СССР. М: Наука, 1963. Вып. 84. 107 с.
- Лебедева Н. А.** Геологические условия местонахождения мелких млекопитающих в антропогенных отложениях Приазовья // Корреляция антропогенных отложений Северной Евразии. М.: Наука, 1965. С. 111–140.
- Любин В. П.** Палеолит Кавказа // Палеолит мира. Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л.: Наука, 1989. С. 9–142.
- Любин В. П.** Ашельская эпоха на Кавказе. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. 192 с.
- Любин В. П., Беляева Е. В.** Стоянка Homo erectus в пещере Кударо 1, Центральный Кавказ. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 272 с.
- Любин В. П., Беляева Е. В., Саблин М. В.** Открытие раннепалеолитической стоянки в районе Нурнусского палеоозера (Центральная Армения) // Исследования первобытной археологии Евразии. Махачкала: Наука, 2010. С. 36–59.
- Рычагов Г. И.** Плейстоценовая история Каспийского моря. М.: Изд-во МГУ, 1997. 267 с.
- Свиточ А. А.** Большой Каспий: строение и история развития. М.: Изд-во МГУ, 2014. 272 с.
- Федоров П. В.** Плейстоцен Понто-Каспия. М.: Наука, 1978. 166 с.
- Филиппова Н. Ю.** Палинология верхнего плиоцена – среднего плейстоцена юга Каспийской области. М.: ГЕОС, 1997. 164 с.
- Янина Т. А.** Дидакны Понто-Каспия. М.; Смоленск: Маджента, 2005. 300 с.
- Янина Т. А.** Неоплейстоцен Понто-Каспия: биостратиграфия, палеогеография, корреляция. М.: Изд-во МГУ, 2012. 264 с.
- Goren-Inbar N., Sharon G.** (eds.). Ache Age. Acheulian Tool-making from Quarry to Discard. London, Equinox, 2006, 514 p.

References

- Abramova T. A.** Rekonstruktsiya paleogeograficheskikh uslovii epokh chetvertichnykh transgressii i regressii Kaspiiskogo morya [Reconstruction of the paleogeographic conditions of the epochs of the Quaternary transgressions and regressions of the Caspian Sea]. Thesis of PhD Diss. Moscow, Moscow State Uni. Press, 1974, 24 p. (in Russ.)
- Alexandrova L. P.** Gryzuny antropogena evropeiskoi chasti SSSR. In: Trudy GIN AN SSSR [Works Geological Institute AS USSR]. Moscow, Nauka, 1976, iss. 291, 100 p. (in Russ.)
- Alekseeva L. I.** Teriofauna rannego antropogena Vostochnoi Evropy (krupnye mlekopitaiuschie) [Early Anthropogen theriofauna from Eastern Europe (large mammals)]. In: Trudy GIN AN SSSR [Works Geological Institute AS USSR]. Moscow, Nauka, 1977, iss. 300, 214 p. (in Russ.)
- Anoikin A. A.** Arkheologicheskie materyaly kompleksa mestonahozhdenii Shor-Dore-1–6 v kontekste industrii finala rannego paleolita Primorskogo Dagestana [Archaeological material of the complex of Shor-Dore sites 1–6 in the context of the Final Early Paleolithic industries of Sea-side Dagestan]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2016, vol. 15, no. 7, pp. 49–59. (in Russ.)
- Derevyanko A. P.** Bifasyalnaya industriya v Vostochnoi i Yugo-Vostochnoi Azii [Bifacial industry in East and Southeast Asia]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2014, 372 p. (in Russ.)

- Derevianko A. P.** Tri global'nye migratsii cheloveka v Evrazii [Three global human migrations in Eurasia]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2015, vol. 1: The origin of humans and peopling of Southwestern, Southern, Eastern and Southeastern Asia and the Caucasus, 612 p. (in Russ.)
- Derevianko A. P., Amirkhanov Kh. A., Zenin V. N., Anoin A. A., Rybalko A. G.** Problemy paleolita Dagestana [Issues on Paleolithic of Dagestan]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2012, 292 p. (in Russ.)
- Derevianko A. P., Rybalko A. G., Zenin V. N., Yanina T. A.** Excavations at Darvagchay-Zaliv-4: An Early Paleolithic site in Dagestan. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2018, no. 2, pp. 3–15. (in Russ.)
- Doronichev V. B., Golovanova L. V., Baryshnikov G. F., Blekvell B. A. B., Garutt N. V., Levkovskaya G. M., Molodkov A. N., Nesmeyanov S. A., Pospelova G. A., Hoffeker D. F.** Treugolnaya peshchera. Rannii paleolit Kavkaza i Vostochnoi Evropy [Treugolnaya cave. Early Paleolithic of the Caucasus and Eastern Europe]. St. Petersburg, Ostrovityanin Publ., 2007, 270 p. (in Russ.)
- Fedorov P. V.** Pleistotsen Ponto-Kaspiya [Pleistocene of the Ponto-Caspian]. Moscow, Nauka, 1978, 166 p. (in Russ.)
- Filippova N. Yu.** Palinologiya verkhnego plitsena – srednego pleistotsena yuga Kaspiiskoi oblasti [Palynology of the Upper Pliocene – Middle Pleistocene of the South of the Caspian Region]. Moscow, GEOS Publ., 1997, 164 p. (in Russ.)
- Gladilin V. N., Sitlivyi V. I.** Ashel Centralnoi Evropy [Acheulean of Central Europe]. Kiev, Naukova dumka, 1990, 268 p. (in Russ.)
- Goren-Inbar N., Sharon G.** (eds.). Axe Age. Acheulian Tool-making from Quarry to Discard. London, Equinox, 2006, 514 p.
- Kurbanov R. N., Rybalko A. G., Yanina T. A.** Chronology and Periodization of Paleolithic Complexes of South-Eastern Dagestan (Based on the Evidence from the Darvagchai-Zaliv-4 Site). *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, 2021, vol. 27, pp. 161–166. (in Russ.)
- Lebedeva N. A.** Kontinentalnye antropogenovye otlozheniia Azovo-Kubanskogo progiba i sootnoshenie ikh s morskimi tolshchami [Continental anthropogenic deposits of the Azov-Kuban depression and their relationship with the marine strata]. In: Trudy GIN AN SSSR [Works Geological Institute AS USSR]. Moscow, Nauka, 1963, iss. 84, 107 p. (in Russ.)
- Lebedeva N. A.** Geologicheskie usloviya mestonahozhdeniya melkikh mlekopitaiushchikh v antropogenovykh otlozheniyakh Priazov'ya [Geological conditions of the location of small mammals in the Anthropogenic deposits of the Pryazovia]. In: Korreliatsiya antropogenovykh otlozhenii Severnoi Evrazii [Correlation of Anthropogenic deposits of Northern Eurasia]. Moscow, Nauka, 1965, pp. 111–140. (in Russ.)
- Lyubin V. P.** Paleolit Kavkaza [Paleolithic of Caucasus]. In: Paleolit mira. Paleolit Kavkaza i Severnoi Azii [Paleolithic of World. Paleolithic of Caucasus and Nord Asia]. Leningrad, Nauka, 1989, pp. 9–142. (in Russ.)
- Lyubin V. P.** Ashelskaya epokha na Kavkaze [Acheulean era in the Caucasus]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 1998, 192 p. (in Russ.)
- Lyubin V. P., Belyaeva E. V.** Stoyanka Homo erectus v peshchere Kudaro 1 (Centralnyi Kavkaz) [Homo erectus site in Kudaro 1 cave (Central Caucasus)]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2004, 272 p. (in Russ.)
- Lyubin V. P., Belyaeva E. V., Sablin M. V.** Otkrytie rannepaleoliticheskoi stoyanki v raione Nurnusskogo paleoozera (Centralnaya Armeniya) [Discovery of Early Paleolithic site in the area of the Nurnus paleolake (Central Armenia)] In: Issledovaniya pervobytnoi arkheologii Evrazii [Studies of the prehistoric archeology of Eurasia]. Mahachkala, Nauka, 2010, pp. 36–59. (in Russ.)
- Rychagov G. I.** Pleistotsenovaya istoriya Kaspiiskogo morya [Pleistocene history of the Caspian Sea]. Moscow, Moscow State Uni. Press, 1997, 267 p. (in Russ.)

- Svitoch A. A.** Bolshoi Kaspii: stroenie i istoriya razvitiya [Great Caspian: structure and history of evolution]. Moscow, Moscow State Uni. Press, 2014, 272 p. (in Russ.)
- Varushenko S. I., Varushenko A. N., Clige R. K.** Izmenenie rezhima Kaspiiskogo morya i besstochnykh vodoemov v paleovremeni [Changes in the regime of the Caspian Sea and endorheic basins in Paleotime]. Moscow, Nauka, 1987, 239 p. (in Russ.)
- Vereshchagin N. K.** Mlekopitaiushchie Kavkaza. Istoriya formirovaniya fauny [Mammals of the Caucasus. The history of the formation of fauna]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1959, 704 p. (in Russ.)
- Yanina T. A.** Didakny Ponto-Kaspiya [Didacnes of Ponto-Caspian]. Moscow, Smolensk, Madzhenta, 2005, 300 p. (in Russ.)
- Yanina T. A.** Neopleistotsen Ponto-Kaspiya: biostratigrafiya, paleogeografiya, korrelyatsiya [Neopleistocene of the Ponto-Caspian: biostratigraphy, paleogeography, correlation]. Moscow, Moscow State Uni. Press, 2012, 264 p. (in Russ.)
- Zavyalov E. V., Shlyakhtin G. V., Tabachishin V. G., Makarov V. Z., Berezutsky M. A., Yakushev N. N.** Genesis prirodnikh uslovii i osnovnye napravleniya sovremennoi dinamiki arealov zivotnykh na severe Nizhnego Povolzhya. Soobshchenie III. Genesis fauny i flory v chetvertichnoe vremya. Pleistocen [Genesis of natural conditions and the main directions of modern dynamics of animal ranges in the north of the Lower Volga region. Message III. Genesis of fauna and flora in the Quaternary. Pleistocene]. *Povolzhskii ekologicheskii zhurnal [Povolzhskiy J. of Ecology]*, 2002, no. 3, pp. 217–235. (in Russ.)
- Zubakov V. A.** Globalnye climaticheskie sobytiya pleistotsena [Pleistocene Global Climate Events]. Leningrad, Gidrometeoizdat, 1986, 288 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Антон Александрович Анойкин, доктор исторических наук
Scopus Author ID 57193948842
WoS Researcher ID Q-2849-2016
RSCI Author ID 73176

Information about the Author

Anton A. Anoinin, Doctor of Sciences (History)
Scopus Author ID 57193948842
WoS Researcher ID Q-2849-2016
RSCI Author ID 73176

*Статья поступила в редакцию 10.02.2022;
одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 15.03.2022
The article was submitted 10.02.2022;
approved after reviewing 15.03.2022; accepted for publication 15.03.2022*

Научная статья

УДК 903(575.1)“632”

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-37-52

Технологическая вариабельность каменного производства в индустрии грота Тешик-Таш

Константин Константинович Павленок¹

Екатерина Николаевна Бочарова²

Станислав Павлович Медведев³

Сергей Александрович Когай⁴

Галина Дмитриевна Павленок⁵

^{1, 2, 4, 5} Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

³ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

¹ pavlenok-k@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0205-2077>

² bocharova.e@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7961-0818>

³ stas-roi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0916-184X>

⁴ kogai@irkutsk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4232-9587>

⁵ lukianovagalina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3727-776X>

Аннотация

Индустрия грота Тешик-Таш имеет бесспорную привязку к неандертальской популяции, что подтверждено, в том числе, и генетическими исследованиями. В этой связи технологическое изучение каменной коллекции имеет большое значение. Ранее авторами была обработана коллекция Тешик-Таша, хранящаяся в МАЭ РАН (Санкт-Петербург). В настоящей статье представлены данные обработки коллекции Тешик-Таша, хранящейся в НИИ и Музее антропологии им. Д. Н. Анучина МГУ, в основном подтверждающие выводы предыдущего исследования. В результате удалось зафиксировать безусловное доминирование центростремительной модели расщепления камня, использование которой запечатлено в морфологии изделий всех типологически значимых категорий. Вместе с тем ряд артефактов указывает на существование технологической вариабельности каменного производства в индустрии как на этапе изготовления сколов-заготовок (использование подклиновидных и объемных нуклеусов), так и на этапе оформления орудий (тронкированно-фасетированные изделия). При этом леваллуазское расщепление зафиксировано в материалах коллекции НИИ и Музея антропологии МГУ в таком же подчиненном положении, что и в коллекции Кунсткамеры. Анализ материалов грота Тешик-Таш, находящихся в Национальном музее истории Узбекистана в Ташкенте, расширит наши знания о навыках неандертальцев Центральной Азии в каменном производстве.

Ключевые слова

грот Тешик-Таш, неандертальцы, средний палеолит, каменная индустрия, атрибутивный анализ

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-09-00440 «Юго-восточная периферия расселения неандертальцев: новые данные археологии»

Для цитирования

Павленок К. К., Бочарова Е. Н., Медведев С. П., Когай С. А., Павленок Г. Д. Технологическая вариабельность каменного производства в индустрии грота Тешик-Таш // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 7: Археология и этнография. С. 37–52. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-37-52

© Павленок К. К., Бочарова Е. Н., Медведев С. П.,
Когай С. А., Павленок Г. Д., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 7: Археология и этнография. С. 37–52
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 37–52

Technological Lithic Production Variability of the Teshik-Tash Grotto Industry

Konstantin K. Pavlenok¹, Ekaterina N. Bocharova²
Stanislav P. Medvedev³, Sergei A. Kogai⁴
Galina D. Pavlenok⁵

^{1, 2, 4, 5} Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

³ Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation

¹ pavlenok-k@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0205-2077>

² bocharova.e@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7961-0818>

³ stas-roi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0916-184X>

⁴ kogai@irkutsk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4232-9587>

⁵ lukianovagalina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3727-776X>

Abstract

Purpose. For the Central Asian territories, only the discovery of a burial from Teshik-Tash has an indisputable connection with the Neanderthal population confirmed by genetic studies. In this situation, it is important to fully characterize the technological repertoire of this hominin species through a detailed study of the lithic industry of Teshik-Tash. One of the parts of the Teshik-Tash collection, kept in the collections of the Kunstkamera (St. Petersburg, Russia), was previously analyzed. Observations regarding the operation of radial and disc-shaped cores at the late stages of utilization, as well as the identified features in the morphology of points, again identified the problem of the presence / absence of the Levallois component in the Teshik-Tash industry.

Materials and Methods. Attributive analysis was chosen as a research tool, which was previously applied to the collection from the Kunstkamera. It allows reconstructing the entire “operational chain” of knapping lithic raw materials at the site and identifying the technological features of the production of different types of blanks.

Results. The performed analysis allows identifying some features of the knapping technology in the Teshik-Tash industry, such as: the dominant knapping system is centripetal; the using of Levallois technology is recorded in the one core; a method of shaping the core front by creating a rib at the base and using lateral spalls; a case of the volumetric concept of knapping has been identified; the strategies used in the industry resulted in a low standardized product; the rare design of percussion platforms and their reduction. The tool kit is characterized by the using of cores as the tools; the presence of two groups of “special purpose” tools; the irregularly retouched flakes as a background tool category; the presence of truncated and truncated-faceted pieces.

Discussion. The knapping approach was quite flexible, and this implies the possibility of switching from one model to another at different stages of core utilization. For this reason, some cores fall into the “grey zone” between radial, discoid, and Levallois types. At the same time, the Levallois technique occupies a clearly subordinate position in the industry, was extremely rarely used in the early stages of core utilization, and had almost no effect on the overall appearance of blanks. For this reason, we believe that Levallois technique should be considered as a one of the significant characteristics of the Teshik-Tash industry with great caution, as well as direct analogies with the new Middle Paleolithic complexes of the Tien Shan low mountains.

Conclusion. The processing of the Teshik-Tash collection made it possible to fix the dominance of the centripetal model of lithic knapping, the use of which is imprinted in the morphology of products of all main categories. At the same time, a number of artifacts point to the existence of technological variability in lithic production in the industry, both at the stage of making blanks (the use of sub-wedge-shaped and volumetric cores) and at the stage of designing tools (truncated-faceted products). These circumstances expand our understanding of the behavioral characteristics of the Neanderthals who lived in the west of Central Asia.

Keywords

Teshik-Tash grotto, Neandertals, the Middle Paleolithic, lithic industry, attribute analysis

Acknowledgements

The research is supported by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-09-00440 “Southeastern periphery of Neanderthal dispersal: new archaeological data”

For citation

Pavlenok K. K., Bocharova E. N., Medvedev S. P., Kogai S. A., Pavlenok G. D. Technological Lithic Production Variability of the Teshik-Tash Grotto Industry. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 37–52. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-37-52

Введение

Для огромных центральноазиатских территорий только находка погребения подростка из Тешик-Таша имеет бесспорную связь с неандертальской популяцией, подтвержденную в том числе и генетическими исследованиями [Krause et al., 2007; Glantz et al., 2008; Gunz, Stansfield, 2012]. В этой ситуации принципиально важно максимально полно охарактеризовать технологический репертуар этого вида гоминин путем детального изучения каменной индустрии Тешик-Таша.

Особенность работы с материалами памятника определяется тем, что за два года полевых исследований (в 1938 и 1939 гг.) А. П. Окладниковым была вскрыта «вся площадь грота, заполненная культурными отложениями и достигавшая 137 кв. м» [Тешик-Таш..., 1949] (рис. 1). В стратиграфическом разрезе четвертичных отложений грота было выделено пять культурных слоев: 1 («1»), 2 («1б»), 3 («2»), 4 («2б»), 5 («3»), разделенных стерильными прослойками. Двойная нумерация слоев, как поясняет А. П. Окладников, связана с тем, что часть слоев была выявлена лишь в процессе раскопок, и, чтобы избежать путаницы, было принято решение оставить изначальные номера с указанием добавочных номеров в скобках.

Изначально указывая на отсутствие различий между коллекциями слоев [Там же], позднее исследователь стоянки допускал возможность того, что самый верхний слой 1 («1а») может иметь более молодой возраст, однако данная точка зрения не получила развернутой аргументации [Окладников, 1966]. И в целом возраст культурных отложений Тешик-Таша в настоящий момент может быть определен только в очень широких пределах – вторая половина верхнего плейстоцена. Последние оценки возраста отложений стоянки в диапазоне от 57 до 24 тыс. лет [Вишняцкий, 1999; Деревянко, 2011; Krivosheina et al., 2020] также базируются на ранее опубликованных данных [Любин, 1970; Ранов, Несмеянов, 1973; Gabot, 1988] и сопоставлениях с близкими по характеристикам каменными индустриями. Попытки извлечения коллагена из фаунистических и антропологических останков не увенчались успехом [Glantz et al., 2009].

Дополнительное ограничение накладывает то обстоятельство, что в настоящий момент коллекция разделена между несколькими музеями, расположенными в разных странах. Одна из частей коллекции Тешик-Таша, хранящаяся в фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (МАЭ РАН, Санкт-Петербург, Россия), ранее была проанализирована авторами статьи [Павленок и др., 2022]. Наблюдения в части срабатывания радиальных и дисковидных нуклеусов на поздних стадиях утилизации, а также выявленные особенности в морфологии остроконечников вновь обозначили проблему наличия / отсутствия леваллуазского компонента в индустрии Тешик-Таша. Включение в исследование материалов, хранящихся в НИИ и Музее антропологии им. Д. Н. Анучина МГУ (Москва, Россия), которые рассматриваются в данной работе, является следующим шагом в изучении древних производственных практик неандертальцев на территории запада Центральной Азии.

Материалы и методы

Общая численность каменной коллекции составляет 42 экз. В качестве инструмента исследования был выбран атрибутивный анализ [Павленок и др., 2011; Chabai, Demidenko, 1998; Monigal, 2002], который ранее был применен в отношении коллекции из Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН [Павленок и др., 2022]. Он позволяет реконструировать всю «операционную цепочку» [Bar-Yosef, Van Peer, 2009] расщепления каменного сырья на стоянке и выявить технологические особенности производства разных типов заготовок. Этот тип анализа был применен ко всем изделиям, включая нуклеусы, сколы и орудия.

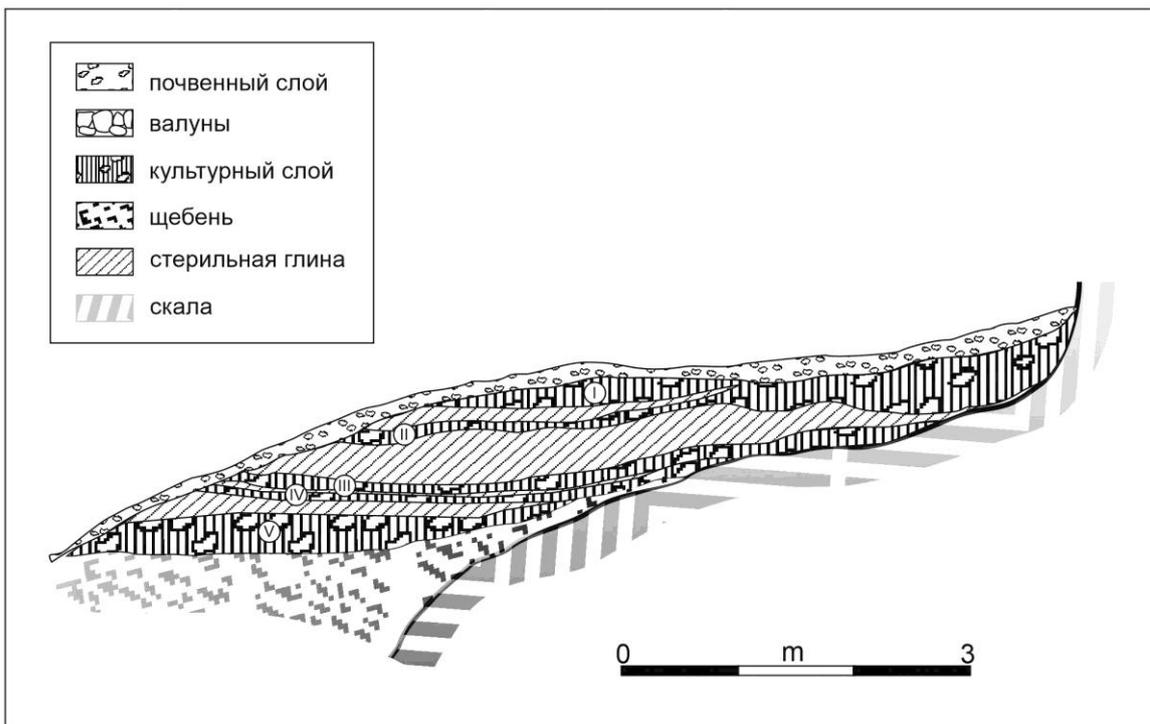

Рис. 1. Расположение и стратиграфия грота Тешик-Таш:
1 – расположение грота Тешик-Таш; 2 – стратиграфия стенки
(по [Тешик-Таш..., 1949])

Fig. 1. Teshik-Tash grotto:
1 – the destination; 2 – stratigraphical cross-section
(after [Teshik-Tah..., 1949])

Нуклеусы описывались с помощью фиксации следующих морфологических и метрических признаков (атрибутов):

- форма субстрата сырья;

- разновидность сырья;
- форма;
- количество и взаиморасположение рабочих поверхностей и ударных площадок;
- степень изогнутости рабочей поверхности;
- количество негативов сколов на рабочих поверхностях, их пропорции, ориентация и искривленность;
- оформление и скошенность, направление наклона ударных площадок;
- наличие и оформление вспомогательных ударных площадок;
- наличие и ориентация латеральных сколов;
- оформление основания нуклеуса и тыльной поверхности;
- степень сработанности;
- линейные размеры изделия;
- линейные размеры финальных негативов.

Атрибуты, используемые для описания целых сколов, были разделены на четыре основные группы:

- общая морфология артефакта (размер, форма, состояние сохранности / фрагментация, симметрия, поперечное сечение, профиль и характер дистальной части);
- состояние дорсальной стороны (направление негативов, наличие корки, система межфасеточных граней);
- состояние вентральной стороны (наличие и размер ударного бугорка, изъянца);
- состояние ударной площадки (размер, форма, рельеф, оформление, редукция).

Вторичная обработка описывалась по системе, предложенной К. А. Колобовой [2006].

В процессе анализа была осуществлена корректировка схем расщепления камня и характеристик орудийного набора. Дополнительно поясним, что приведенные ниже указания на принадлежность ряда изделий к конкретным слоям весьма условные, так как они взяты из музейной описи и были предложены сотрудниками музея на основании анализа монографического издания «Тешик-Таш. Палеолитический человек» [1949], а не полевых материалов.

Всего в коллекции 12 экземпляров нуклевидных изделий, одно из которых является малоинформативным нуклевидным обломком (слой 2(3)).

Радиальные нуклеусы – 3 экз. (рис. 2, 1–3). По материалам музейной описи два предмета принадлежат к слою 1, последнее изделие в описи отсутствует. О сильной степени истощенности одного из предметов из слоя 1 («1») (рис. 2, 1) говорит низкое сечение и в целом уплощенная форма. Четкое разделение поверхностей на фронт и тыльную поверхность прослеживается на втором ядрище из слоя 1 («1») (рис. 2, 2). Его протяженная площадка местами представляет собой неподработанное ребро, и только на некоторых участках угол скалывания увеличен путем снятия коротких поперечных сколов с фронта на контрфронт. Снятия на фронте отличаются большими размерами. На других предметах сколы на двух широких поверхностях близки по размеру. На всех нуклеусах укороченные либо соразмерные пропорции снимаемых сколов четырехугольной формы соотносятся с радиальной моделью расщепления.

Дисковидные нуклеусы – 2 экз. (рис. 2, 4, 5). Судя по описи, происходят из слоев 1 («1») и 2 («1б»). Ядрища на известняке срабатывались ударами «с ребра» попеременно на обе широкие поверхности центростремительным способом. На одном из нуклеусов (из слоя 2 («1б»)) рабочие поверхности различаются по рельефу (одна выпуклая, вторая уплощенная), что сближает изделие с радиальными ядрищами. При этом финальные сколы с дисковидных ядрищ уступают по размерам снятиям с радиальных.

Леваллуазский нуклеус – 1 экз. (согласно описи, из слоя 1 («1»)) (рис. 2, 6). В пользу леваллуазской атрибуции ядрища на отдельности песчаника указывает наличие серии коротких поперечных сколов с правой латерали, задачей которых было восстановление объема фронта после удаления предыдущих крупных сколов. Подобного разграничения функций сколов прежде не было выявлено в коллекции. Основные снятия производились с подготовленной

сколами с латерали площадки, угол которой относительно фронта близок к прямому. Это еще одно значимое отличие от описанных ранее категорий нуклеусов.

Подцилиндрический нуклеус – 1 экз. (рис. 3, 1). Происходит из слоя 4 («2б»). Изделие на желваке известняка. Подклиновидная форма придана фронту искусственно односторонними сколами в основании, дополнительно использовались латеральные сколы со стороны фронта и контрфронта. Многогранная прямая ударная площадка подготовлена сколами с правой латерали, ее угол с фронтом – прямой. С площадки в субпараллельном направлении снимались пластинчатые отщепы.

Подцилиндрический поперечный нуклеус – 1 экз., слой 1 («1») (рис. 3, 2). Изделие на гальке. Ударная площадка нуклеуса была сформирована одним широким сколом, немного скошена относительно фронта. Сильно выпуклая рабочая кромка несет следы интенсивной мелкой ретуши (нуклеус переоформлен в скребущее орудие). На фронте имеется множество негативов снятых в субпараллельном направлении отщепов.

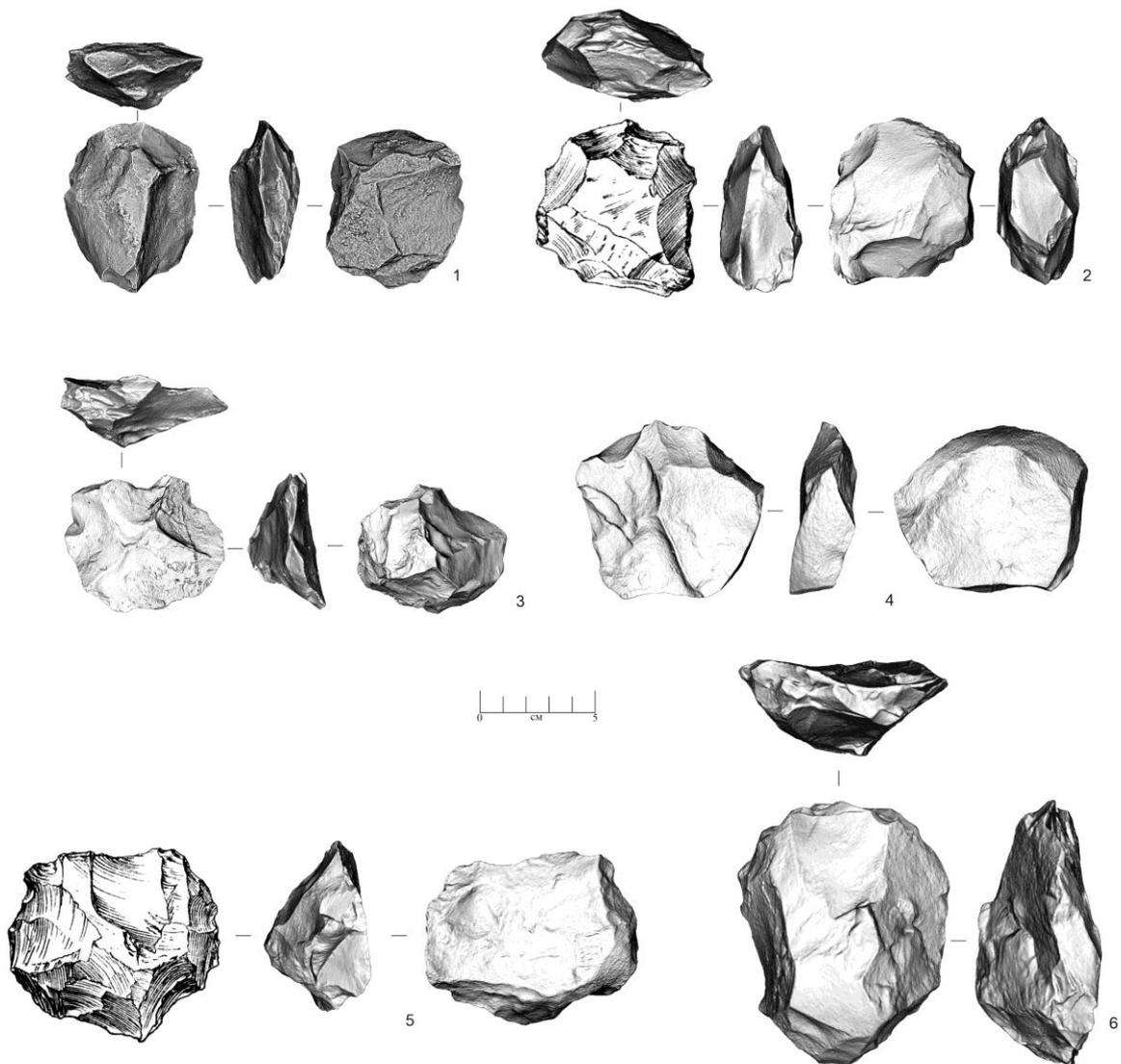

Рис. 2. Нуклеусы грота Тешик-Таш:
1–3 – радиальные нуклеусы; 4, 5 – дисковидные нуклеусы; 6 – леваллуазский нуклеус

Fig. 2. Cores of the Teshik-Tash grotto:
1–3 – radial cores; 4, 5 – discoid cores; 6 – Levallois core

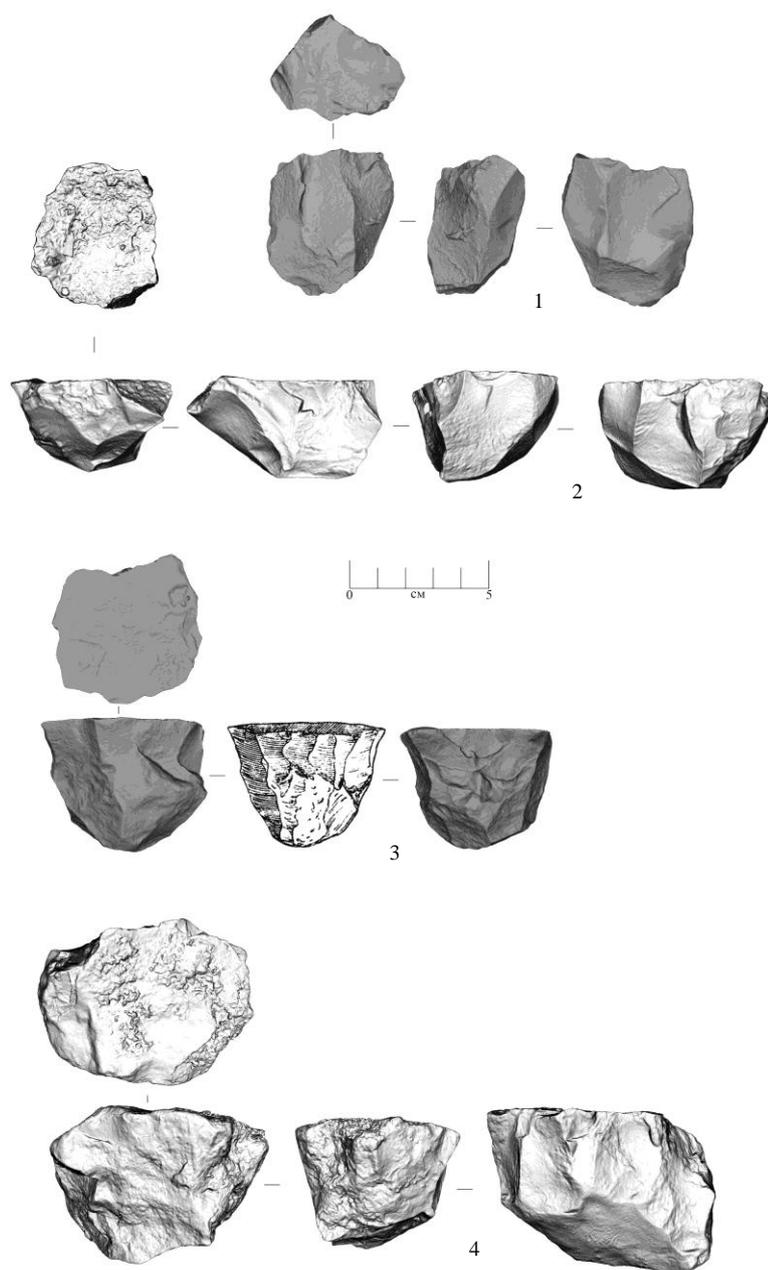

Рис. 3. Нуклеусы грота Тешик-Таш:

1 – подцилиндрический нуклеус; 2 – подцилиндрический поперечный нуклеус;
3 – цилиндрический поперечный нуклеус; 4 – ортогональный двусторонний ситуационный нуклеус

Fig. 3. Cores of the Teshik-Tash grotto:

1 – subprismatic core; 2 – subprismatic wide-shaped core;
3 – prismatic wide-shaped core; 4 – ortogonal bidirectional core

Цилиндрический поперечный нуклеус – 1 экз., слой 1 («1») (рис. 3, 3). Изделие на гальке известняка. С плоскости естественного разлома по всему периметру в субпараллельном направлении реализована серия разноразмерных сколов с пропорциями отщепов и пластинчатых отщепов.

Биперечный ситуационный нуклеус – 1 экз., слой 2 («1б»). Изделие на отдельности песчаника оставлено в самом начале расщепления, о чем говорит большое количество корки на фронте. Две зоны расщепления никак не связаны друг с другом – они маркируют независимые попытки инициации расщепления. Нуклеус утилизировался в рамках простого параллельного снятия заготовок с гладкой (во втором случае – естественной) ударной площадки, ориентированной под прямым углом к фронту.

Ортогональный двусторонний ситуационный нуклеус – 1 экз. (рис. 3, 4). Крупное изделие на желваке песчаника. Отображает ту же технологическую особенность индустрии: на начальных этапах утилизации, когда желваки крупные, возможно размещение на нуклеусе нескольких несвязанных зон расщепления. Фронт расщепления несет негативы снятия нескольких пластинчатых отщепов в продольно-конвергентном направлении. Вторая зона расщепления занимает ударную площадку и правую латераль нуклеуса. Прием снятия отщепов – простой параллельный. Дуга скальвания в обоих случаях объемная, но без специальной подготовки.

Анализ коллекции сколов дал следующие результаты. Из пяти отщепов четыре являются целыми, с сохранившимися проксимальными зонами, и потому более пригодными для анализа технологии их изготовления. Согласно описи, они происходят из слоев 1 («1») – 2 экз., 3 («2») и 4 («2б»). Изделия симметричные и асимметричные (по 2 экз.), овальной либо листовидной формы (по 2 экз.), треугольные и трапециевидные в сечении (также по 2 экз.). При этом наблюдается максимальное разнообразие огранок: продольная, центростремительная, продольно-конвергентная, ортогональная. Это сказалось и на разнообразии систем граней: асимметричная простая, бессистемная, V-образная асимметричная, T-образная. Только у одного отщепы площадка слабо скошенная, у остальных – прямые. Оформленные ударные площадки отсутствуют (две гладких, естественная и линейная). Редукция площадок отсутствует. Три отщепы преобразованы в орудия. Простое продольное прямое скребло на отщепе, слой 3 («2»); правый продольный край изделия занимает участок дорсальной полукрутой краевой ретуши. Отщеп с ретушью, слой 4 («2б»); серия крупных сколов и мелкая подправка краевой ретушью в дистальной части – обработка, очень близкая рубящим орудиям в индустрии. Фрагмент орудия; несколько фасеток двусторонней ретуши фиксируются в дистальной части изделия.

Два пластинчатых отщепы являются целыми (из слоев 1 («1») и 2 («1б»)). По форме – овальный и листовидный (как и другие отщепы); огранка продольно-конвергентная в обоих случаях; система граней: V-образная асимметричная и бессистемная; сечение – многогранное и треугольное. Ударная площадка в первом случае слабоскошенная гладкая и с подработкой ребра в проксимальной зоне, во втором – скошенная двугранная выпуклая и без редукции. Оба изделия преобразованы в орудия путем нанесения нерегулярной ретуши. На первом орудии прерывистая ретушь занимает оба продольных края и дистальное окончание. Ретушь дорсальная, чешуйчатая, краевая, крутая, разноразмерная, формирует зубчатый контур рабочего края. На втором изделии прерывистая ретушь занимает левый край. Ретушь дорсальная, чешуйчатая, краевая, крутая, разноразмерная, формирует прямой контур.

Из 11 пластин, согласно описи, четыре изделия происходили из слоя 4 («2б»), три изделия – из слоя 1 («1»), для остальных принадлежность к слою не указана. Целыми являются шесть пластин, две из которых асимметричные. Одна из пластин является остроконечной, остальные – четырехугольные. Для этой категории свойственно разнообразие огранок: продольные, продольно-конвергентные (по 2 экз.), бипродольная и ортогональная. Системы граней также очень вариативны: V-образная асимметричная противоположащая (2 экз.), V-образная асимметричная, симметричная простая, асимметричная простая, T-образная. Профиль в основном прямой, только у одного изделия закрученный. По признаку сечения изделия поровну распределились на треугольные и трапециевидные. Площадки слабоскошенные (3 экз.), скошенные (2 экз.), прямая. На фоне гладких (4 экз.) и естественной площадок выделяется одна фасетированная (из слоя 4 («2б»)). Она выбивается из общего контекста индустрии. Еще на одном изделии (сведений о слое нет) фиксируется такой прием редукции, как

подработка ребра на ударной площадке. Орудий на пластинах – 7 экземпляров. Продольное выпуклое скребло. Интенсивная ретушь занимает правый продольный край. Ретушь чешуйчатая, краевая крутая, зубчатая, дорсальная. Продольное прямое скребло – 2 экз. (одно изделие из слоя 1 («1»), о втором информации нет). Левый продольный край изделий преобразован в лезвие; ретушь постоянная краевая, крутая чешуйчатая, дорсальная. Тронкированное орудие (информации о слое нет). Дистальное окончание изделия усечено поперечными сколами с вентральной стороны (рис. 4, 1). Тронкированно-фасетированное орудие (из слоя 4 («2б»)). Проксимальная часть изделия усечена, с этого подготовленного участка реализовано несколько коротких и широких сколов поверх друг друга на дорсальную поверхность пластины. По оформлению напоминает рубящее орудие (рис. 4, 2). Остроконечник (из слоя 4 («2б»)). Острие организовано на месте остаточной ударной площадки, полностью уничтожив ее. Ретушь дорсальная прерывистая разноразмерная, занимает кончик и оба продольных края. Основание уплощено встречным сколом, распространившимся на $\frac{1}{5}$ часть длины изделия (рис. 4, 3). Зубчато-выемчатое орудие (слой 1 («1»)). На обоих краях разрозненные фасетки крупной разноразмерной дорсальной ретуши, формирующих зубчато-выемчатый контур края.

Рис. 4. Орудия грота Тешик-Таш:
1 – тронкированное орудие; 2 – тронкированно-фасетированное орудие; 3 – остроконечник

Fig. 4. Tools of the Teshik-Tash grotto:
1 – truncated piece; 2 – truncated-faceted piece; 3 – point

В категории технических сколов выделяются несколько подкатегорий. Краевые пластины – 3 экз. (в описи указана принадлежность одной из них к слою 1 («1»)). Отличительной чертой категории является наличие отвесного сечения, в двух случаях – треугольного, в одном – трапециевидного. Огранки изделий разнообразны, хоть и относятся к продольному способу скалывания: продольная, продольно-конвергентная и бипродольная на $\frac{1}{3}$ длины. Система граней при этом во всех случаях симметричная. Два изделия имеют значительные (более 50 %) участки корки на дорсальной поверхности. В дистальной зоне одного изделия читаются несколько фасеток ретуши, напоминающей скребковую. Краевые пластинчатые сколы – 3 экз. Согласно описи, происходят из слоев 1 («1»), 3 («2») и 4 («2б»). Близки первой категории, но отличаются менее удлиненными пропорциями. Сечение во всех случаях отвесное треугольное. Огранки вариативны, но также все являются результатом продольного расщепления: продольная, продольно-конвергентная и бипродольная на $\frac{1}{3}$ длины. Система граней в двух случаях асимметричная. Два изделия имеют значительные (около 40 %) участки корки на дорсальной поверхности. Один из сколов (из слоя 3 («2»)) с нерегулярной ретушью, занимающей левый край. Ретушь дорсальная, чешуйчатая, краевая, крутая, разноразмерная, формирует зубчатый контур рабочего края. Пластинчатый скол декорткации – 2 экз. (из слоев 3 («2») и 4 («2б»)). Схожи с предыдущей категорией, но отличаются от них более уплощенным сечением. Сняты с нуклеуса с использованием параллельного простого и встречного скалывания. На изделии из слоя 4 («2б») нерегулярная чередующаяся ретушь занимает правый продольный край. Технические сколы подправки радиальных нуклеусов – 2 экз. Первый, из слоя 4 («2б») – технический скол удалил заломы на фронте нуклеуса; второй, из слоя 1 («1»), снял часть ударной площадки ядрища (по левому продольному краю).

Дополняют коллекцию два грубых рубящих орудия (без указания слоев), характерные для индустрии Тешик-Таша. Дисковидное рубящее орудие изготовлено на продольном нуклеусе с дивергентным трапециевидным фронтом. Один из продольных краев нуклеуса крупными сколами преобразован в рабочее лезвие с ломаным контуром. Обушок напротив лезвия сформирован негативами соразмерных средних субпараллельных сколов. Второе рубящее орудие полукруглое, оформлено на крупном массивном сколе. Прямой участок преобразован в лезвие двусторонними сколами. Выпуклому участку периметра искусственно придан отвесный угол мелкими поперечными сколами.

Результаты

Представленная коллекция является музейной выборкой показательных форм: из 30 проанализированных сколов 13 являются орудиями, 10 артефактов – техническими сколами, а оставшиеся предметы – показательными сколами-заготовками.

Проведенный атрибутивный анализ коллекции позволяет выделить следующие особенности технологии расщепления камня в индустрии грота Тешик-Таш, органично дополняющие картину, ранее полученную при анализе коллекции, хранящейся в Кунсткамере РАН:

- доминирующая система расщепления – центростремительная, практически половина нуклеусов являются радиальными либо дисковидными. Граница между ними весьма условна. При этом замер финальных негативов показал, что заготовки, снимаемые с дисковидных нуклеусов, более короткие, чем полученные с радиальных ядрищ;
- в морфологии одного нуклеуса надежно фиксируется использование леваллуазской технологии;
- впервые в индустрии Тешик-Таша фиксируется прием искусственного придания фронту нуклеуса подклиновидной формы путем создания ребра в основании и использования латеральных сколов;
- в индустрии выявлены изделия с объемной морфологией. Вопрос об использовании объемной концепции расщепления камня пока остается открытым, поскольку есть прецен-

ты изучения объемных по морфологии нуклеусов, при расщеплении которых использовалась плоскостная концепция [Павленок и др., 2021];

- выявлена следующая технологическая особенность расщепления камня в индустрии: на начальных этапах утилизации возможно размещение на нуклеусе нескольких не связанных зон расщепления, в пределах которых реализовывался прием простого параллельного скалывания;

- применяемые в индустрии стратегии расщепления давали в результате низкостандартизированный продукт с точки зрения симметрии, формы изделий и сечения;

- отсутствие строгой последовательности при реализации сколов в рамках центростремительного раскалывания нашло отражение в многообразии вариантов огранки и систем граней на дорсальной поверхности сколов;

- важной характеристикой индустрии является редкое оформление ударных площадок и их редукция. На искусственный характер выборки указывает полное отсутствие двугранных асимметричных площадок, доля которых в коллекции МАЭ РАН составляет 18 %.

Орудийный набор (13 экз.) характеризуется следующими признаками, совпадающими с классическим описанием:

- использование нуклеусов в качестве орудий (выявлен единственный случай – дисковидное рубящее орудие);

- наличие двух групп орудий «специального назначения» (термин А. П. Окладникова): рубящее орудия (2 экз., включая изделие на нуклеусе) и простые формы скребел (4 экз.);

- отщепы с нерегулярной ретушью (7 экз.) в качестве фоновой категории инструментария;

- имеется зубчатое орудие.

Новой чертой в индустрии Тешик-Таша можно назвать наличие тронкированных и тронкированно-фасетированных изделий. Данные типы орудий в контексте среднеазиатского среднего палеолита прежде надежно ассоциировались с пластинчатыми комплексами обирахматской группы памятников [Кривошапкин, 2012; Кривошапкин, Павленок, 2015; Kolobova et al., 2018].

Обсуждение

Результаты анализа коллекции грота Тешик-Таш, хранящейся в НИИ и Музее антропологии им. Д. Н. Анучина МГУ, хорошо соотносятся с данными, полученными при изучении коллекции МАЭ РАН [Павленок и др., 2022]. При этом они дали дополнительные сведения для прояснения ключевого вопроса о наличии / отсутствии леваллуазского компонента в индустрии и его связи с центростремительным раскалыванием. Ранее по этому поводу высказывались диаметрально противоположные точки зрения [Тешик-Таш..., 1949; Вишняцкий, 1999; Деревянко, 2011]. В одной из наиболее поздних работ [Krivoshapkin et al., 2020] этому аспекту уделяется особое внимание – для индустрий с леваллуазским расщеплением на западе Центральной Азии исследователями вводится термин “Teshik-Tashian”, который применяется к эпонимному объекту и ряду недавно обнаруженных объектов в предгорьях Западного Тянь-Шаня – Каттасай-1, -2 [Pavlenok et al., 2021].

Следует указать, что этот вопрос – сходства и различия между техникой леваллуа и центростремительными техниками – традиционно вызывает дискуссии между специалистами в области палеолита [Conard et al., 2004; Inizan et al., 1999; Van Peer, 1992]. Некоторые исследователи усматривают очень мало различий между ними [Lenoir, Turq, 1995; Ohnuma, 1995]. Значительный вклад в разработку этого вопроса внес известный французский специалист Э. Бозда [Voeda, 1995]. Он отметил три базовых отличия леваллуазского расщепления от центростремительного:

- в обеих концепциях нуклеус представляет собой две выпуклые асимметричные поверхности, которые встречаются в плоскости пересечения. Однако в отличие от модели ле-

валлуа в центростремительном расщеплении роль этих двух поверхностей взаимозаменяема: одна из поверхностей изначально может использоваться в качестве ударной площадки, а затем выступать в роли рабочей поверхности нуклеуса;

- в центростремительной концепции выпуклость фронта поддерживается путем отделения сколов-заготовок по всей периферии, в то время как в леваллуазской модели корректирующие рельеф небольшие снятия локализованы в боковых и дистальных зонах;
- поверхность отделения сколов в центростремительной концепции наклонена относительно плоскости пересечения двух широких поверхностей, в то время в модели леваллуа она параллельна ей. В отношении этого признака немецкий археолог Н. Конард и его коллеги отмечали, что большинство центростремительных нуклеусов вписываются в определение «наклонных» ядер, но некоторые могут рассматриваться и как «параллельные» ядра. Такие асимметричные «дискоиды» имеют более обширные снятия с одной из сторон [Conard et al., 2004].

Возвращаясь к технологическим характеристикам ядрищ Тешик-Таша, становится очевидно, что подход к их расщеплению был достаточно гибким, и это подразумевает возможность переключения с одной модели на другую на разных этапах утилизации ядрищ. По этой причине часть ядрищ попадают в «серую зону» между радиальными, дисковидными и леваллуазскими типами. При этом леваллуазская («параллельная») техника занимает явно подчиненное положение в индустрии – она крайне редко использовалась на ранних этапах утилизации ядрищ и практически не отразилась на общем облике сколов-заготовок. По этой причине мы считаем, что причислять леваллуазскую технику к одной из значимых характеристик индустрии Тешик-Таша следует с большой осторожностью, как и проводить прямые аналогии с новыми среднепалеолитическими комплексами низкогорий Тянь-Шаня.

Заключение

Обработка коллекции Тешик-Таша, хранящейся в НИИ и Музее антропологии им. Д. Н. Анучина МГУ, позволила зафиксировать безусловное доминирование центростремительной модели расщепления камня, использование которой запечатлено в морфологии изделий всех основных категорий. Вместе с тем ряд артефактов указывают на существование технологической вариативности каменного производства в индустрии как на этапе изготовления сколов-заготовок (использование нуклеусов с подклиновидной и объемной морфологией), так и на этапе оформления орудий (тронкированно-фасетированные изделия). Эти обстоятельства расширяют наши представления о поведенческих особенностях неандертальцев, проживавших на территории запада Центральной Азии. Роль леваллуазского расщепления в индустрии Тешик-Таша на сегодня представляется незначительной, однако приблизиться к окончательным выводам по этому вопросу будет возможно после анализа с современных методологических позиций материалов грота Тешик-Таш, хранящихся в Национальном музее истории Узбекистана в Ташкенте.

Список литературы

- Вишняцкий Л. Б.** О причинах перехода к верхнему палеолиту // Современные экспериментально-трассологические и технико-технологические разработки в археологии. СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1999. С. 168–170.
- Деревянко А. П.** Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 560 с.
- Колобова К. А.** Приемы оформления каменных орудий в палеолитических индустриях Горного Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 136 с.
- Кривошапкин А. И.** Обирахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2012. 38 с.

- Кривошапкин А. И., Павленок К. К.** Вариабельность комплексов обирахматской традиции в каменном веке Центральной Азии // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: Материалы междунар. науч. конф. Иркутск, 2015. С. 71–76.
- Любин В. П.** Нижний палеолит // Каменный век на территории СССР. М., 1970. С. 19–42. (МИА № 166)
- Окладников А. П.** Палеолит и мезолит Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. Ташкент, 1966. С. 11–75.
- Павленок Г. Д., Козликин М. Б., Шуньков М. В.** Мелкопластинчатое расщепление в индустриях раннего верхнего палеолита Денисовой пещеры: данные анализа последовательности сколов // Уральский исторический вестник. 2021. № 1 (70). С. 123–128. DOI 10.30759/1728-9718-2021-1(70)-123-128
- Павленок К. К., Белоусова Н. Е., Рыбин Е. П.** Атрибутивный подход к реконструкции «операционных цепочек» расщепления камня // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, № 3: Археология и этнография. С. 35–46.
- Павленок К. К., Бочарова Е. Н., Когай С. А., Павленок Г. Д.** Технологический репертуар неандертальцев Тешик-Таша: новые данные // Уральский исторический вестник. 2022. № 2 (75). С. 115–127. DOI 10.30759/1728-9718-2022-2(75)-115-127
- Ранов В. А., Несмеянов С. А.** Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе: Дониш, 1973. 161 с.
- Тешик-Таш. Палеолитический человек. М.: Наука, 1949. 312 с.
- Bar-Yosef O., Van Peer P.** The Chaine Operatoire Approach in Middle Paleolithic Archaeology. *Current Anthropology*, 2009, vol. 50, no. 1, pp. 103–131.
- Boeda E.** Levallois: A Volumetric Construction, Methods, and Technique. In: The Definition and Interpretation of Levallois Technology. Madison, WI, Prehistory Press, 1995, pp. 41–68.
- Chabai V. P., Demidenko Y. A.** The Classification of Flint Artifacts. In: The Middle Paleolithic of Western Crimea. Liege, ERAUL, 1998, vol. 1, pp. 31–52.
- Conard N. J., Soressi M., Parkington J. E., Wurz S., Yates R.** A Unified Lithic Taxonomy Based on Patterns of Core Reduction. *South African Archaeological Bulletin*, 2004, vol. 59, pp. 13–17.
- Gabori M.** Nouvelles decouvertes dans le Paleolithique d'Asie centrale sovietique. In: Upper Pleistocene Prehistory of Western Eurasia. Philadelphia, Uni. Mus. of Pennsylvania, 1988, pp. 287–295.
- Glantz M., Athreya S., Ritzman T.** Is Central Asia the Eastern Outpost of the Neandertal Range? A Reassessment of the Teshik-Tash Child. *American Journal of Physical Anthropology*, 2009, vol. 138 (1), pp. 45–61. DOI 10.1002/ajpa.20897
- Glantz M., Viola B., Wrinn P., Chikisheva T., Derevianko A., Krivoshapkin A., Islamov U., Suleimanov R., Ritzman T.** New hominin remains from Uzbekistan. *Journal of Human Evolution*, 2008, vol. 55, iss. 2, pp. 223–237. DOI 10.1016/j.jhevol.2007.12.007
- Gunz P., Stansfield E.** The Mousterian child from Teshik-Tash is a Neanderthal: a geometric morphometric study of the frontal bone. *American Journal of Physical Anthropology*, 2012, vol. 149 (3), pp. 365–379. DOI 10.1002/ajpa.22133
- Inizan M. L., Reduron-Ballinger M., Roche G., Tixier J.** Technology and Terminology of Knapped Stone. Meudon, C.R.E.P., 1999, 127 p.
- Kolobova K. A., Flas D., Krivoshapkin A. I., Pavlenok K. K., Vandenberghe D., De Dapper M.** Reassessment of the Lower Paleolithic (Acheulean) presence in the western Tien Shan. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2018, vol. 10, iss. 3, pp. 615–630. DOI 10.1007/s12520-016-0367-3
- Krause J., Orlando L., Serre D., Viola B., Prüfer K., Richards M. P., Hublin J.-J., Hänni C., Derevianko A. P., Pääbo S.** Neanderthals in Central Asia and Siberia. *Nature*, 2007, vol. 449, pp. 721–725. DOI 10.1038/nature06185

- Krivoshapkin A., Shnaider S., Kolobova K., Viola B., Chargynov T., Krajcarz M. T., Krajcarz M., Fedorowicz S.** Middle Paleolithic variability in Central Asia: lithic assemblage of Sel'Ungur cave. *Quaternary International*, 2020, vol. 535, pp. 88–103. DOI 10.1016/j.quaint.2018.09.051
- Lenoir M., Turq A.** Recurrent centripetal debitage (Levallois and Discoidal): continuity or discontinuity. In: *The Definition and Interpretation of Levallois Technology*. Madison, WI, Prehistory Press, 1995, pp. 249–255.
- Monigal K.** The Levantine Leptolithic: Blade Production from the Lower Paleolithic to the dawn of the Upper Paleolithic: PhD Diss. Dallas, MA, Southern Methodist Uni. Press, 2002.
- Ohnuma K.** Analysis of debitage pieces from experimentally reduced “classical Levallois” and “discoidal” cores. In: *The Definition and Interpretation of Levallois Technology*. Madison, WI, Prehistory Press, 1995, pp. 257–266.
- Pavlenok K., Kot M., Pavlenok G., Krajcarz M.T., Khudjanazarov M., Leloch M., Szymczak K.** Middle Paleolithic technological diversity during MIS 3 in the Western Tian Shan piedmonts: Example of the Katta Sai 1 open-air loess site. *Archaeological Research in Asia*, 2021, vol. 25, pp. 100262. DOI 10.1016/j.ara.2021.100262
- Van Peer P.** *The Levallois Reduction Strategy*. Madison, Prehistory Press, 1992, 137 p.

References

- Bar-Yosef O., Van Peer P.** The Chaine Operatoire Approach in Middle Paleolithic Archaeology. *Current Anthropology*, 2009, vol. 50, no. 1, pp. 103–131.
- Boeda E.** Levallois: A Volumetric Construction, Methods, and Technique. In: *The Definition and Interpretation of Levallois Technology*. Madison, WI, Prehistory Press, 1995, pp. 41–68.
- Chabai V. P., Demidenko Y. A.** The Classification of Flint Artifacts. In: *The Middle Paleolithic of Western Crimea*. Liege, ERAUL, 1998, vol. 1, pp. 31–52.
- Conard N. J., Soressi M., Parkington J. E., Wurz S., Yates R.** A Unified Lithic Taxonomy Based on Patterns of Core Reduction. *South African Archaeological Bulletin*, 2004, vol. 59, pp. 13–17.
- Derevianko A. P.** Verkhniy paleolit v Afrike i Evrazii i formirovanie cheloveka sovremennogo anatomicheskogo tipa [The Upper Palaeolithic in Africa and Eurasia and the Origin of Anatomically Modern Humans]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2011, 560 p. (in Russ.)
- Gabori M.** Nouvelles decouvertes dans le Paleolithique d'Asie centrale sovietique. In: *Upper Pleistocene Prehistory of Western Eurasia*. Philadelphia, Uni. Mus. of Pennsylvania, 1988, pp. 287–295.
- Glantz M., Athreya S., Ritzman T.** Is Central Asia the Eastern Outpost of the Neandertal Range? A Reassessment of the Teshik-Tash Child. *American Journal of Physical Anthropology*, 2009, vol. 138 (1), pp. 45–61. DOI 10.1002/ajpa.20897
- Glantz M., Viola B., Wrinn P., Chikisheva T., Derevianko A., Krivoshapkin A., Islamov U., Suleimanov R., Ritzman T.** New hominin remains from Uzbekistan. *Journal of Human Evolution*, 2008, vol. 55, iss. 2, pp. 223–237. DOI 10.1016/j.jhevol.2007.12.007
- Gunz P., Stansfield E.** The Mousterian child from Teshik-Tash is a Neanderthal: a geometric morphometric study of the frontal bone. *American Journal of Physical Anthropology*, 2012, vol. 149 (3), pp. 365–379. DOI 10.1002/ajpa.22133
- Inizan M. L., Reduron-Ballinger M., Roche G., Tixier J.** *Technology and Terminology of Knapped Stone*. Meudon, C.R.E.P., 1999, 127 p.
- Kolobova K. A.** Priemy oformleniya kamennykh orudii v paleoliticheskikh industriyakh Gornogo Altaya [Lithic Tools Shaping Techniques in the Paleolithic industries of the Altai mountains]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2006, 136 p. (in Russ.)
- Kolobova K. A., Flas D., Krivoshapkin A. I., Pavlenok K. K., Vandenberghe D., De Dapper M.** Reassessment of the Lower Paleolithic (Acheulean) presence in the western Tien Shan. *Ar-*

chaеological and Anthropological Sciences, 2018, vol. 10, iss. 3, pp. 615–630. DOI 10.1007/s12520-016-0367-3

- Krause J., Orlando L., Serre D., Viola B., Prüfer K., Richards M. P., Hublin J.-J., Hänni C., Derevianko A. P., Pääbo S.** Neanderthals in Central Asia and Siberia. *Nature*, 2007, vol. 449, pp. 721–725. DOI 10.1038/nature06185
- Krivoshapkin A. I.** Obirakhmatskii variant perekhoda ot srednego k verkhnemu paleolitu [Obirakhmatian Upper to Middle Paleolithic Transition]. Dr. His. Sci. Syn. Diss. Novosibirsk, 2012, 38 p. (in Russ.)
- Krivoshapkin A. I., Pavlenok K. K.** Variabel'nost' kompleksov obirakhmatskoi traditsii v kamenom veke Tsentral'noi Azii [Obirakhmatian variability in the Central Asia Stone Age]. In: Actual Problems in Archaeology and Ethnology. Irkutsk, 2015, pp. 71–76. (in Russ.)
- Krivoshapkin A., Shnaider S., Kolobova K., Viola B., Charynov T., Krajcarz M. T., Krajcarz M., Fedorowicz S.** Middle Paleolithic variability in Central Asia: lithic assemblage of Sel'Ungur cave. *Quaternary International*, 2020, vol. 535, pp. 88–103. DOI 10.1016/j.quaint.2018.09.051
- Lenoir M., Turq A.** Recurrent centripetal debitage (Levallois and Discoidal): continuity or discontinuity. In: The Definition and Interpretation of Levallois Technology. Madison, WI, Prehistory Press, 1995, pp. 249–255.
- Lyubin V. P.** Nizhnii paleolit [Lower Paleolithic]. In: Stone Age in the USSR. Moscow, 1970, pp. 19–42. (MIA. No. 166) (in Russ.)
- Monigal K.** The Levantine Leptolithic: Blade Production from the Lower Paleolithic to the down of the Upper Paleolithic: PhD Diss. Dallas, MA, Southern Methodist Uni. Press, 2002.
- Ohnuma K.** Analysis of debitage pieces from experimentally reduced “classical Levallois” and “discoidal” cores. In: The Definition and Interpretation of Levallois Technology. Madison, WI, Prehistory Press, 1995, pp. 257–266.
- Okladnikov A. P.** Paleolit i mezolit Srednei Azii [Paleolithic and Mesolithic of the Central Asia]. In: Central Asia in the Stone and Bronze Age. Tashkent, 1966, pp. 11–75. (in Russ.)
- Pavlenok G. D., Kozlikin M. B., Shunkov M. V.** Melkoplastinchatoe rasshcheplenie v industriyakh rannego verkhnego paleolita Denisovoj peshchery: dannye analiza posledovatel'nosti skolov [Small blade technology in the Early Upper Paleolithic Industries from Denisova Cave: Data from Analysis of a Lithic Reduction Sequence]. *Ural Historical Journal*, 2021, no. 1 (70), pp. 123–128. (in Russ.) DOI 10.30759/1728-9718-2021-1(70)-123-128
- Pavlenok K. K., Belousova N. E., Rybin E. P.** Atributivnyi podkhod k rekonstruktsii “operatsionnykh tsepochek” rasshchepleniya kamnya [Attribute Approach to the Chaîne Opertoire Reconstruction]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2011, vol. 10, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 35–46. (in Russ.)
- Pavlenok K. K., Bocharova E. N., Kogai S. A., Pavlenok G. D.** Tekhnologicheskii repertuar neandertal'tsev Teshik-Tasha: novye dannye [Technological repertoire of the Teshik-Tash Neanderthals: new data]. *Ural Historical Journal*, 2022, no. 2 (75), pp. 115–127. (in Russ.) DOI 10.30759/1728-9718-2022-2(75)-115-127
- Pavlenok K., Kot M., Pavlenok G., Krajcarz M.T., Khudjanazarov M., Leloch M., Szymczak K.** Middle Paleolithic technological diversity during MIS 3 in the Western Tian Shan piedmonts: Example of the Katta Sai 1 open-air loess site. *Archaeological Research in Asia*, 2021, vol. 25, pp. 100262. DOI 10.1016/j.ara.2021.100262
- Ranov V. A., Nesmeyanov S. A.** Paleolit i stratigrafiya antropogena Srednei Azii [Paleolithic and Anthropogene Stratigraphy of the Central Asia]. Dushanbe, Donish Publ., 1973, 161 p. (in Russ.)
- Teshik-Tash. Paleoliticheskiy chelovek [Teshik-Tash. Paleolithic man]. Moscow, Nauka, 1949. (in Russ.)
- Van Peer P.** The Levallois Reduction Strategy. Madison, Prehistory Press, 1992, 137 p.

Vishnyatskii L. B. O prichinakh perekhoda k verkhnemu paleolitu [About causes of the Upper Paleolithic transition]. In: *Sovremennyye eksperimental'no-trasologicheskie i tekhniko-tekhnologicheskie razrabotki v arkheologii* [Current Experimental Traceological and Technological Approaches in Archaeology]. St. Petersburg, IHMC RAS Publ., 1999, pp. 168–170. (in Russ.)

Информация об авторах

Константин Константинович Павленок, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 55249971300

WoS Researcher ID Q-5415-2016

Екатерина Николаевна Бочарова, младший научный сотрудник

Scopus Author ID 57200540517

WoS Researcher ID E-9361-2018

Станислав Павлович Медведев, научный сотрудник

WoS Researcher ID ABB-2025-2021

Сергей Александрович Когай, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 36239257800

WoS Researcher ID M-7071-2014

Галина Дмитриевна Павленок, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 57199861603

WoS Researcher ID Q-5407-2016

Information about the Authors

Konstantin K. Pavlenok, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 55249971300

WoS Researcher ID Q-5415-2016

Ekaterina N. Bocharova, Junior Researcher

Scopus Author ID 57200540517

WoS Researcher ID E-9361-2018

Stanislav P. Medvedev, Researcher

WoS Researcher ID ABB-2025-2021

Sergei A. Kogai, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 36239257800

WoS Researcher ID M-7071-2014

Galina D. Pavlenok, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 57199861603

WoS Researcher ID Q-5407-2016

*Статья поступила в редакцию 15.05.2022;
одобрена после рецензирования 30.06.2022; принята к публикации 30.06.2022
The article was submitted 15.05.2022;
approved after reviewing 30.06.2022; accepted for publication 30.06.2022*

Научная статья

УДК 572, 575

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-53-71

Разнообразие вариантов митохондриальной ДНК у носителей окуневской культуры из могильника Сыда V (Минусинская котловина)

Ирина Викторовна Пилипенко¹, Мария Сергеевна Пристяжнюк²
Ростислав Олегович Трапезов³, Степан Викторович Черданцев⁴
Вячеслав Иванович Молодин⁵, Александр Сергеевич Пилипенко⁶

^{1-4,6} Институт цитологии и генетики
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

⁵ Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ lis-@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8325-6719>

² mpriest@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9770-6381>

³ rtrapezov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0483-530X>

⁴ stephancherd@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4384-3468>

⁵ molodin@archaeology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3151-8457>

⁶ alexpil@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1009-2554>

Аннотация

Статья посвящена результатам анализа серии образцов митохондриальной ДНК ($N = 25$) из могильников окуневской культуры Минусинской котловины. Проведенное исследование позволило почти вдвое увеличить суммарную численность успешно исследованных окуневских образцов мтДНК. Исследованная нами серия образцов из могильника Сыда V ($N = 23$) является первой репрезентативной локально-территориальной серией образцов мтДНК для популяции окуневской культуры региона. Полученные нами новые результаты и опубликованные данные обсуждаются в контексте проблемы формирования генетического состава носителей культуры и их роли в дальнейшей генетической истории населения южных районов Сибири. Согласно имеющимся данным, ключевую роль в формировании окуневской популяции играли генетические компоненты, связанные с автохтонным населением региона, предшествовавшим появлению на юге Сибири афанасьевских популяций. Для более детальных реконструкций требуется накопление дополнительных репрезентативных палеогенетических данных.

Ключевые слова

окуневская культура, Минусинская котловина, эпоха развитой бронзы, палеогенетика, митохондриальная ДНК, Y-хромосома, этногенетические реконструкции

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ № 17-78-20193 и бюджетного проекта ИЦиГ СО РАН № 0259-2019-0010-С-01

Для цитирования

Пилипенко И. В., Пристяжнюк М. С., Трапезов Р. О., Черданцев С. В., Молодин В. И., Пилипенко А. С. Разнообразие вариантов митохондриальной ДНК у носителей окуневской культуры из могильника Сыда V (Минусинская котловина) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 7: Археология и этнография. С. 53–71. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-53-71

© Пилипенко И. В., Пристяжнюк М. С., Трапезов Р. О., Черданцев С. В.,
Молодин В. И., Пилипенко А. С., 2022

Diversity of Mitochondrial DNA Variants within Okunevo Culture Carriers from the Syda V Burial Ground (Minusinsk Basin)

Irina V. Pilipenko¹, Maria S. Pristyazhnyuk²
Rostislav O. Trapezov³, Stepan V. Cherdantsev⁴
Vyacheslav I. Molodin⁵, Alexander S. Pilipenko⁶

^{1-4,6} Institute of Cytology and Genetics
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

⁵ Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ lis-@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8325-6719>

² mprist@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9770-6381>

³ rtrapezov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0483-530X>

⁴ stephancherd@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4384-3468>

⁵ molodin@archaeology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3151-8457>

⁶ alexpil@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1009-2554>

Abstract

Purpose. Despite a long study, the problem of the Okunevo population origin remains unresolved, including the level of participation of autochthonous and possible migrant groups in the formation of its genetic composition. The purpose of this article is to obtain new data on the mitochondrial DNA diversity in the Okunevo population, in particular in a series of samples from the Syda V burial ground, and also to interpret these new paleogenetic results in the light of possible mechanisms for the formation of specific features of the Okunevo gene pool.

Results. We successfully analyzed structure, phylogeny and phylogeography of 25 new mitochondrial DNA samples from the burial grounds of the Okunevo culture of the Minusinsk basin. The study made it possible to almost double the total number of successfully studied Okunevo mtDNA samples. The series of samples we studied from the Syda V burial ground ($N = 23$) is the first high representative local-territorial series of mtDNA samples for the Okunev population of the region. The new results and literature data are discussed in the context of the problem of the formation of the Okunevo population's genetic composition and its role in the further genetic history of the southern regions of Siberia.

Conclusion. The main role in the formation of the Okunev population were played by genetic elements of autochthonous origin associated with the aboriginal pre-Afanasievo groups. Possible role of migrants remains unclear and requires further research using paleogenetic methods.

Keywords

Okunevo culture, Minusinsk basin, The Middle Bronze Age, paleogenetics, mitochondrial DNA, Y-chromosome, reconstruction of ethnogenetic processes.

Acknowledgements

This work was funded by RSF project no. 17-78-20193 and budget project of ICG SB RAS no. 0259-2019-0010-C-01

For citation

Pilipenko I. V., Pristyazhnyuk M. S., Trapezov R. O., Cherdantsev S. V., Molodin V. I., Pilipenko A. S. Diversity of Mitochondrial DNA Variants within Okunevo Culture Carriers from the Syda V Burial Ground (Minusinsk Basin). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 53–71. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-53-71

Введение

Минусинская котловина представляет собой один из наиболее хорошо исследованных с археологической точки зрения районов юга Сибири. За многие десятилетия проведения интенсивных археологических работ для данного региона накоплены и систематизированы богатейшие археологические и палеоантропологические коллекции, отражающие основные этапы формирования и развития культуры и популяционной структуры населения. Наиболее обширные материалы накоплены для различных периодов эпохи бронзы и раннего железного

века, что позволило не только разработать обоснованную классификацию и периодизацию основных этнокультурных образований, существовавших в Минусинской котловине на протяжении III тыс. до н. э. – I тыс. н. э., но и приступить к разработке более подробной периодизации этапов развития каждой из выявленных основных археологических культур. Среди носителей археологических культур Минусинской котловины эпохи бронзы (афанасьевская, окуневская, андроновская (федоровская), карасукская, лугавская культуры) одной из ключевых популяций для объективной реконструкции истории населения региона является окуневская культура, датируемая второй половиной III тыс. до н. э. – II тыс. до н. э. (доандроновский период развитой бронзы), которая была выделена в качестве отдельной археологической культуры около 50 лет назад Г. А. Максименковым [1965; 1975], хотя первые раскопки памятников, впоследствии отнесенных к данной культуре, состоялись намного раньше [Теплоухов, 1929]. Несмотря на обширные объемы накопленных источников по материальной культуре окуневского населения и репрезентативные палеоантропологические коллекции, для этого важнейшего этнокультурного образования Южной Сибири всё еще не находят однозначного ответа вопросы об источниках и механизмах ее формирования, а также о роли окуневцев в более поздней этнокультурной истории региона. Эти дискуссии, первоначально проводившиеся с привлечением данных археологии и физической антропологии [Максименков, 1975; Вадецкая и др., 1980; Лазаретов, 1997], в последнее время вновь интенсифицировались с привлечением в качестве дополнительных аргументов данных палеогенетики [Поляков, 2019; 2022; Козинцев, 2020]. При этом с точки зрения популяционно-генетической истории основной темой для дискуссии является степень участия автохтонных южносибирских и, напротив, мигрантных западно-евразийских компонентов (а также происхождение последних) в процессах формирования генетического состава окуневского населения. Важно отметить, что, в отличие от археологического и антропологического, палеогенетическое исследование носителей окуневской культуры находится на одной из начальных стадий и далеко от формирования исчерпывающего генетического портрета этой группы древнего населения Южной Сибири. Вплоть до настоящего времени в палеогенетической литературе отсутствуют работы, сфокусированные на генетических характеристиках окуневской популяции. Окуневцы присутствуют лишь в составе географически и хронологически широких выборок, исследование которых направлено на реконструкцию масштабных популяционно-генетических процессов в Евразии [Allentoft et al., 2015; Damgaard et al., 2018], или в составе небольших выборок разновременного населения Южной Сибири [Hollard et al., 2018]. Коллегами археологами и антропологами предпринимались попытки (весьма информативные) обзора имеющихся палеогенетических данных и их использования для обсуждения проблем происхождения и дальнейшей истории окуневской популяции [Поляков, 2019; 2022; Козинцев, 2020]. Результаты этих работ, и в частности имеющиеся противоречия между ними, очевидно свидетельствуют, что для полноценной реконструкции генетической истории окуневского населения необходимо накопление значительного дополнительного объема генетических данных, включая как анализ отдельных филогенетически информативных маркеров, прежде всего митохондриальной ДНК (мтДНК) и Y-хромосомы, так и методы полногеномного анализа с использованием высокопроизводительных методов палеогеномики. Примечательно, что к настоящему моменту ни по одному из этих направлений не достигнут высокий уровень репрезентативности исследованных выборок, а следовательно, все эти направления остаются актуальными. Одним из направлений развития палеогенетики в последние годы является переход от анализа географически и хронологически широких моделей (в которых каждая из групп древнего населения представлена небольшой выборкой или вообще единичными образцами) к анализу репрезентативных серий для отдельных групп древнего населения. Не является исключением и окуневская популяция. Такие серии помимо суммарной численной репрезентативности должны включать образцы из разных археологических памятников, зачастую отражающих локально-территориальные особенности генетической структуры населения и / или особенности отдельных этапов становления или развития ис-

следуемого древнего этнокультурного образования. В связи с этим для детализации имеющихся представлений о генофонде окуневского населения необходимо получение палеогенетических результатов из могильников, для которых эти данные не были получены ранее на уровне репрезентативных серий. В данной работе мы представляем результаты исследования разнообразия мтДНК в серии ($N = 25$), представленной преимущественно образцами из окуневского могильника Сыда V, а также единичными образцами мтДНК из двух других окуневских могильников (подробности см. в разделе «Материалы и методы»). Полученные результаты рассмотрены на фоне ранее накопленных данных о генофонде окуневского населения (и других популяций региона), а также обсуждены в контексте проблем происхождения окуневской популяции и ее роли в генетической истории населения региона (хотя на данном этапе окончательное решение этих проблем с применением методов палеогенетики требует проведения значительных дальнейших исследований).

Материалы и методы

Палеоантропологические материалы, исследованные в работе. Все образцы, исследованные в данной работе, получены из состава палеоантропологической коллекции ИАЭТ СО РАН (Новосибирск). Отбор образцов выполнен палеогенетиком из ИЦиГ СО РАН (А. С. Пилипенко) совместно с археологами и антропологами из отдела археологии палеометалла ИАЭТ СО РАН (рук. В. И. Молодин). В состав выборки были включены материалы трех могильников окуневской культуры. Основу исследованной серии образцов составили палеоантропологические материалы из могильника окуневской культуры Сыда V, расположенного на первой надпойменной террасе правого берега р. Сыда в 300 м от впадающей в нее р. Уза, в самом центре с. Сыда в Сыда-Ербинской котловине, которая является частью Минусинской котловины (рис. 1). Раскопки могильника проводились с 1965 г. Красноярской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР, под руководством М. П. Грязнова [Грязнов, Комарова, 2006]. Палеоантропологические материалы, обнаруженные при раскопках памятника Сыда V, были переданы авторами раскопок в состав антропологической коллекции ИАЭТ СО РАН, где и находятся в настоящее время.

Для выполнения палеогенетического исследования были отобраны образцы от 31 индивида из погребений могильника Сыда V. Кроме того, один образец был получен от носителя окуневской культуры из могильника Барсучиха II, и два образца – от индивидов из могильника Уйбат. Таким образом, общая численность исследуемой в нашей работе выборки носителей окуневской культуры составила 34 индивида (табл. 1). Образцы представлены костями посткраниального скелета и зубами. Для проведения исследования от каждого скелета отбирали части с признаками наибольшей макроскопической сохранности.

Предварительная обработка материала и получение образцов суммарной ДНК. Использовались методы, детально описанные в наших предшествующих работах [Pilipenko et al., 2015; 2018]. Поверхность посткраниальных костей очищали от видимых загрязнений, обрабатывали раствором гипохлорита натрия, облучали ультрафиолетом для разрушения современной ДНК. Затем механически удаляли поверхностный слой на глубину ~ 1–2 мм и повторно облучали образец ультрафиолетом. Из компактного костного вещества высверливали порошок. Поверхность зубов механически очищали от загрязнений. Далее зубы целиком обрабатывали гипохлоритом натрия, облучали ультрафиолетом и размалывали с помощью шаровой мельницы Retsch MM200 (Германия).

Для выделения ДНК из посткраниального материала костный порошок инкубировали в 5M гуанидинизотионатном буфере при температуре 65 °C и постоянном перемешивании. Материал зубов декальцинировали 0,5-молярным раствором ЭДТА с последующим лизисом с помощью протеиназы К. ДНК выделяли методом фенол-хлороформной экстракции с последующим осаждением изопропанолом.

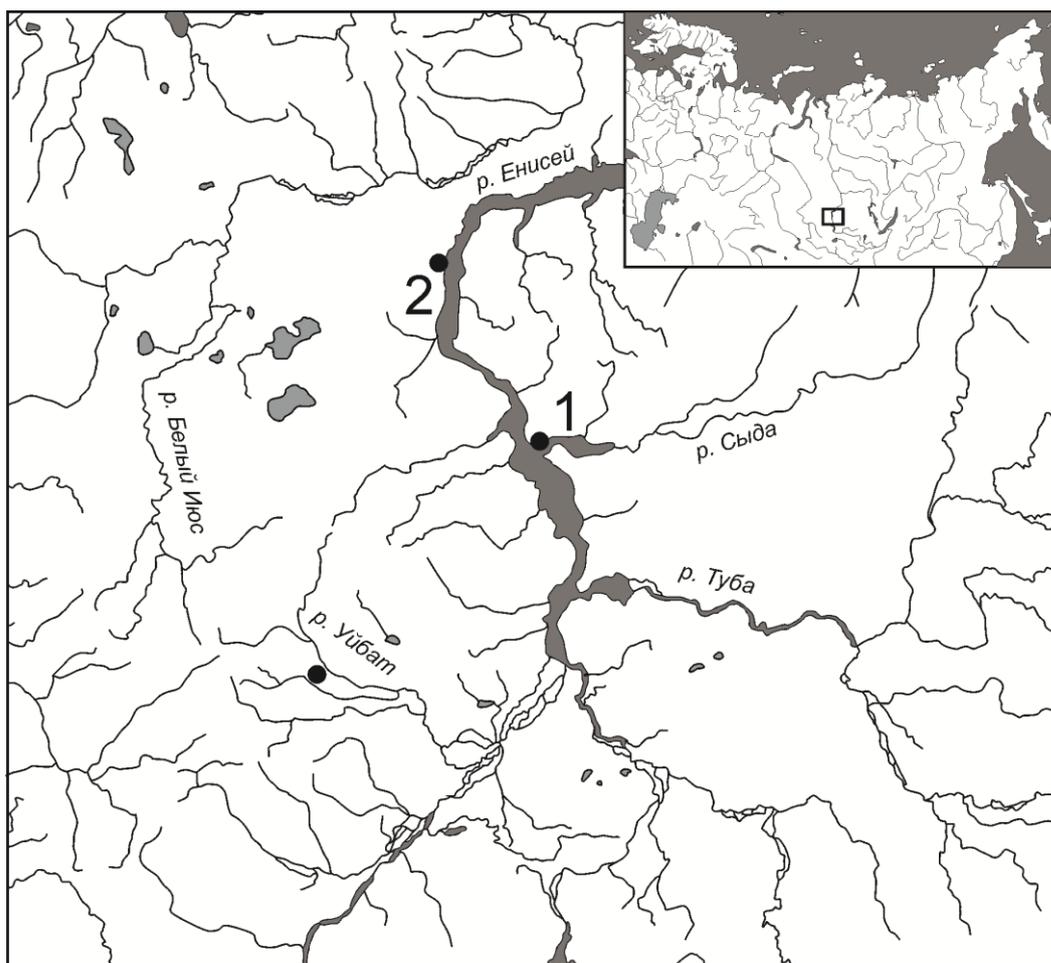

Рис. 1. Расположение могильников окуневской культуры в Минусинской котловине, из которых был получен материал для проведения палеогенетического исследования: 1 – Сыда V; 2 – Барсучиха II; 3 – комплекс памятников Уйбат

Fig. 1. The location of the burial grounds of the Okunevo culture in the Minusinsk basin, from which the material for paleogenetic research was obtained: 1 – Syda V; 2 – Badger II; 3 – a complex of Uybat monuments

Анализ структуры мтДНК включал определение последовательности первого гипервариабельного сегмента контрольного района мтДНК (ГВС I мтДНК). Амплификацию ГВС I мтДНК проводили параллельно двумя методами: 1) в виде четырех коротких перекрывающихся фрагментов (четыре независимых однораундовых ПЦР [Naak et al., 2005]); 2) в виде одного длинного фрагмента с помощью «вложенной» ПЦР (включала два последовательных раунда реакции) [Пилипенко и др., 2008]. Статус филогенетически информативных позиций в кодирующей части мтДНК определяли с помощью ПЦР-систем, описанных в работе [Wilde et al., 2014].

Последовательности нуклеотидов определяли с использованием набора реактивов ABI Prism BigDye Terminator Cycle Sequencing Ready Reaction Kit (v.1.1 – для коротких фрагментов, v.3.1 – для длинного фрагмента) (Applied Biosystems, США). Продукты секвенирующей реакции анализировали на автоматическом капиллярном секвенаторе ABI Prism 3130XL Genetic Analyser (Applied Biosystems, США) в центре коллективного пользования «Геномика» СО РАН (<http://sequest.niboch.nsc.ru>). Филогенетическую и филогеографическую интерпретацию результатов осуществляли методами, описанными нами ранее [Pilipenko et al., 2018].

Таблица 1

Описание серии палеоантропологических образцов от носителей окуневской культуры, использованных для проведения данного исследования

Table 1

The description of the series paleoanthropological samples from the Okunevo culture population which were used to maintain this research

Лабораторный шифр индивида	Археологический памятник	Описание *	Материал для получения образца ДНК
OK1	Сыда V	К. 4, М. 6, Ск.1	Бедренная кость
OK2	Сыда V	К. 4, М. 6, Ск. 2	Бедренная кость
OK3	Сыда V	К. 4, М. 6, Ск. 3	Бедренная кость
OK4	Сыда V	К. 4, М. 6, Ск. 4	Бедренная кость
OK5	Сыда V	К. 4, М. 6, Ск. 5	Бедренная кость
OK6	Сыда V	К. 4, М. 6, Ск. 6	Бедренная кость
OK7	Сыда V	К. 4, М. 6, Ск. 7	Бедренная кость
OK8	Сыда V	К. 4, М. 6, Ск. 8	Бедренная кость
OK9	Сыда V	К. 3, М. 1, Ск. 1	Бедренная кость
OK10	Сыда V	К. 2, М. 2, Ск. 1	Бедренная кость
OK11	Сыда V	К. 4, М. 1	Большая берцовая кость
OK12	Сыда V	К. 3, М. 1, Ск.1	Бедренная кость
OK13	Сыда V	К. 3, М. 12, Ск. 2	Бедренная кость
OK14	Сыда V	К. 1, М. 2	Большая берцовая кость
OK15	Сыда V	К. 4, М. 10	Бедренная кость
OK16	Сыда V	К. 3, М. 1, Ск. 2	Бедренная кость
OK17	Сыда V	К. 1, М. 4	Большая берцовая кость
OK18	Сыда V	К. 3, М. 22	Бедренная кость
OK19	Сыда V	К. 1, М. 3	Плечевая кость
OK20	Сыда V	К. 4, М. 5	Большая берцовая кость
OK21	Сыда V	К. 3, М. 1, Ск. 2	Большая берцовая кость
OK22	Сыда V	К. 3, М. 1, Ск. 11	Большая берцовая кость
OK23	Барсучиха-2	К. 22, М. 2	Бедренная кость
OK24	Сыда V	К. 3, М. 9	Плечевая кость
OK25	Сыда V	К. 3, М. 2, Ск. 2	Зубы
OK26	Сыда V	К. 3, М. 10, Ск. 1	Зубы
OK27	Сыда V	К. 3, М. 10, Ск. 2	Зубы
OK28	Сыда V	К. 3, М. 12, Ск. 1	Зубы
OK29	Сыда V	К. 3, М. 10, Ск. 3	Зубы
OK30	Сыда V	К. 3, М. 5, Ск. 1	Зубы
OK31	Сыда V	К. 3, М. 5, Ск. 2	Зубы
OK32	Уйбат	К. 1, М. 2А	Зубы
OK33	Уйбат	К. 1, М. 2Б	Зубы
OK34	Сыда V	К. 2, М. 2, Ск. 2	Зубы

* Сокращения: К. – курган, М. – могила, Ск. – скелет.

Меры против контаминации и верификация результатов. Все работы с древним материалом выполнены в специально оборудованных для палеогенетических исследований чистых помещениях межинститутской лаборатории молекулярной палеогенетики и палеогеномики ИЦИГ СО РАН (Новосибирск, Россия). Используемая инфраструктура и приборный парк отвечают всем современным требованиям, предъявляемым к палеогенетическим лабораториям. Меры против контаминации и процедуры верификации результатов описаны в нашей статье [Piliipenko et al., 2018] и включали: использование средств индивидуальной защиты и логистики исследования, исключающих загрязнение образцов в процессе работы, проведение всех стадий работы в изолированных друг от друга помещениях лаборатории, многократное воспроизведение экспериментальных процедур для каждого образца, контроль загрязнения реактивов и спорадического загрязнения проб на всех этапах работы и др. Дополнительно для ряда образцов (12 индивидов из исследованной серии) были установлены воспроизводимые профили (полные или частичные) 15 аутомных STR-локусов и определен генетический пол останков (по полиморфизму гена амелогенина) с использованием коммерческого набора реактивов AmpFISTR® Identifiler® Plus PCR Amplification Kit (Applied Biosystems, США), который позволяет эффективно контролировать наличие / отсутствие контаминации современной ДНК, а также устанавливать индивидуальный генетический профиль, отличающий каждого из исследуемых индивидов (традиционно используется для анализа степени родства индивидов). Условия проведения исследования, используемые протоколы работы и особенности полученных нами результатов однозначно свидетельствуют о высокой достоверности полученных нами палеогенетических данных.

Результаты исследования

Были получены 3–5 независимых экстрактов суммарной ДНК из останков всех 34 носителей окуневской культуры, включенных в выборку для исследования. Успешно определена последовательность ГВС I мтДНК для 25 из 34 индивидов, что составляет ~ 73,5 % первоначальной выборки (табл. 2). Таким образом продемонстрирована высокая степень сохранности ДНК в останках большей части исследуемых представителей окуневской культуры, что коррелирует с хорошей макроскопической сохранностью окуневского палеоантропологического материала. Для оставшихся 9 индивидов, первоначально включенных в серию, получить полноценные и воспроизводимые данные о структуре мтДНК не удалось. Отчасти это связано с низкой сохранностью ДНК в образцах, не позволившей амплифицировать все участки ГВС I мтДНК (для 7 индивидов). Для 2 индивидов выявлены признаки тотальной контаминации материала современной ДНК, поэтому они также были исключены из анализа.

В исследованной серии из 25 образцов выявлено 10 структурных вариантов (гаплотипов) ГВС I мтДНК. Шесть структурных вариантов выявлены лишь у одного индивида из серии, 4 структурных варианта выявлены у нескольких индивидов (от 2 до 8), при этом варианты 1 и 3 (табл. 2) представлены с высокой частотой (8 и 6 индивидов соответственно). На основе данных о последовательности ГВС I мтДНК и статусе информативных гаплогрупп-специфичных позиций в кодирующей части мтДНК было определено филогенетическое положение и установлена принадлежность к гаплогруппам всех 25 успешно исследованных образцов мтДНК, и построено дерево, отражающее филогенетические отношения исследованных структурных вариантов мтДНК (рис. 2).

Учитывая тот факт, что в трех ранее опубликованных работах зарубежных коллег, в которых проводился анализ образцов из окуневской популяции, присутствуют данные о структуре и филогенетической принадлежности 32 окуневских образцов мтДНК [Allentoft et al., 2015; Damgaard et al., 2018; Hollard et al., 2018], исследованная нами серия увеличивает суммарную выборку мтДНК для этой популяции почти на 80 %, а ее суммарная численность теперь превышает 50 образцов (индивидов). При этом выборка из могильника Сыда V, исследованная нами ($N = 22$), является наиболее репрезентативной серией из одного могильника

среди всех опубликованных к настоящему моменту (для других могильников исследованы серии не более 6–7 образцов).

Таблица 2

Разнообразие структурных вариантов мтДНК
в исследованной серии носителей окуневской культуры Минусинской котловины

Table 2

The variety of structural variants of mtDNA
in the researched series of Okunevo culture population of the Minusinsk basin

№ варианта	Гаплотип ГВС I мтДНК	Статус ОНП в кодирующей части мтДНК	Гаплогруппа мтДНК	Число носителей варианта в исследованной серии	Носители данного варианта
1	16223-16242-16278-16290-16319	663G	A8	6	OK1, OK7, OK17, OK18, OK19, OK32
2	16242-16290-16293C-16319	663G	A11	1	OK23
3	16093-16223-16288-16298-16327	13263G	C5	8	OK2, OK3, OK8, OK9, OK11, OK13, OK22, OK29
4	16239-16298-16327	13263G	C	1	OK25
5	CRS	7028C	H/U	1	OK16
6	16362	7028C	H	1	OK14
7	16051-16129C-16183C-16189	12308G	U2e	1	OK24
8	16356	12308G	U4	2	OK6, OK33
9	16192-16256-16270	12308G	U5a1	3	OK10, OK12, OK21
10	16129-16192-16256-16270-16318	12308G	U5a1	1	OK15

В исследованной нами серии обнаружены варианты гаплогрупп мтДНК, относящихся к западно-евразийскому (H, U2e, U4, U5a1) и восточно-евразийскому (A8, A11, C*, C5) кластерам (см. рис. 2). Варианты западно-евразийского кластера мтДНК доминируют в отношении числа гаплотипов (6 из 10 выявленных гаплотипов), но уступают восточно-евразийским по численности их носителей (всего 9 носителей западно-евразийских вариантов из 25 исследованных индивидов). Такое несоответствие между разнообразием вариантов и общей долей их носителей объясняется высокой частотой встречаемости двух из четырех восточно-евразийских вариантов – № 1 и 3 в табл. 2, относящихся в гаплогруппам A8 и C5 соответственно, в то время как другие два восточно-евразийские варианта (№ 2 и 4 в табл. 2) встречаются у одного индивида каждый.

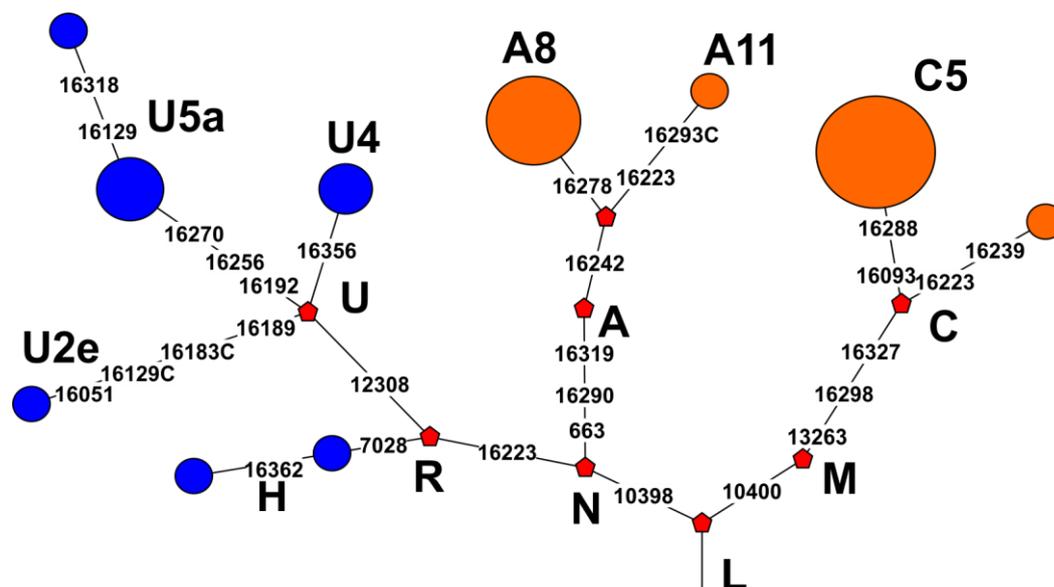

Рис. 2. Филогенетическое дерево структурных вариантов мтДНК, выявленных в генофонде окуневской популяции Минусинской котловины. Синим цветом обозначены варианты, относящиеся к западно-евразийскому кластеру гаплогрупп мтДНК, оранжевым – к восточно-евразийскому кластеру гаплогрупп мтДНК

Fig. 2. Phylogenetic tree of mtDNA structural variants identified in the gene pool of the Okunevo population of the Minusinsk basin. Blue indicates variants related to the Western Eurasian cluster of mtDNA haplogroups, orange – to the Eastern Eurasian cluster of mtDNA haplogroups

Следует отметить, что наличие выраженных компонентов, сформированных вариантами западно- и восточно-евразийского происхождения, было характерно и для ранее исследованных серий мтДНК окуневцев [Allentoft et al., 2015; Damgaard et al., 2018; Hollard et al., 2018], среди которых восточно-евразийские варианты также преобладали, составляя две трети выборки, что сопоставимо с нашей серией. Другим важным сходством нашей серии с ранее опубликованными является высокая частота вариантов гаплогрупп A8 и C5, зафиксированная не только на могильнике Сыда V, но и ранее на других памятниках. Таким образом, высокую частоту вариантов восточно-евразийских гаплогрупп A8 и C5, отмеченную в нашей серии, следует рассматривать скорее не как специфичную черту группы, сформировавшей могильник Сыда V, а как распространенную черту генофонда окуневской популяции в целом, т. е. общую для локально-территориальных групп населения. Наряду с этим мы считаем несколько преждевременными выводы коллег, о том, что локально-территориальные группы окуневского населения, представленные материалами отдельных могильников, демонстрируют признаки «хаотичного смешения» в результате «частых перекрестных браков с представителями других обществ» [Поляков, 2019, с. 100]. Прежде всего, до получения нами данных о разнообразии мтДНК в окуневских комплексах могильника Сыда V в литературе попросту отсутствовали репрезентативные данные для какого-либо окуневского памятника: серии 2–7 образцов мтДНК нельзя считать выборками, репрезентативно отражающими состав генофонда мтДНК населения, сформировавшего тот или иной крупный могильник. Кроме того, исследованная нами серия из могильника Сыда V демонстрирует некоторые предварительные отличия от ранее исследованных серий. Например, для нее характерна большая доля вариантов различных подгрупп гаплогруппы U, U2e, U4, U5a; при этом гаплогруппа U2e впервые выявлена нами в окуневском генофонде, в составе западно-евразийской части серии, и наоборот, меньшая доля вариантов гаплогруппы H, поэтому говорить о полном сходстве локальных серий на данном этапе нельзя. С другой стороны, эти отличия также

могут объясняться недостаточной репрезентативностью большинства локальных серий образцов мтДНК (помимо серии из могильника Сыда V), поэтому мы предлагаем вернуться к обсуждению данного аспекта после накопления соответствующих репрезентативных генетических результатов.

Хотя основной целью нашей статьи является введение в научный оборот новых данных по структуре генофонда мтДНК окуневского населения Минусинской котловины, мы не можем остаться в стороне от дискуссии о вопросах происхождения окуневцев, которая в последнее время развернулась с новой силой, с активным привлечением имеющихся данных палеогенетики [Поляков, 2019; 2022; Козинцев, 2020]. В связи с этим дальнейшее обсуждение результатов анализа исследованной нами серии методами филогенетики и филогеографии мы будем проводить в контексте проблемы происхождения и механизмов формирования окуневской популяции. Важно подчеркнуть, что данные палеогенетики, как и данные физической антропологии, имеют непосредственное отношение лишь к популяционно-генетическим аспектам этногенетических процессов, т. е. отражают именно биологическую составляющую процессов формирования населения исследуемой территории, в то время как данные археологии отражают в первую очередь культурогенез. Эти аспекты этнокультурных процессов часто, но далеко не всегда коррелируют друг с другом. Ведь, например, изменение духовной и материальной культуры может сопровождаться миграционными процессами и межпопуляционным взаимодействием, а может быть обусловлено только культурными контактами (через торговлю и обучение), без миграционной составляющей и соответствующих заметных генетических контактов между популяциями. Более того, оценка степени корреляции культурогенетических и популяционно-биологических процессов сама по себе часто является интересной и сложной задачей междисциплинарного исследования. В этой связи нельзя однозначно согласиться с утверждением о второстепенной роли антропологии и палеогенетики в этнокультурных реконструкциях, по сравнению с археологическими подходами [Поляков, 2022, с. 132]. Каждое из этих научных направлений позволяет анализировать прежде всего отдельные аспекты этнокультурных процессов. И только их полноценное сочетание позволяет получить комплексную картину изучаемых событий прошлого. В данной работе мы анализируем генетические данные, поскольку они в первую очередь связаны с популяционно-генетическими аспектами формирования окуневского населения.

Основным дискуссионным моментом в вопросах происхождения окуневского населения является степень участия в его формировании автохтонных южносибирских компонентов, с одной стороны, и пришлых компонентов из более западных регионов Евразии, потенциально связанных с миграционными потоками с запада, с другой. При этом под автохтонными компонентами в данном случае подразумеваются генетические компоненты, свойственные доафанасьевскому населению региона (в частности неолитической и более ранним популяциям). А пришлые компоненты связывают либо с носителями афанасьевской культуры, имеющими пришлое происхождение [Хохлов и др., 2016], либо с отдельным эпизодом миграции из Восточной Европы, не относящимся напрямую к ямно-афанасьевскому феномену [Поляков, 2019; 2022].

Обратимся к имеющимся в нашем распоряжении данным по генофонду мтДНК окуневского населения, а также опубликованным ранее данным о генофонде Y-хромосомы этой популяции (данные по разнообразию Y-хромосомы окуневцев из могильника Сыда V будут опубликованы в другой статье, посвященной диахронному анализу мужского генофонда населения Минусинской котловины).

Мы уже отметили, что характерной чертой окуневского генофонда является «смешанный» состав из вариантов гаплогрупп западно- и восточно-евразийского происхождения. Отметим, что наличие в составе генофонда одновременно западно- и восточно-евразийских гаплогрупп является довольно распространенной чертой многих древних и современных популяций Южной и Западной Сибири, а также Центральной Азии и само по себе не может рассматриваться как доказательство смешанного происхождения той или иной популяции, так как пер-

воначальное проникновение и смешение этих компонентов могло происходить в регионе задолго до возникновения исследуемой древней популяции и являться уже «реликтовым» признаком, характерным для предшествующих популяций региона. Например, на соседней территории Барабинской лесостепи такая «смешанная» структура зафиксирована для всех групп, доступных для исследования, включая и наиболее ранние популяции (неолит и эпоха раннего металла) [Молодин и др., 2013; Molodin et al., 2012], и сформировалась, по-видимому, в еще более ранние эпохи. В частности варианты различных подгрупп западно-евразийской гаплогруппы U присутствовали в Барабе уже в неолите, наряду с рядом восточно-евразийских гаплогрупп. Наиболее вероятно, такая смешанная структура могла быть характерна и для других районов юга Сибири задолго до начала процесса формирования окуневского населения и до первой масштабной миграционной волны на юг Сибири, связанной с ямно-афанасьевским феноменом. Иначе говоря, сама по себе структура генофонда мтДНК, состоящего из западно- и восточно-евразийского компонентов, свидетельствует в пользу участия автохтонных групп в формировании генофонда окуневцев. Более того, филогеографический анализ с привлечением имеющихся в литературе данных о древних и современных популяциях Евразии четко свидетельствует, что целый ряд гаплогрупп, входящих в состав окуневского генофонда мтДНК, имеет выраженное сибирское (южносибирское) и / или центральноазиатское происхождение. Это в частности касается гаплогрупп A8, A11 и C5, выявленных как в нашей, так и в ранее опубликованных окуневских сериях. Кроме того, к числу несомненно автохтонных для южных районов Сибири кластеров мтДНК относится гаплогруппа A10, выявленная у одного из носителей окуневской культуры [Hollard et al., 2018]. Ранее мы показали, что варианты гаплогруппы A10 являлись важным автохтонным компонентом генофонда мтДНК населения сопредельных районов западносибирской лесостепи, как минимум с эпохи неолита и на протяжении всей эпохи бронзы [Pilipenko et al., 2015]. Таким образом, автохтонное южносибирское происхождение основных гаплогрупп восточно-евразийского кластера, выявленных в окуневском генофонде мтДНК, не вызывает сомнений с точки зрения данных филогеографии.

В составе западно-евразийской части генофонда мтДНК присутствуют варианты, которые могут с равной вероятностью происходить из автохтонных неолитических популяций региона или попасть в регион в связи с ямно-афанасьевской волной миграции из западных районов Евразии, это варианты гаплогрупп U2e, U4, U5a. Для остальных западно-евразийских гаплогрупп, выявленных в окуневском генофонде (прежде всего варианты гаплогруппы H, а также более редкие J, T), которые не были выявлены в ранних популяциях юга Сибири (неолит и ранний металл), вероятным является мигрантное происхождение с запада. При этом важно отметить, что практически все эти варианты (или очень близкие к ним) также выявлены в составе генофонда мтДНК афанасьевского или ямного населения (см. обзор данных в [Поляков, 2019; 2022] или первоисточники [Allentoft et al., 2015; Damgaard et al., 2018; Hollard et al., 2018; Narasimhan et al., 2019] и др.). Никаких явных признаков появления другого пришлого населения с запада, не связанного с афанасьевской культурой, в генофонде мтДНК окуневской популяции к настоящему моменту не выявлено (хотя полностью опровергнуть наличие такой миграции в небольшом масштабе также пока нельзя). В любом случае именно автохтонные для юга Сибири компоненты, составили основу генофонда мтДНК окуневского населения. А компоненты, потенциально связанные с возможной миграцией с запада, составляют относительно незначительную часть (порядка 20 % или менее) и могут быть объяснены влиянием афанасьевского населения.

С этим согласуются и имеющиеся данные по генофонду Y-хромосомы (как литературные, так и наши собственные, пока не опубликованные). Основной компонент в генофонде окуневского населения – вариант Q1a (в меньшей степени Q1b) гаплогруппы Y-хромосомы. Линии этой гаплогруппы довольно широко распространены в популяциях восточной части Евразии [Petkovski et al., 2006], в частности в Центральной Азии и Сибири, также ее можно встретить среди коренных народов Америки [Rasmussen et al., 2014]. При этом именно юж-

ные районы Сибири, предположительно, являются местом ее первоначального происхождения и первичной диверсификации [Zegura et al., 2004]. Интересно, что ранее наличие гаплогруппы Q было выявлено также у представителей населения соседнего Горного Алтая, также датируемых эпохой развитой бронзы (II тыс. до н. э.) [Пилипенко и др., 2016]. В целом сибирское или центрально-азиатское происхождение данного компонента мужского генофонда окуневской популяции не вызывает сомнений, что позволяет отнести его к числу потенциально автохтонных кластеров. Выявленные в меньшем количестве в составе окуневского мужского генофонда варианты кластера NO (NO1) [Hollard et al., 2018] сложнее в филогеографической интерпретации, однако и они являются характерными для восточной и северо-восточной части Евразии, т. е. не могут быть связаны с миграцией с запада. Наконец последний, также редкий (минорный) компонент генофонда мужской части окуневской популяции относится к специфической подгруппе гаплогруппы R1b (R1b1a2a) [Hollard et al., 2018; Damgaard et al., 2018], которая абсолютно доминирует среди вариантов Y-хромосомы в генофонде носителей афанасьевской и ямной культур и, как правило, маркирует генетическое влияние групп, связанных с ямно-афанасьевским феноменом. Отметим, что влияние это на окуневцев если и было, то выражено относительно слабо на уровне генофонда как мтДНК, так и Y-хромосомы.

Таким образом, компоненты потенциально автохтонного южносибирского происхождения доминируют как в женском, так и в мужском генофонде окуневского населения. По-видимому, именно автохтонные компоненты играли главную роль при формировании генетического состава окуневцев. Основной проблемой для окончательного (прямого) обоснования методами антропологии и палеогенетики главенствующей роли автохтонных для Южной Сибири генетических компонентов в формировании окуневского населения, как вполне справедливо было отмечено [Поляков, 2022, с. 132–134], является недостаток (в случае антропологии) или полное отсутствие (в случае палеогенетики) репрезентативных данных о доафанасьевском населении Минусинской котловины. И обращение к верхнепалеолитическим материалам Восточной Сибири [Козинцев, 2020] является полезным, но не может полностью компенсировать пробел в данных по неолитическим популяциям региона. Однако современные возможности филогенетического и филогеографического анализа данных по мтДНК и Y-хромосоме позволяют с высокой достоверностью фиксировать автохтонные компоненты генофонда, поэтому длительное присутствие ряда кластеров мтДНК из окуневской серии в южных районах Сибири (в данном случае автохтонность) не вызывает сомнений вне зависимости от наличия / отсутствия палеогенетических результатов по неолитическому населению Минусинской котловины. В этой связи резкая смена генетического состава населения, фиксируемая диахронным анализом при переходе от афанасьевской к окуневской культуре, с генетической точки зрения может быть обусловлена не притоком совершенно нового населения в регион (как это было в случае самого афанасьевского населения и позже, в период андроновской миграции на юг Сибири), а резким увеличением роли автохтонных (доафанасьевских) генетических компонентов. С точки зрения популяционной биологии такой сценарий мог быть реализован в случае первоначального оттеснения автохтонных популяций с территории Минусинской котловины с приходом в регион афанасьевского населения с последующей репопуляцией этих территорий преимущественно автохтонными по происхождению группами после исчезновения или ослабления здесь (по тем или иным причинам) афанасьевцев с формированием окуневского населения. С этим хорошо согласуется и установленный в последние годы сравнительно короткий период бытования в Минусинской котловине памятников афанасьевской культуры [Poliakov et al., 2019]. Этот сценарий коррелирует с моделью, предложенной ранее Г. А. Максименковым [1975]. Однако необходимо подчеркнуть, что в данном случае мы говорим лишь о популяционно-генетических аспектах этнокультурных процессов, что не отменяет ряд сложностей, возникающих с пониманием культурогенетических аспектов рассматриваемых процессов, справедливо отмеченных А. В. Поляковым [2022, с. 132–134]. При этом важно отметить, что в полученных к настоя-

щему моменту палеогенетических данных пока отсутствуют компоненты западного происхождения, которые можно было бы потенциально связать с отдельным от ямно-афанасьевского миграционным потоком с запада преимущественно мужского населения, который мог бы внести определяющий вклад в формирование окуневской популяции. Речь может идти о носителях сейминско-турбинского транскультурного феномена, проникавших на территорию Минусинской котловины с запада и ослабивших специфические следы, вероятно, в комплексах окуневской культуры [Молодин, 2022]. В любом случае для дальнейшей реконструкции популяционно-генетических аспектов формирования окуневского населения необходимо накопление большого объема дополнительных данных по различным генетическим маркерам как для окуневских групп, так и для популяций Южной Сибири предшествующих и более поздних периодов.

Важно также отметить, что некоторые из автохтонных для юга Сибири генетических компонентов, формирующих основу окуневского генофонда, такие как гаплогруппы A8 и C5 мтДНК, сохраняют свое значения для популяций юга Сибири и в последующие эпохи [Piliipenko et al., 2018], в отличие от компонентов, связанных с афанасьевским населением, которые, по-видимому, полностью исчезают из регионального генофонда.

Заключение

Проведенное нами исследование серии из 25 образцов мтДНК из останков носителей окуневской культуры Минусинской котловины позволило существенно (почти вдвое) увеличить численность их суммарной серии, опубликованной к настоящему времени. Поскольку 22 из 25 исследованных образцов были взяты из одного могильника – Сыда V, мы получили первые репрезентативные данные о разнообразии вариантов мтДНК в одном могильнике, так как для других могильников к настоящему времени было исследовано не более 6–7 образцов мтДНК. Это отвечает современным тенденциям развития палеогенетики, когда наблюдается переход от анализа географически и хронологически разрозненных образцов к работе с репрезентативными локально-территориальными сериями, позволяющими получить более полное представление о деталях генетического состава отдельных групп древнего населения.

Полученные нами данные вместе с накопленными ранее в научной литературе были рассмотрены в контексте проблем происхождения и генетической истории окуневской популяции. Хотя мы еще не можем выполнить исчерпывающую этногенетическую реконструкцию, уже сейчас очевидно, что основу окуневского генофонда мтДНК и Y-хромосомы составили компоненты, автохтонные для южных районов Западной и Восточной Сибири, т. е. связанные с доафанасьевскими популяциями региона. В то же время участие компонентов миграционного происхождения из западной части Евразии существенно менее выражено, а признаков участия в формировании окуневского генофонда миграционного потока с запада, отличного от миграции ямно-афанасьевских групп, на данный момент в генофонде не выявлено. Дальнейший прогресс в реконструкции популяционно-генетических аспектов становления и развития окуневского генофонда будет связан с накоплением репрезентативных данных о локально-территориальных и хронологических группах носителей окуневской культуры, что является актуальной задачей как на уровне отдельных филогенетически и филогеографически информативных маркеров (мтДНК, Y-хромосома, отдельные аутосомные маркеры), так и на уровне полногеномного анализа высокопроизводительными методами.

Список литературы

Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А. Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. 148 с.

- Грязнов М. П., Комарова М. Н.** Сыда V – могильник окуневской культуры // Окуневский сборник 2. СПб., 2006. С. 53–59.
- Козинцев А. Г.** Происхождение окуневского населения Южной Сибири по данным физической антропологии и генетики // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48, № 4. С. 135–145. DOI 10.17746/1563-0102.2020.48.4.135-145
- Лазаретов И. П.** Окуневские могильники в долине р. Уйбат // Окуневский сборник. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 19–64.
- Максименков Г. А.** Окуневская культура в Южной Сибири // МИА. 1965. № 130. С. 168–174.
- Максименков Г. А.** Окуневская культура: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1975. 39 с.
- Молодин В. И.** Окуневская культура и сейминско-турбинский феномен (историографические заметки) // Археологические вести. 2022. № 34. С. 123–129.
- Молодин В. И., Пилипенко А. С., Чикишева Т. А., Ромашенко А. Г., Журавлев А. А., Поздняков Д. В., Трапезов Р. О.** Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи V–I тыс. до н. э.: археологический, палеогенетический и антропологический аспекты. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. 220 с.
- Пилипенко А. С., Ромашенко А. Г., Молодин В. И., Куликов И. В., Кобзев В. Ф., Поздняков Д. В., Новикова О. И.** Особенности захоронения младенцев в жилищах городища Чича-I Барабинской лесостепи по данным анализа структуры ДНК // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 2. С. 57–67.
- Пилипенко А. С., Молодин В. И., Трапезов Р. О., Черданцев С. В., Журавлев А. А.** Молекулярно-генетический анализ останков людей из погребального комплекса эпохи бронзы Бертек-56 (II тысячелетие до н. э., Республика Алтай, Россия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 4. С. 141–149.
- Поляков А. В.** Обзор результатов начального этапа палеогенетических исследований населения эпохи бронзы Минусинских котловин // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 2. С. 91–108.
- Поляков А. В.** Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб.: ИИМК РАН, 2022. 364 с.
- Теплоухов С. А.** Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. 1929. Т. 4, вып. 2. С. 41–62.
- Хохлов А. А., Солодовников К. Н., Рыкун М. П., Кравченко Г. Г., Китов Е. П.** Краниологические данные к проблеме связи популяций ямной и афанасьевской культур Евразии начального этапа бронзового века // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3. С. 86–106.
- Allentoft M. E., Sikora M., Sjögren K. G., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P. B., Schroeder H., Ahlström T., Vinner L., Malaspina A.-S., Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Casa P. D., Dąbrowski P., Duffy P. R., Ebel A. V., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A., Gronkiewicz S., Grupe G., Hajdu T., Jarysz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolář J., Kriiska A., Lasak I., Longhi C., McGlynn G., Merkevicius A., Merkyte I., Metspalu M., Mkrtychyan R., Moiseyev V., Paja L., Pálfi G., Pokutta D., Pospieszny Ł., Price T. D., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrčka V., Soenov V. I., Szevevényi V., Tóth G., Trifanova S. V., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenev V., Orlando L., Sichert Pontén T., Brunak S., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E.** Population genomics of Bronze Age Eurasia. *Nature*, 2015, vol. 522, pp. 167–172.
- Damgaard P., Martiniano R., Kamm J., Moreno-Mayar J. V., Kroonen G., Peyrot M., Barjamovic G., Rasmussen S., Zacho C., Baimukhanov N., Zaibert V., Merz V., Bidanda A., Merz I., Loman V., Evdokimov V., Usmanova E., Hemphill B., Seguin Orlando A., Yediay F. E., Ullah I., Sjögren K.-G., Iversen K. H., Choin J., Fuente C. de la,**

- Icardo M., Schroeder H., Moiseyev V., Gromov A., Polyakov A., Omura S., Senyurt S. Y., Ahmad H., McKenzie C., Margaryan A., Hameed A., Samad A., Gul N., Khokhar M. H., Goriunova O. I., Bazaliiskii V. I., Novembre J., Weber A. W., Orlando L., Allentoft M. E., Nielsen R., Kristiansen K., Sikora M., Outram A. K., Durbin R., Willerslev E. The First Horse Herders and the Impact of Early Bronze Age Steppe Expansions into Asia. *Science*, 2018, vol. 360, iss. 6396: eaar7711.
- Haak W., Forster P., Bramanti B., Matsumura S., Brandt G., Tanzer M., Villems R., Renfrew C., Gronenborn D., Werner A. K., Burger J. Ancient DNA from the first European farmers in 7500-Year-Old Neolithic sites. *Science*, 2005, vol. 305, pp. 1016–1018.
- Hollard C., Zvenigorosky V., Kovalev A., Kiryushin Y., Tishkin A., Lazaretov I., Crubezy E., Ludes B., Keyser C. New genetic evidence of affinities and discontinuities between bronze age Siberian populations. *American Journal of Physical Anthropology*, 2018, no. 167, pp. 97–107.
- Molodin V. I., Pilipenko A. S., Romaschenko A. G., Zhuravlev A. A., Trapezov R. O., Chikisheva T. A., Pozdnyakov D. V. Human migrations in the southern region of the West Siberian Plain during the Bronze Age: Archaeological, palaeogenetic and anthropological data. In: Population Dynamics in Pre- and Early History: New Approaches Using Stable Isotopes and Genetics. Berlin, 2012, pp. 95–113.
- Narasimhan V., Patterson N., Moorjani P., Lazaridis I., Mark L., Mallick S., Rohland N., Bernardos R., Kim A., Nakatsuka N., Olalde I., Coppa A., Mallory J., Moiseyev V., Monge J., Olivieri L., Adamski N., Broomandkoshbacht N., Candilio F., Cheronet O., Cullen B., Ferry M., Fernandes D., Gamarra B., Gaudio D., Hajdinjak M., Harney E., Harper T., Keating D., Lawson A.-M., Michel M., Novak M., Oppenheimer J., Rai N., Sirak K., Slon V., Stewardson K., Zhang Z., Akhatov G., Bagashev A., Baitanayev B., Bonora G., Chikisheva T., Derevianko A., Enshin D., Douka K., Dubova N., Epimakhov A., Freilich S., Fuller D., Goryachev A., Gromov A., Hanks B., Judd M., Kazizov E., Khokhlov A., Kitov E., Kupriyanova E., Kuznetsov P., Luiselli D., Maksudov F., Meiklejohn C., Merrett D., Micheli R., Mochalov O., Muhammed Z., Mustafakulov S., Nayak A., Rykun M., Pettner D., Potts R., Razhev D., Sarno S., Sikhymbaevae K., Slepchenko S., Stepanova N., Svyatko S., Vasilyev S., Vidale M., Voyakin D., Yermolayeva A., Zubova A., Shinde V., Lalueza-Fox C., Meyer M., Anthony D., Boivin N., Thangaraj K., Kennett D., Frachetti M., Pinhasi R., Reich D. The Formation of human populations in South and Central Asia. *Science*, 2019, vol. 365, iss. 6457 (eaat7487). DOI 10.1126/science.aat7487
- Petkovski E., Keyser-Tracqui C., Crubézy C. MALDI-TOF MS analysis of Y-SNPs in ancient samples. *Int. Congr. Ser.*, 2006, vol. 1288, pp. 25–27.
- Pilipenko A. S., Trapezov R. O., Cherdantsev S. V., Babenko V. N., Nesterova M. S., Pozdnyakov D. V., Molodin V. I., Polosmak N. V. Maternal genetic features of the Iron Age Tagar population from Southern Siberia (1st millennium BC). *PLoS ONE*, 2018. DOI 10.1371/journal.pone.0204062.
- Pilipenko A. S., Trapezov R. O., Zhuravlev A. A., Molodin V. I., Romaschenko A. G. MtDNA Haplogroup A10 Lineages in Bronze Age Samples Suggest That Ancient Autochthonous Human Groups Contributed to the Specificity of the Indigenous West Siberian Population. *PLoS ONE*, 2015, vol. 10 (5), p. e0127182.
- Poliakov A., Svyatko S., Stepanova N. A review of the radiocarbon dates for the Afanasyevo Culture (Central Asia): Shifting towards the “shorter” chronology. *Radiocarbon*, 2019, vol. 61, iss. 1, pp. 243–263.
- Rasmussen M., Anzick S. L., Waters M. R., Skoglund P., DeGiorgio M., Stafford T. W. Jr., Rasmussen S., Moltke I., Albrechtsen A., Doyle S. M., Poznik G. D., Gudmundsdottir V., Yadav R., Malaspina A. S., White S. S. 5th, Allentoft M. E., Cornejo O. E., Tambets K., Eriksson A., Heintzman P. D., Karmin M., Korneliusson T. S., Meltzer D. J., Pierre T. L.,

- Stenderup J., Saag L., Warmuth V. M., Lopes M. C., Malhi R. S., Brunak S., Sicheritz-Ponten T., Barnes I., Collins M., Orlando L., Balloux F., Manica A., Gupta R., Metspalu M., Bustamante C. D., Jakobsson M., Nielsen R., Willerslev E. The genome of a late Pleistocene human from a Clovis. *Nature*, 2014, vol. 506, no. 7487, pp. 225–229.
- Wilde S., Timpson A., Kirsanow K., Kaiser E., Kayser M., Unterländer M., Hoffelder N., Potechina I. D., Schier W., Thomas M. G., Burger J. Direct evidence for positive selection of skin, hair, and eye pigmentation in Europeans during the last 5,000 y. *Proc. Natl. Acad. Sci.*, 2014, vol. 111, no. 13, pp. 4832–4837.
- Zegura S. L., Karafet T. M., Zhivotovsky L. A., Hammer M. F. High-resolution SNPs and microsatellite haplotypes point to a single, recent entry of Native American Y chromosomes into the Americas. *Mol. Biol. Evol.*, 2004, vol. 21 (1), pp. 164–175. DOI 10.1093/molbev/msh009

References

- Allentoft M. E., Sikora M., Sjögren K. G., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P. B., Schroeder H., Ahlström T., Vinner L., Malaspinas A.-S., Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Casa P. D., Dąbrowski P., Duffy P. R., Ebel A. V., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A., Gronkiewicz S., Grupe G., Hajdu T., Jarysz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolář J., Kriiska A., Lasak I., Longhi C., McGlynn G., Merkevicius A., Merkyte I., Metspalu M., Mkrtychyan R., Moiseyev V., Paja L., Pálfi G., Pokutta D., Pospieszny L., Price T. D., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrčka V., Soenov V. I., Szevevényi V., Tóth G., Trifanova S. V., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenev V., Orlando L., Sicheritz Pontén T., Brunak S., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E. Population genomics of Bronze Age Eurasia. *Nature*, 2015, vol. 522, pp. 167–172.
- Damgaard P., Martiniano R., Kamm J., Moreno-Mayar J. V., Kroonen G., Peyrot M., Barjamovic G., Rasmussen S., Zacho C., Baimukhanov N., Zaibert V., Merz V., Bidanda A., Merz I., Loman V., Evdokimov V., Usmanova E., Hemphill B., Seguin Orlando A., Yediay F. E., Ullah I., Sjögren K.-G., Iversen K. H., Choin J., Fuente C. de la, Ilardo M., Schroeder H., Moiseyev V., Gromov A., Polyakov A., Omura S., Senyurt S. Y., Ahmad H., McKenzie C., Margaryan A., Hameed A., Samad A., Gul N., Khokhar M. H., Goriunova O. I., Bazaliiskii V. I., Novembre J., Weber A. W., Orlando L., Allentoft M. E., Nielsen R., Kristiansen K., Sikora M., Outram A. K., Durbin R., Willerslev E. The First Horse Herders and the Impact of Early Bronze Age Steppe Expansions into Asia. *Science*, 2018, vol. 360, iss. 6396: eaar7711.
- Gryaznov M. P., Komarova M. N. Syda V – mogil'nik okunevskoi kul'tury [Syda V – a burial ground of the Okunevo culture]. In: Okunevskii sbornik 2 [Okunevo collection, part 2]. St. Petersburg, 2006, pp. 53–59. (in Russ.)
- Haak W., Forster P., Bramanti B., Matsumura S., Brandt G., Tanzer M., Vilems R., Renfrew C., Gronenborn D., Werner A. K., Burger J. Ancient DNA from the first European farmers in 7500-Year-Old Neolithic sites. *Science*, 2005, vol. 305, pp. 1016–1018.
- Hollard C., Zvenigorosky V., Kovalev A., Kiryushin Y., Tishkin A., Lazaretov I., Crubezy E., Ludes B., Keyser C. New genetic evidence of affinities and discontinuities between bronze age Siberian populations. *American Journal of Physical Anthropology*, 2018, no. 167, pp. 97–107.
- Khokhlov A. A., Solodovnikov K. N., Rykun M. P., Kravchenko G. G., Kitov E. P. Kranio-logicheskie dannye k probleme svyazi populyatsii yamnoi i afanas'evskoi kul'tur Evrazii nachal'nogo etapa bronzovogo veka [Cranio-logical Data on the Problem of Communication of the Populations of the Pit and Afanasyevo Cultures of Eurasia at the Initial Stage of the Bronze Age]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], 2016, no. 3 (34), pp. 86–106. (in Russ.)

- Kozintsev A. G.** The Origin of the Okunevo Population, Southern Siberia: The Evidence of Physical Anthropology and Genetics. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2020, vol. 48, no. 4, pp. 135–145. (in Russ.) DOI 10.17746/1563-0102.2020.48.4.135-145
- Lazaretov I. P.** Okunevskie mogil'niki v doline r. Uibat [Okunevo burial grounds in the valley of the Uybat river]. In: Okunevskii sbornik [Okunevo collection]. St. Petersburg, Petro-RIF, 1997, pt. 1, pp. 19–64. (in Russ.)
- Maksimov G. A.** Okunevskaya kul'tura v Yuzhnoj Sibiri [Okunevskaya Culture in Southern Siberia]. *MIA*, 1965, no. 130, pp. 168–174. (in Russ.)
- Maksimov G. A.** Okunevskaya kul'tura [Okunevo Culture]. Abstract of Dr. Sci. (History) Diss. Novosibirsk, 1975, 39 p. (in Russ.)
- Molodin V. I.** Okunevskaya kul'tura i seimisko-turbinskii fenomen (istoriograficheskie zametki) [Okunevo culture and Seismisko-Turbino Phenomena (historiography notes)]. *Arkheologicheskie vesti [Archaeological News]*, 2022, no. 34, pp. 123–129. (in Russ.)
- Molodin V. I., Pilipenko A. S., Chikisheva T. A., Romashchenko A. G., Zhuravlev A. A., Pozdnyakov D. V., Trapezov R. O.** Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya naseleniya Barabinskoi lesostepi V–I tys. do n. e.: arkheologicheskii, paleogeneticheskii i antropologicheskii aspekty [Multidisciplinary studies of the population of the Baraba forest-steppe in the 5th – 1st millennium BC: archaeological, paleogenetic and anthropological aspects]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2013, 220 p. (in Russ.)
- Molodin V. I., Pilipenko A. S., Romashchenko A. G., Zhuravlev A. A., Trapezov R. O., Chikisheva T. A., Pozdnyakov D. V.** Human migrations in the southern region of the West Siberian Plain during the Bronze Age: Archaeological, palaeogenetic and anthropological data. In: Population Dynamics in Pre- and Early History: New Approaches Using Stable Isotopes and Genetics. Berlin, 2012, pp. 95–113.
- Narasimhan V., Patterson N., Moorjani P., Lazaridis I., Mark L., Mallick S., Rohland N., Bernardos R., Kim A., Nakatsuka N., Olalde I., Coppa A., Mallory J., Moiseyev V., Monge J., Olivieri L., Adamski N., Broomandkoshbacht N., Candilio F., Cheronet O., Cullen B., Ferry M., Fernandes D., Gamarra B., Gaudio D., Hajdinjak M., Harney E., Harper T., Keating D., Lawson A.-M., Michel M., Novak M., Oppenheimer J., Rai N., Sirak K., Slon V., Stewardson K., Zhang Z., Akhatov G., Bagashev A., Baitanayev B., Bonora G., Chikisheva T., Derevianko A., Enshin D., Douka K., Dubova N., Epimakhov A., Freilich S., Fuller D., Goryachev A., Gromov A., Hanks B., Judd M., Kazizov E., Khokhlov A., Kitov E., Kupriyanova E., Kuznetsov P., Luiselli D., Maksudov F., Meiklejohn C., Merrett D., Micheli R., Mochalov O., Muhammed Z., Mustafakulov S., Nayak A., Rykun M., Pettner D., Potts R., Razhev D., Sarno S., Sikhymbaeva K., Slepchenko S., Stepanova N., Svyatko S., Vasilyev S., Vidale M., Voyakin D., Yermolayeva A., Zubova A., Shinde V., Lalueza-Fox C., Meyer M., Anthony D., Boivin N., Thangaraj K., Kennett D., Frachetti M., Pinhasi R., Reich D.** The Formation of human populations in South and Central Asia. *Science*, 2019, vol. 365, iss. 6457 (eaat7487). DOI 10.1126/science.aat7487
- Petkovski E., Keyser-Tracqui C., Crubézy C.** MALDI-TOF MS analysis of Y-SNPs in ancient samples. *Int. Congr. Ser.*, 2006, vol. 1288, pp. 25–27.
- Pilipenko A. S., Molodin V. I., Trapezov R. O., Cherdantsev S. V., Zhuravlev A. A.** Molekulyarno-geneticheskii analiz ostanok lyudei iz pogrebal'nogo kompleksa epokhi bronzy Bertek-56 (II tysyacheletie do n. e., Respublika Altai, Rossiya) [A Genetic Analysis of Human Remains from the Bronze Age (2nd Millennium BC) Burial Ground Bertek-56 in the Altai Mountains]. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2016, vol. 44, no. 4, pp. 141–149. (in Russ.)
- Pilipenko A. S., Romashchenko A. G., Molodin V. I., Kulikov I. V., Kobzev V. F., Pozdnyakov D. V., Novikova O. I.** Osobennosti zakhroneniya mladentsev v zhilishchakh gorodishcha Chicha-I Barabinskoi lesostepi po dannym analiza struktury DNK [Infant Burials in Dwellings

- at Chicha-1, in the Baraba Forest-Steppe: Results of DNA Analysis]. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2008, no. 2, pp. 57–67. (in Russ.)
- Pilipenko A. S., Trapezov R. O., Cherdantsev S. V., Babenko V. N., Nesterova M. S., Pozdnyakov D. V., Molodin V. I., Polosmak N. V.** Maternal genetic features of the Iron Age Tagar population from Southern Siberia (1st millennium BC). *PLoS ONE*, 2018. DOI 10.1371/journal.pone.0204062.
- Pilipenko A. S., Trapezov R. O., Zhuravlev A. A., Molodin V. I., Romaschenko A. G.** MtDNA Haplogroup A10 Lineages in Bronze Age Samples Suggest That Ancient Autochthonous Human Groups Contributed to the Specificity of the Indigenous West Siberian Population. *PLoS ONE*, 2015, vol. 10 (5), p. e0127182.
- Polyakov A. V.** Obzor rezul'tatov nachal'nogo etapa paleogeneticheskikh issledovaniy naseleniya epokhi bronzy Minusinskikh kotlovin [Overview of the Results of the Initial Stage of Paleogenetic Research Into the Population of the Minusinsk Hollow in the Bronze Epoch]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy [Theory and Practice of Archaeological Research]*, 2019, no. 2, pp. 91–108. (in Russ.)
- Polyakov A. V.** Khronologiya i kul'turogenез pamyatnikov epokhi paleometalla Minusinskikh kotlovin [Chronology and cultural genesis of the Paleometal epoch sites in Minusinsk basins]. St. Petersburg, Institute for the History of Material Culture RAS, 2022, 364 p. (in Russ.)
- Poliakov A., Svyatko S., Stepanova N.** A review of the radiocarbon dates for the Afanasyevo Culture (Central Asia): Shifting towards the “shorter” chronology. *Radiocarbon*, 2019, vol. 61, iss. 1, pp. 243–263.
- Rasmussen M., Anzick S. L., Waters M. R., Skoglund P., DeGiorgio M., Stafford T. W. Jr., Rasmussen S., Moltke I., Albrechtsen A., Doyle S. M., Poznik G. D., Gudmundsdottir V., Yadav R., Malaspina A. S., White S. S. 5th, Allentoft M. E., Cornejo O. E., Tambets K., Eriksson A., Heintzman P. D., Karmin M., Korneliusson T. S., Meltzer D. J., Pierre T. L., Stenderup J., Saag L., Warmuth V. M., Lopes M. C., Malhi R. S., Brunak S., Sicheritz-Ponten T., Barnes I., Collins M., Orlando L., Balloux F., Manica A., Gupta R., Metspalu M., Bustamante C. D., Jakobsson M., Nielsen R., Willerslev E.** The genome of a late Pleistocene human from a Clovis. *Nature*, 2014, vol. 506, no. 7487, pp. 225–229.
- Teploukhov S. A.** Opyt klassifikatsii drevnikh metallicheskh kul'tur Minusinskogo kraja [Attempt in the classification of ancient metal cultures of the Minusinsk Region]. *Materialy po etnografii [Materials on Ethnography]*, 1929, vol. 4, iss. 2, pp. 41–62. (in Russ.)
- Vadetskaya E. B., Leontev N. V., Maksimenkov G. A.** Pamyatniki okunevskoi kul'tury [Sites of Okunevo culture]. Leningrad, Nauka, 1980, 148 p. (in Russ.)
- Wilde S., Timpson A., Kirsanow K., Kaiser E., Kayser M., Unterländer M., Hollfelder N., Postekhin I. D., Schier W., Thomas M. G., Burger J.** Direct evidence for positive selection of skin, hair, and eye pigmentation in Europeans during the last 5,000 y. *Proc. Natl. Acad. Sci.*, 2014, vol. 111, no. 13, pp. 4832–4837.
- Zegura S. L., Karafet T. M., Zhivotovsky L. A., Hammer M. F.** High-resolution SNPs and microsatellite haplotypes point to a single, recent entry of Native American Y chromosomes into the Americas. *Mol. Biol. Evol.*, 2004, vol. 21 (1), pp. 164–175. DOI 10.1093/molbev/msh009

Информация об авторах

Ирина Викторовна Пилипенко, младший научный сотрудник
Мария Сергеевна Пристяжнюк, старший лаборант
Ростислав Олегович Трапезов, кандидат биологических наук
Степан Викторович Черданцев, младший научный сотрудник
Вячеслав Иванович Молодин, академик РАН, доктор исторических наук, профессор
Александр Сергеевич Пилипенко, кандидат биологических наук

Information about the Authors

Irina V. Pilipenko, Junior Researcher

Maria S. Pristyazhnyuk, Senior Researcher

Rostislav O. Trapezov, Candidate of Sciences (Biology)

Stepan V. Cherdantsev, Junior Researcher

Vyacheslav I. Molodin, Academician of RAS, Doctor of Sciences (History), Professor

Alexander S. Pilipenko, Candidate of Sciences (Biology)

*Статья поступила в редакцию 15.05.2022;
одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 15.06.2022
The article was submitted 15.05.2022;
approved after reviewing 15.06.2022; accepted for publication 15.06.2022*

Научная статья

УДК 903.02

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-72-84

Технологические особенности керамики носителей барсовской культуры эпохи поздней бронзы (по материалам поселений Барсовой Горы)

Дмитрий Вадимович Селин¹
Юрий Петрович Чемякин²

¹ Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

² Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия

¹ selin@epage.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6939-2917>

² yury-che@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1386-2510>

Аннотация

Представлены результаты технико-технологического анализа поселенческой керамики барсовской культуры с селищ Барсова Гора I/50 (20 сосудов), Барсова Гора I/43 (8 сосудов), Барсова Гора III/4 (10 сосудов), Барцевка IV (15 сосудов). Целью является реконструкция содержания ступеней гончарного производства у носителей барсовской культуры. Техничко-технологический анализ проводился по методике, предложенной А. А. Бобринским. На всех памятниках гончарами отбирался один вид исходного пластичного сырья – ожелезненные природные глины. Установлено, что гончары на разных поселениях отбирали сырье из разных глинищ. На трех поселениях доминирующим рецептом является Глина + Шамот, на селище Барцевка IV – Глина + Шамот + Органический раствор. Гончары на всех поселениях обладали близкими навыками конструирования начина и полого тела, а также обжига. Это позволяет предположить общность традиций населения, оставившего эти памятники. Различия в традициях составления формовочной массы на разных поселениях могут быть связаны с хронологической разницей между селищами и с взаимодействием носителей барсовской культуры с другими культурными группами в эпоху поздней бронзы.

Ключевые слова

Сургутское Приобье, Барсова Гора, поздний бронзовый век, барсовская культура, керамика, технико-технологический анализ

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых – кандидатов наук МК-140.2022.2

Для цитирования

Селин Д. В., Чемякин Ю. П. Технологические особенности керамики носителей барсовской культуры эпохи поздней бронзы (по материалам поселений Барсовой Горы) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 7: Археология и этнография. С. 72–84. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-72-84

© Селин Д. В., Чемякин Ю. П., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 7: Археология и этнография. С. 72–84

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 72–84

Technological Features of the Ceramics of the Barsovo Culture in the Late Bronze Age (By the Materials from the Archaeological Sites of the Barsova Gora)

Dmitrii V. Selin¹, Yury P. Chemyakin²

¹ Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

² Ural State Pedagogical University
Ekaterinburg, Russian Federation

¹ selin@epage.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6939-2917>

² yury-che@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1386-2510>

Abstract

Purpose. Barsova Gora is a unique archaeological and landscape site located in the Tyumen Region (West Siberia) of the Russian Federation. The source base for the study consists of the ceramics vessels of the Barsovo culture from the following archaeological sites: Barsova Gora I/50 (20 vessels), Barsova Gora I/43 (8 vessels), Barsova Gora III/4 (10 vessels), and Bartsevka IV (15 vessels). The aim of the study is to reconstruct the pottery production stages of the Barsovo culture by the Barsova Gora archaeological sites.

Results. It has been established that ferruginized natural clays were used for the vessels production at all the analyzed archaeological settlements. It was revealed that at the archaeological sites of Barsova Gora I/50, Barsova Gora I/43, and Bartsevka IV several clay pots were used by potters. On the archaeological sites of Barsova Gora I/50, Barsova Gora I/43, and Barsova Gora III/4 the main recipe for clay paste is clay + chamotte. In the Bartsevka IV archaeological settlement the dominant recipe for clay paste is clay + chamotte + organic solution. The use of various organic solutions was recorded at this site. At all the archaeological sites, the construction of the vessels beginning was carried out according to the bottom-capacitive program; the design of the vessels body was carried out using patchwork molding on the form-base. Mainly mechanical smoothing with various tools processed the vessels surfaces at the archaeological sites of Barsova Gora I/50, Barsova Gora I/43, and Bartsevka IV. At the Barsova Gora III/4 site, burnishing of vessels surfaces was used more frequently than at other analyzed sites. At all the archaeological sites, the vessels could be fired in two modes: in a reducing and reducing-oxidizing environment.

Conclusion. The similarity in the skills of making vessels, processing the vessels surfaces, and firing modes makes it possible to assume a commonality of traditions of the population that left the sites in question. Pottery traditions are especially close to each other at the Barsova Gora I/50, Barsova Gora I/43, and Barsova Gora III/4 sites. The pottery of the Bartsevka IV site stands out. Various organic solutions were often added to it. This picture may reflect the existence on Barsova Gora of two close groups of the Barsovo culture, differing in individual pottery skills, or a chronological difference between the sites.

Keywords

Surgut Ob region, Barsova Gora, Late Bronze Age, Barsovo culture, ceramics, technical and technological analysis

Acknowledgements

The study was supported by the grant of the President of the Russian Federation for young scientists-candidates of sciences MK-140.2022.2

For citation

Selin D. V., Chemyakin Yu. P. Technological Features of the Ceramics of the Barsovo Culture in the Late Bronze Age (By the Materials from the Archaeological Sites of the Barsova Gora). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 72–84. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-72-84

Введение

Барсова Гора – уникальный археолого-ландшафтный объект, расположенный на высоком правом берегу Оби между речками Барцевка и Калинка (Калинина) вблизи Сургута в Ханты-Мансийском автономном округе Тюменской области. На площади в 6 кв. км к настоящему моменту обнаружено более 400 памятников от эпохи неолита до Нового времени [Чемякин, Зыков, 2004]. Огромный объем обнаруженных материалов, в частности керамики, позволяет проследить особенности гончарной технологии на разновременных объектах в пределах одного замкнутого ландшафта.

Барсовская археологическая культура (АК) датируется эпохой поздней бронзы (XII–VIII вв. до н. э.). На этой территории ей предшествуют памятники кульёганского типа, связанные с ней генетически. На Барсовой Горе и прилегающих к ней территориях известно около 35 селищ и местонахождений, где раскопано минимум 20 построек. Разведками выявлены памятники на левом берегу Оби, в бассейне р. Аган. Самой массовой категорией находок является керамика, встречаются различные каменные, в том числе кремневые, орудия, тигли. Бронзовые предметы, как и мелкая глиняная пластика, единичны.

Источниковой базой исследования послужили керамические коллекции селищ Барсова Гора I/50 (далее – БГ; 20 сосудов; рис. 1, 1–8, 12), БГ I/43 (8 сосудов; рис. 1, 9–11), БГ III/4 (10 сосудов, рис. 2, 1–5), Барцевка IV (15 сосудов, рис. 2, 6–12).

Селище БГ I/50 находилось на ровном участке в 0,77 км от края берега протоки Утопляя и в 0,4 км от правого берега р. Барцевка, на высоте 12 м. Селище состояло из одной подпрямоугольной площадки с обваловкой, окруженной внешними ямами. Памятник открыт и раскопан в 1979 г. Ю. П. Чемякиным. Площадь раскопа составила 442,3 кв. м. Были исследованы остатки наземного подквадратного жилища размерами 15 × 15 м с очагом в центре [Чемякин, Зыков, 2004, с. 78].

Селище БГ I/43 находилось в 0,12–0,15 км от края берега протоки Утопляя, на высоте 11,5 м. Открыто в 1974 г. В. Ф. Кернер и описано ею как селище БГ I/3, состоявшее из 13 приподнятых площадок, расположенных двумя группами. Более поздние исследования и раскопки показали, что это два самостоятельных памятника. Северо-восточная группа, состоявшая из 7 площадок с легким углублением в центре и внешними ямами, получила название БГ I/43. В 1978 и 1980 гг. селище было практически полностью раскопано под руководством Ю. П. Чемякина. Вскрытая площадь составила 1 266 кв. м. Кроме остатков 7 наземных построек калинкинской АК раннего железного века на памятнике обнаружены материалы барсовской АК эпохи бронзы [Там же, с. 75].

Селище БГ III/4 находилось на ровном участке 3-й надпойменной террасы, в 0,4 км к северо-востоку от берега протоки Утопляя на высоте 30 м от уровня воды. Первый план его был снят в 1971 г. Н. А. Алексашенко и В. М. Морозовым. Условно в него были включены 9 площадок, в том числе с обваловкой, занимавшие площадь 3 200–4 000 кв. м. В 1972–1973 г. Л. Л. Косинской, Н. В. Федоровой и М. В. Елькиной памятник был полностью раскопан (площадь раскопов 1 089 кв. м), исследованы 6 построек барсовской АК и три – кулайской. Однако к ним примыкали селища БГ III/36, III/37 и III/61, где также раскопаны кулайские постройки и разрушенные объекты барсовской АК. Таким образом, граница между памятниками условна и не отражает планировку существовавших в древности поселков [Там же, с. 104].

Селище Барцевка IV состояло из 3–4 наземных площадок с обваловками и внешними ямами по периметру, находившихся на правом берегу одноименной речки, в 0,37 км к северу от ее устья. Высота берега 8 м. Площадь селища около 1 500 кв. м. Открыто в 1983 г. Г. В. Бельтиковой, заложившей раскоп, который накрыл три объекта. Исследование в 1984 г. завершил С. Ф. Кокшаров. Вскрытая площадь составила 655 кв. м [Там же, с. 148].

Целью исследования является реконструкция содержания ступеней гончарного производства у носителей барсовской культуры с поселенческих памятников Барсовой Горы.

Для всей керамики выполнен технико-технологический анализ по методике, предложенной А. А. Бобринским, в соответствии с естественной структурой гончарного производства [Бобринский, 1978; 1999]. Определения проводились при помощи бинокулярной микроскопии (микроскоп Leica M51) поверхностей и изломов изделий с последующим сравнением с экспериментальной коллекцией технологических следов. Выделяя технологическую информацию, авторы также опирались на специализированную научную литературу и «Каталог эталонов по керамической трасологии» (см., например: [Бобринский, 1978; 1999, Цетлин, 2012; 2017; Васильева, Салугина, 2020] и др.).

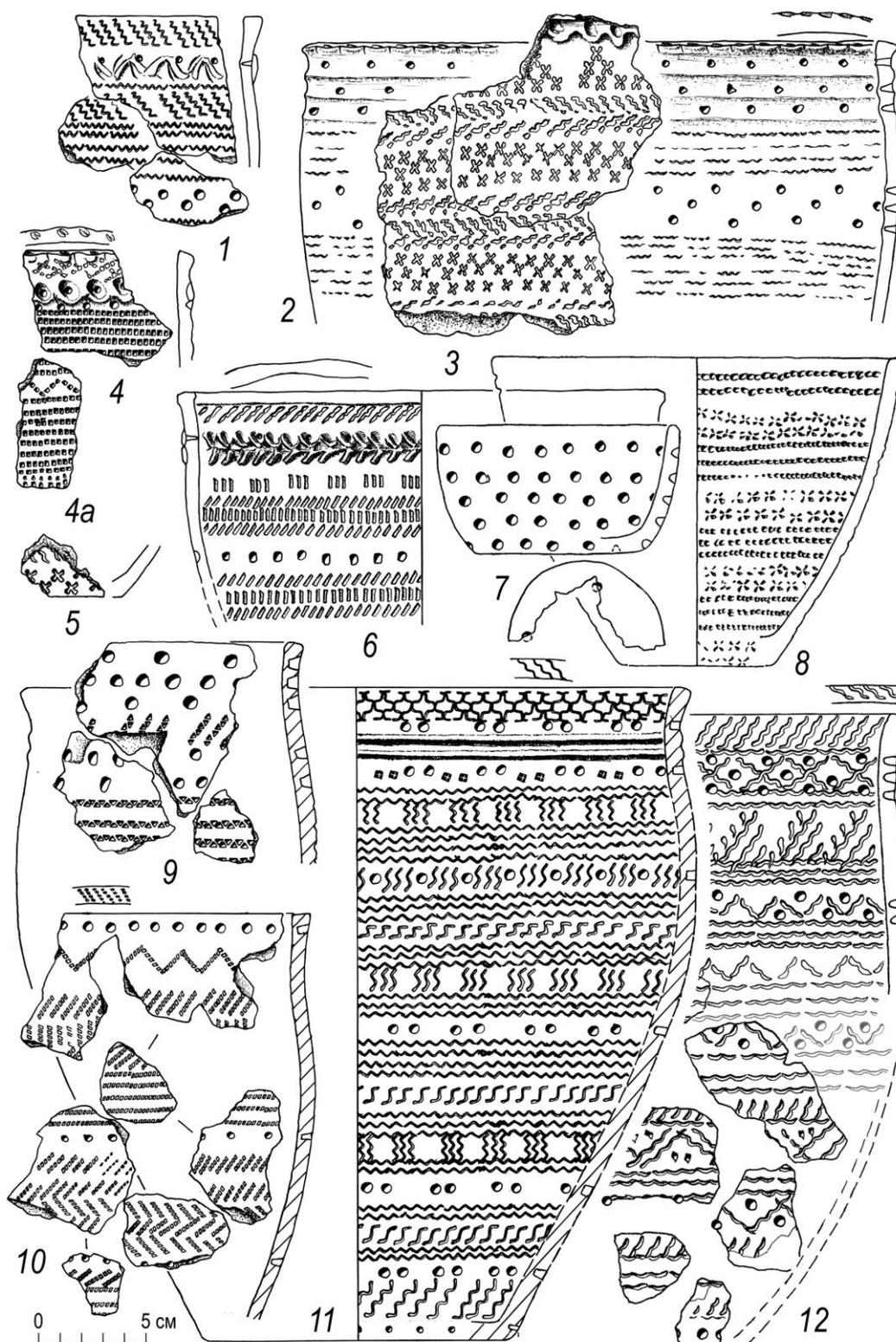

Рис. 1. Керамика барсовской культуры с селищ Барсова Гора I/50, I/43:
1–8, 12 – селище Барсова Гора I/50; 9–11 – селище Барсова Гора I/43

Fig. 1. Ceramics of the Barsovo culture from the Barsova Gora I/50, I/43 settlements:
1–8, 12 – Barsova Gora I/50 settlement; 9–11 – Barsova Gora I/43 settlement

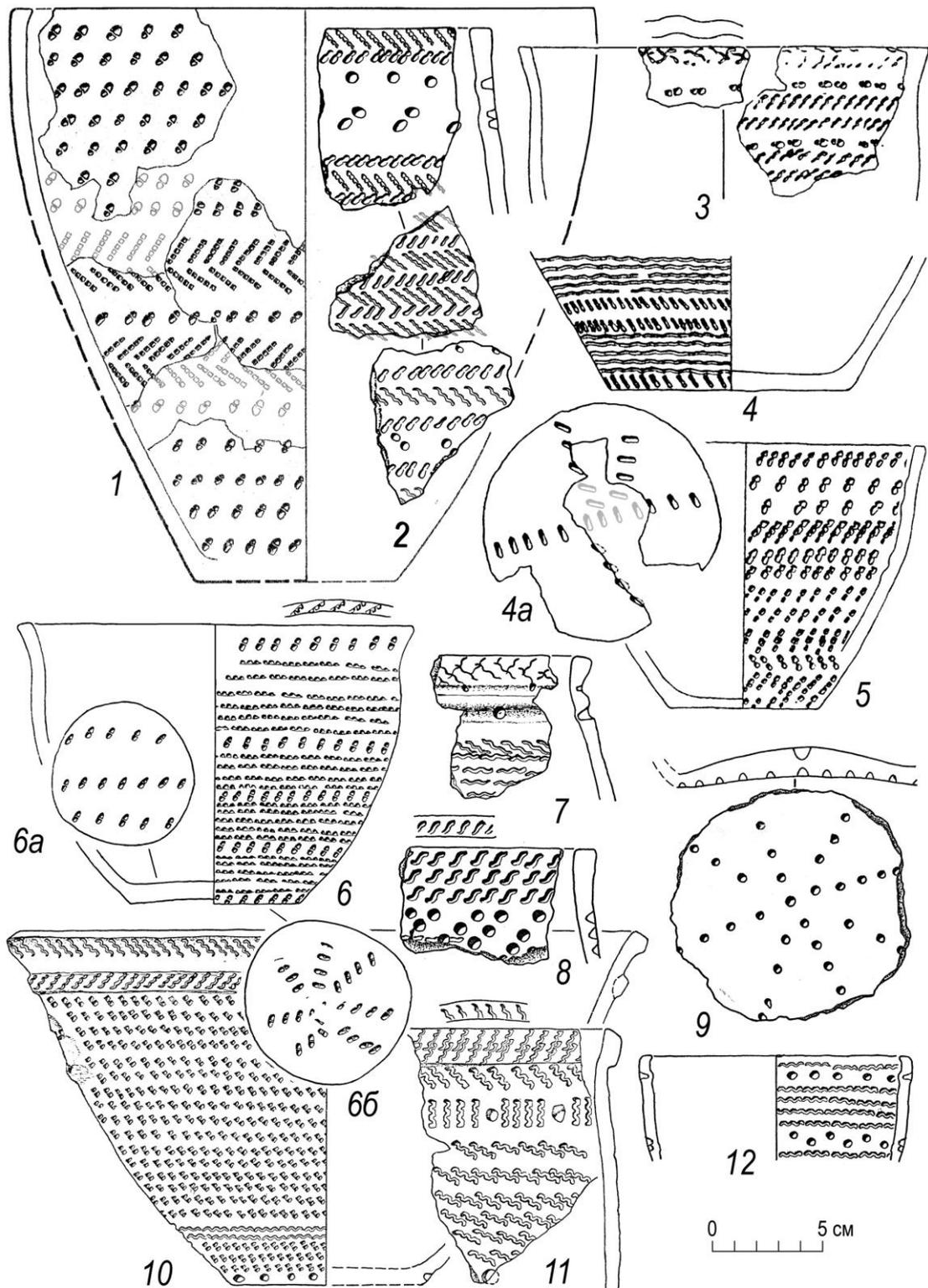

Рис. 2. Керамика барсовской культуры с селищ Барсова Гора III/4, Барцевка IV:

1–5 – селище Барсова Гора III/4; 6–12 – селище Барцевка IV

Fig. 2. Ceramics of Barsovo culture from Barsova Gora III/4 and Bartsevka IV settlements:

1–8, 12 – Barsova Gora III/4 settlement; 9–11 – Bartsevka IV settlement

Результаты исследования керамики

Отбор исходного пластичного сырья. На всех памятниках исходным сырьем служили природные ожелезненные глины (рис. 3; 4). На селище БГ I/50 выделяются три подвида глины:

- глина 1 (14 изд.) – слабозапесоченное сырье с естественной примесью мелкого и среднего окатанного прозрачного и глухого песка (до 2 включений на 1 кв. см). В двух сосудах выявлены включения мелкого окатанного бурого железняка;
- глина 2 (3 изд.) – среднезапесоченное сырье с естественной примесью мелкого окатанного прозрачного и глухого песка (до 13 включений на 1 кв. см). В двух сосудах обнаружены включения разноразмерного окатанного бурого железняка;
- глина 3 (3 изд.) – слабозапесоченное сырье с естественной примесью мелкого окатанного прозрачного и глухого песка (до 2 включений на 1 кв. см). Зафиксированы мелкие единичные обрывки растительности и единичные включения фрагментов раковин моллюсков.

Во все подвиды глины вводили весь ассортимент минеральных и органических искусственных добавок.

На селище БГ I/43 также можно определить три подвида исходного пластичного сырья, схожих с подвидами глин, использовавшихся гончарами селища БГ I/50:

- глина 1 (6 изд.) – слабозапесоченное сырье с естественной примесью мелкого и среднего окатанного прозрачного и глухого песка (до 2 включений на 1 кв. см). Обнаружены включения мелкого (1 изд.) и разноразмерного (5 изд.; рис. 3, 2) окатанного (5 изд.) и угловатого (1 изд.) бурого железняка;
- глина 2 (1 изд.) – среднезапесоченное сырье с естественной примесью мелкого окатанного прозрачного и глухого песка (до 7 включений на 1 кв. см) с фракциями разноразмерного окатанного бурого железняка;
- глина 3 (1 изд.) – слабозапесоченное сырье с естественной примесью мелкого окатанного прозрачного и глухого песка (до 3 включений на 1 кв. см) и единичными включениями фрагментов раковин моллюсков.

Во все подвиды глины добавляли шамот. Органический раствор вводился только с глиной подвида 1.

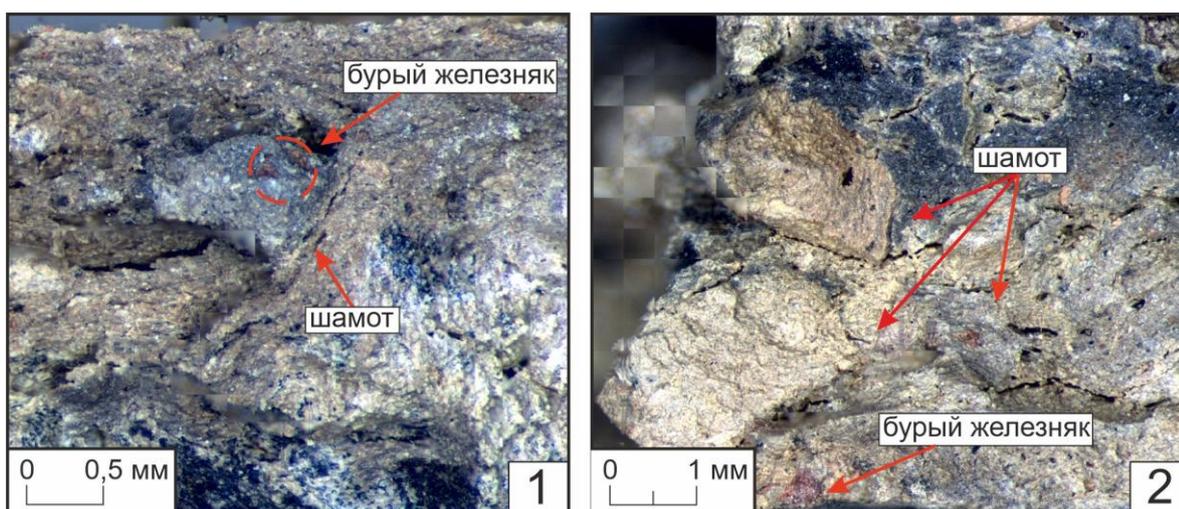

Рис. 3. Микрофотографии изломов керамики барсовской культуры с селища Барсова Гора I/43:
1 – бурый железняк в шамоте; 2 – шамот и бурый железняк

Fig. 3. Microphoto of ceramic fractures of the vessels from the Barsova Gora I/43 site (Barsovo culture):
1 – brown iron ore in chamotte; 2 – brown iron ore and chamotte

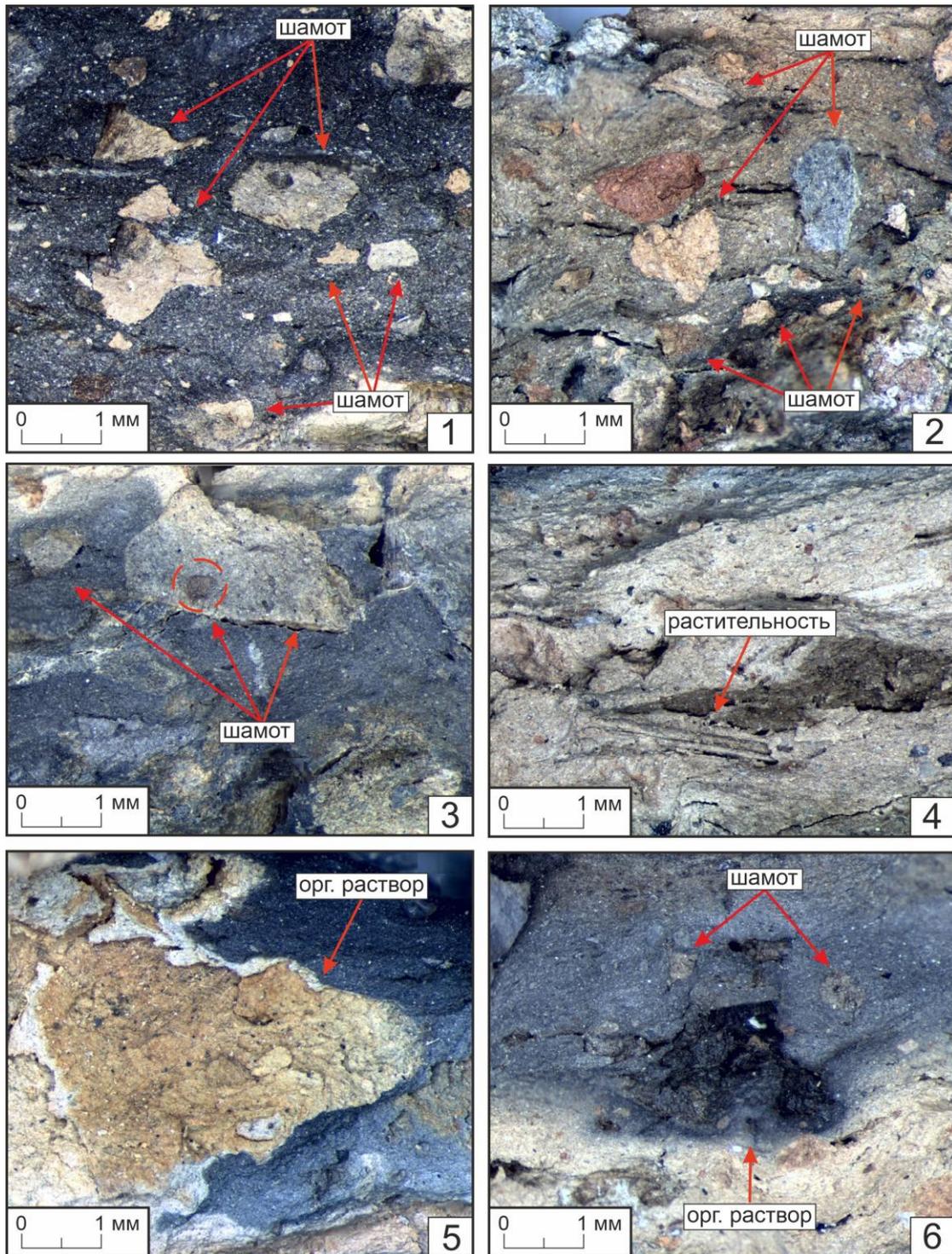

Рис. 4. Микрофотографии изломов керамики барсовской культуры с селищ Барсова Гора III/4 и Барцевка IV: 1 – Барсова Гора III/4, некалиброванный шамот; 2 – Барцевка IV, некалиброванный шамот; 3 – Барцевка IV, некалиброванный шамот, шамот в шамоте; 4 – Барцевка IV, естественное включение стебля растения; 5, 6 – Барцевка IV, органический раствор

Fig. 4. Microphoto of ceramic fractures of the vessels from the Barsova Gora III/4 and Bartsevka IV archaeological sites (Barsovo culture): 1 – Barsova Gora III/4 site, uncalibrated chamotte; 2 – Bartsevka IV site, uncalibrated chamotte; 3 – Bartsevka IV site, uncalibrated chamotte, chamotte in chamotte; 4 – Bartsevka IV site, plagi; 5, 6 – Bartsevka IV site, organic solution

Для производства посуды на селище БГ III/4 гончары использовали сырье, схожее по своим характеристикам с подвидом глины 1 памятников БГ I/50, I/43. Концентрация мелкого окатанного песка не превышает 3 включений на 1 кв. см. Во всех сосудах выявлены фракции окатанного мелкого и среднего бурого железняка.

На памятнике Барцевка IV установлены четыре подвида глины, использованных при производстве посуды:

- глина 1 (9 изд.) – слабозапесоченное сырье с естественной примесью мелкого окатанного прозрачного и глухого песка (до 3 включений на 1 кв. см). В семи сосудах выявлены включения только мелкого (4 изд.) и разноразмерного (3 изд.) окатанного бурого железняка;
- глина 2 (3 изд.) – высокозапесоченное сырье с естественной примесью пылевидного и мелкого окатанного прозрачного и глухого песка в концентрации 1 : 4–5;
- глина 3 (2 изд.) – слабозапесоченное сырье с естественной примесью мелкого окатанного прозрачного и глухого песка (до 2 включений на 1 кв. см) и единичными включениями фрагментов раковин моллюсков;
- глина 4 (1 изд.) – среднезапесоченное сырье с естественной примесью мелкого окатанного прозрачного и глухого песка (до 11 включений на 1 кв. см) и единичными включениями обрывков стеблей растительности размером до 2 мм (рис. 4, 4).

Во все выделенные подвиды глины добавляли шамот и органический раствор.

Таким образом, на разных поселениях барсовской культуры гончарами отбирался один вид исходного пластичного сырья – природные ожелезненные глины. При этом на памятниках БГ I/50, I/43 и Барцевка IV гончарами использовалось несколько глиниц, различающихся по степени запесоченности и составу естественных примесей.

Составление формовочных масс. На всех проанализированных памятниках выявлены одно- и двухкомпонентные рецепты (табл. 1; рис. 3; 4). Концентрация шамота на разных поселениях представлена в табл. 2 и на рис. 5.

Шамот обнаружен во всей проанализированной керамике барсовской АК (рис. 3; 4, 1, 2, 3). Фракции шамота не калибровались при введении в формовочную массу. Самой распространенной пропорцией введения этой примеси в исходное сырье является 1 : 4–5 (см. рис. 5). Она зафиксирована на всех поселениях (см. табл. 2). На БГ I/50 в одном сосуде обнаружен шамот в шамоте, на БГ I/43 – в двух, на Барцевке IV – в четырех (рис. 4, 3). На БГ I/43 выявлен мелкий бурый железняк в шамоте (рис. 3, 1).

Таблица 1

Соотношение рецептов формовочных масс
керамики разных памятников барсовской культуры

Table 1

The ratio of recipes for clay paste
of ceramics from different sites of the Barsovo culture

Рецепт ФМ	Барсова Гора			Барцевка IV
	I/50	I/43	III/4	
Г + Ш	16	7	8	3
Г + Ш + ОР	4	1	2	12
Всего изделий	20	8	10	15

Примечание: Г – глина; Ш – шамот; ОР – органический раствор.

Искусственная примесь органики на поселениях БГ I/50, I/43, III/4 представлена органическим раствором в виде аморфных разноразмерных пустот с черным глянцевым веществом внутри. На селище Барцевка IV зафиксировано использование как минимум четырех разных

органических растворов, различимых в свежем изломе (рис. 4, 5, 6). Первая подгруппа (7 изд.; рис. 4, 6) схожа с растворами с селищ БГ I/50, I/43, III/4. Вторая подгруппа (1 изд.; рис. 4, 5) обнаружена в изломе в виде крупных аморфных пустот с желтым налетом. Для третьей подгруппы (1 изд.) характерно наличие крупных аморфных пустот со светлым налетом. Четвертая подгруппа (2 изд.) оставила следы в виде очень мелких (диаметром до 0,5 мм) округлых вытянутых пустот с черным веществом внутри.

Таблица 2

Соотношение концентрации шамота
в керамике разных памятников барсовской культуры

Table 2

The ratio of the concentration of chamotte
in ceramics of different sites of the Barsovo culture

Концентрация	Барсова Гора			Барцевка IV
	I/50	I/43	III/4	
1 : 2–3	–	–	–	1
1 : 3	–	–	1	1
1 : 3–4	–	1	1	–
1 : 4	9	1	3	3
1 : 4–5	2	4	3	4
1 : 5	7	2	1	5
1 : 6	1	–	1	–
1 : 7	–	–	–	1
1 : 8	1	–	–	–
Всего изделий	20	8	10	15

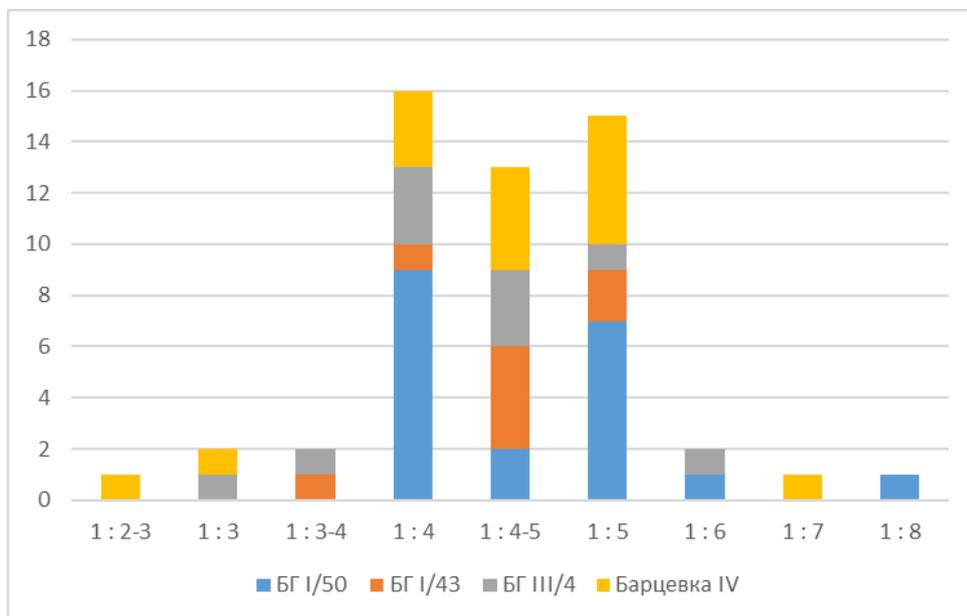

Рис. 5. Соотношение концентрации шамота
в керамике разных памятников барсовской культуры

Fig. 5. The ratio of chamotte concentration
in ceramics of different sites of the Barsovo culture

Таблица 3

Соотношение инструментов обработки внешней и внутренней поверхностей сосудов
на разных памятниках барсовской культуры

Table 3

Ratio of tools for processing the outer and inner surfaces of vessels
at different sites of the Barsovo culture

№ п/п	Поверхность		Барсова Гора				Барцев- ка IV
	внешняя	внутренняя	I/50	I/43	III/4	IV	
1	Заглажена мягким материалом	Заглажена мягким материалом	11	-	2	-	
2	Заглажена мягким материалом	Отпечатки формы-основы	2	-	-	-	
3	Заглажена мягким материалом	Заглажена мягким материалом и пальцами	3	-	-	-	
4	Заглажена мягким материалом	Заглажена твердым орудием	1	-	-	-	
5	Заглажена мягким материалом и залощена	Заглажена твердым орудием	1	-	-	-	
6	Заглажена мягким материалом и залощена	Заглажена мягким материалом и залощена	2	-	-	-	
7	Заглажена твердым орудием	Заглажена твердым орудием	-	2	-	-	
8	Заглажена травой	Заглажена травой	-	2	-	-	
9	Заглажена зубчатым орудием	Заглажена зубчатым орудием	-	1	-	-	
10	Заглажена твердым орудием	Отпечатки формы-основы	-	1	-	-	
11	Залощена	Залощена	-	1	-	-	
12	Залощена	Заглажена пальцами	-	1	-	-	
13	Заглажена мягким материалом и пальцами	Заглажена мягким материалом и пальцами	-	-	1	-	
14	Заглажена твердым орудием и залощена	Заглажена мягким материалом и пальцами	-	-	1	-	
15	Заглажена твердым орудием и залощена	Заглажена мягким материалом	-	-	2	-	
16	Заглажена твердым орудием и залощена	Заглажена твердым орудием и залощена	-	-	3	1	
17	Заглажена твердым гладким орудием и залощена	Заглажена пальцами	-	-	1	-	
18	Заглажена твердым гладким орудием и залощена	Заглажена твердым гладким орудием	-	-	-	3	
19	Заглажена твердым гладким орудием	Заглажена твердым гладким орудием	-	-	-	11	
Всего изделий			20	8	10	15	

Конструирование начина и полого тела. Определение способов конструирования начина и полого тела осуществлялось по днищам, венчикам и стенкам посуды. На БГ I/50, I/43, III/4 начини изготавливались по донно-ёмкостной программе, полое тело наращивалось при помощи лоскутов. На БГ I/50 и I/43 зафиксированы отпечатки формы-основы в виде очень мелких ребристых складок на внутренней поверхности. На селище Барцевка IV днища сосудов сильно фрагментированы, что не позволило однозначно определить программу конструирования. Полое тело также наращивалось при помощи лоскутов. На одном сосуде зафиксировано дополнительное оформление венчика снаружи небольшим жгутиком диаметром до 1 см.

Обработка поверхностей сосудов. Поверхности сосудов обрабатывались механическим заглаживанием и лощением, выполнявшимися различными инструментами в разнообразных сочетаниях (табл. 3).

На Бг I/50 внешняя сторона всех сосудов заглаживалась мягким материалом. На двух сосудах совместно с заглаживанием зафиксированы следы лощения. Внутренняя поверхность также заглажена преимущественно мягким материалом (16 изд.); 2 изделия обработаны изнутри твердым орудием. На трех изделиях использовалась комбинация мягкого материала орудия и пальцев. На двух сосудах обнаружены отпечатки формы-основы. Выявлено шесть вариантов комбинирования разных инструментов при обработке внешней и внутренней поверхности (табл. 3)

На БГ I/43 внешняя поверхность обрабатывалась твердым гладким орудием (3 изд.), травой (2 изд.), зубчатым орудием (1 изд.) или ложились (2 изд.). Внутренняя поверхность заглажена твердым гладким орудием (2 изд.), травой (2 изд.), зубчатым орудием (1 изд.), пальцами (1 изд.) или ложились (1 изд.). На одном сосуде обнаружены отпечатки формы-основы в виде мелких ребристых складок. Выделено семь вариантов комбинирования (см. табл. 3).

На БГ III/4 внешняя поверхность обработана мягким материалом (3 изд.) или твердым орудием (7 изд.). Вместе с заглаживанием на семи изделиях зафиксированы следы лощения. На одном сосуде отмечено заглаживание мягким материалом и пальцами. Внутренняя поверхность обработана мягким материалом (6 изд.), пальцами (1 изд.) или твердым орудием (3 изд.). На двух сосудах выявлено заглаживание мягким материалом и пальцами. На трех сосудах зафиксировано использование заглаживания и лощения. Установлено пять вариантов комбинирования (см. табл. 3).

На поселении Барцевка IV внешняя поверхность обработана заглаживанием твердым орудием (11 изд.) и твердым орудием вместе с лощением (4 изд.). Внутренняя поверхность обработана заглаживанием твердым орудием (3 изд.) или мягким материалом (1 изд.). На трех сосудах зафиксировано использование заглаживания твердым орудием и лощения. Определено три варианта комбинирования (см. табл. 3).

Придание изделиям прочности и влагонепроницаемости. Изделия со всех памятников обжигались при температуре выше температуры каления глины (от 550–650 до 900–1100°), что подтверждается отсутствием остаточной пластичности, характерной для низкотемпературного обжига, и следов спекания глины до стекловидного состояния, типичных для температуры выше 900–1200°. На БГ I/50 изломы одноцветные коричневые (10 изд.). На БГ I/43 – одноцветные коричневые (2 изд.), двухцветные (светло-коричневый край и серая внутренняя сторона, 6 изд.). На БГ III/4 – одноцветные (светло-коричневый – 3 изд.; темно-серый – 2 изд.) и двухцветные (светло-коричневый край и серая внутренняя сторона, 3 изд.; светло-коричневые края и темно-серый центр, 2 изд.). На поселении Барцевка IV – одноцветные (светло-коричневый – 5 изд.; черный – 1 изд., серый – 2 изд.); двухцветные со светло-коричневым краем и серой внутренней стороной (4 изд.), со светло-коричневыми краями и темно-серым центром (2 изд.); трехцветные – со светло-коричневым внешним краем, темно-серым центром и светло-серым внутренним краем (1 изд.). Обжиг изделий на всех памятниках мог проходить в двух режимах: в восстановительной и восстановительно-окислительной среде.

Заключение

По результатам технико-технологического анализа определено, что гончарами барсовской АК отбирался один вид исходного пластичного сырья – ожелезненные природные глины, различающиеся по степени запесоченности и наличию включений раковин и обрывков растительности. На селищах БГ I/50, I/43 и Барцевка IV гончарами для производства посуды использовалось несколько глинищ. На селищах БГ I/50, I/43, III/4 основным рецептом формовочной массы является Глина + Шамот. На поселении Барцевка IV доминирующим рецептом формовочной массы является Глина + Шамот + Органический раствор. Зафиксировано применение разных органических растворов. Конструирование начина на селищах БГ I/50, I/43 выполнено по донно-ёмкостной программе. Конструирование полого тела сосудов на всех памятниках проводилось при помощи лоскутного налепа. Поверхности сосудов на селищах БГ I/50, I/43, Барцевка IV обрабатывались, преимущественно, при помощи механического заглаживания мягким материалом, твердым орудием, травой, зубчатым орудием. На селище БГ III/4 лощение поверхностей сосудов зафиксировано чаще, чем на других памятниках. Посуда на всех поселениях могла обжигаться в двух режимах: в восстановительной и восстановительно-окислительной среде.

Сходство в навыках конструирования начина и полого тела, обработки поверхностей и режимах обжига позволяет предположить общность традиций населения, оставившего анализируемые памятники. Особенно близки между собой гончарные традиции на селищах БГ I/50, I/43, III/4. Для них характерно использование однокомпонентного рецепта формовочной массы с шамотом. Следует отметить, что добавка шамота в керамику на памятниках Барсовской Горы получает распространение еще в эпоху неолита [Дубовцева, 2021]. Выделяется поселение Барцевка IV, где основным рецептом формовочной массы является двухкомпонентный с добавками шамота и различных органических растворов. Это может отражать существование на Барсовской Горе двух близких групп «барсовцев», различающихся в отдельных приспособительных гончарных навыках, или может являться следствием наличия хронологической разницы между анализируемыми памятниками, когда носители барсовской культуры в результате контактов с другими культурными группами заимствуют навыки введения различных органических растворов в формовочную массу.

Продолжение комплексного технико-технологического анализа керамики эпохи палеометалла Сургутского Приобья позволит определить особенности происхождения и развития гончарных традиций, даст возможность выявить локальные традиции в гончарстве и позволит реконструировать историко-культурные процессы, происходившие на этой территории в древности.

Список литературы

- Бобринский А. А.** Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А. А.** Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
- Васильева И. Н., Салугина Н. П.** Электронный каталог эталонов по керамической трасологии. Самара, 2020. URL: <http://archsamara.ru/katalog> (дата обращения 01.01.2022).
- Дубовцева Е. Н.** Традиции керамического производства в неолите севера Западной Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2021. 24 с.
- Цетлин Ю. Б.** Древняя керамика: теория и методы историко-культурного подхода. М.: Изд-во ИА РАН, 2012. 379 с.
- Цетлин Ю. Б.** Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: Изд-во ИА РАН, 2017. 346 с.
- Чемякин Ю. П., Зыков А. П.** Барсова Гора: археологическая карта. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2004. 208 с.

References

- Bobrinsky A. A.** Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniya [Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study]. Moscow, Nauka, 1978, 272 p. (in Russ.)
- Bobrinsky A. A.** Goncharnaya tekhnologiya kak ob"ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya [Pottery technology as an object of historical and cultural study]. In: Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva [Actual problems of studying ancient pottery]. Samara, SamSPU Press, 1999, pp. 5–109. (in Russ.)
- Chemyakin Yu. P., Zikov A. P.** Barsova Gora: arkheologicheskaya karta [Barsova Gora: an archaeological map]. Surgut, Omsk, Omskiy dom pechati Publ., 2004, 208 p. (in Russ.)
- Dubovtseva E. N.** Traditions of ceramic production in the Neolithic of the north of Western Siberia. Abstract of Cand. Hist. Sci. Diss. Ekaterinburg, 2021, 24 p. (in Russ.)
- Tsetlin Yu. B.** Drevnyaya keramika: teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda [Ancient ceramics: Theory and methods of historical and cultural approach]. Moscow, IA RAS Publ., 2012, 379 p. (in Russ.)
- Tsetlin Yu. B.** Keramika. Ponyatiya i terminy istoriko-kul'turnogo podkhoda [Ceramics. Concepts and terms of the historical and cultural approach]. Moscow, IA RAS Publ., 2017, 346 p. (in Russ.)
- Vasileva I. N., Salugina N. P.** Elektronnyi katalog etalonov po keramicheskoi trasologii [Electronic catalog of etalons for ceramic tracing]. Samara, 2020. (in Russ.) URL: <http://archsamara.ru/katalog> (accessed 01.01.2022).

Информация об авторах

Дмитрий Вадимович Селин, кандидат исторических наук, научный сотрудник

Scopus Author ID 56676168000

WoS Researcher ID M-5333-2019

RSCI Author ID 739271

SPIN 9670-0895

Юрий Петрович Чемякин, кандидат исторических наук, доцент

Scopus Author ID 57189441288

WoS Researcher ID AAQ-6501-2021

RSCI Author ID 770955

SPIN 4369-1600

Information about the Authors

Dmitrii V. Selin, Candidate of Sciences (History), Researcher

Scopus Author ID 56676168000

WoS Researcher ID M-5333-2019

RSCI Author ID 739271

SPIN 9670-0895

Yury P. Chemyakin, Candidate of Sciences (History), Associate Professor

Scopus Author ID 57189441288

WoS Researcher ID AAQ-6501-2021

RSCI Author ID 770955

SPIN 4369-1600

*Статья поступила в редакцию 15.06.2022;
одобрена после рецензирования 30.06.2022; принята к публикации 30.06.2022*

*The article was submitted 15.06.2022;
approved after reviewing 30.06.2022; accepted for publication 30.06.2022*

Научная статья

УДК 902.21

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-85-93

Средневековая каменоломня у Коксинского залива Красноярского водохранилища как свидетельство возможной миграции енисейских кыргызов из-за Саян на Средний Енисей

Сергей Григорьевич Скобелев¹
Екатерина Владимировна Губенко²
Роман Вячеславович Давыдов³
Иван Сергеевич Половников⁴
Роман Леонидович Собинов⁵

¹⁻⁵ Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹ sgskobelev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4056-0670>

² e.gubenko@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1307-6288>

³ puer-viro@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6580-2811>

⁴ polis.sib@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2654-9283>

⁵ r.l.sobinov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7881-2282>

Аннотация

Представлены результаты археологической разведки 2021 г. по западному (левому) берегу Красноярского водохранилища в районе Коксинского залива на территории Богградского района Республики Хакасия. В процессе полевого исследования на горе Большой Тогуртаг был выявлен ранее неизвестный научному сообществу культурно-исторический объект – каменоломня, предположительно, средневекового времени, сопровождавшаяся похожими на кыргызские курганами в виде округлых каменных выкладок среднего размера, получивших в ходе более ранних разведочных работ название «могильник Кокса-24». Каменоломня служила для добычи камня с целью его дальнейшего использования, в том числе при строительстве этих курганов, о чем свидетельствуют небольшое расстояние между ними и каменоломней (около 150 м к юго-востоку), а также схожий тип породы камня в обоих пунктах (имеет магматическое происхождение). Согласно имеющимся данным, ранее о каменоломне на этой территории в научной литературе не упоминались. В связи с этим ее изучение представляется весьма актуальным и целесообразным для формирования полноты картины о возможных миграциях енисейских кыргызов, в частности с территории Усинской долины в Западном Саяне в Минусинскую котловину. Это позволит установить некоторые особенности происхождения средневековых археологических памятников левобережья Среднего Енисея.

Ключевые слова

Красноярское водохранилище, Коксинский залив, каменоломня, курганы «чаатас» и «сууктер», миграции

Благодарности

Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00111) «Мобильность и межкультурные контакты в становлении и развитии социумов Западной Сибири (Древность – Средневековье – Новое время)» (руководитель – академик В. И. Молодин)

Для цитирования

Скобелев С. Г., Губенко Е. В., Давыдов Р. В., Половников И. С., Собинов Р. Л. Средневековая каменоломня у Коксинского залива Красноярского водохранилища как свидетельство возможной миграции енисейских кыргызов из-за Саян на Средний Енисей // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 7: Археология и этнография. С. 85–93. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-85-93

© Скобелев С. Г., Губенко Е. В., Давыдов Р. В., Половников И. С., Собинов Р. Л., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 7: Археология и этнография. С. 85–93
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 85–93

Medieval Quarry Near the Koksa Bay (Krasnoyarsk Reservoir) as the Evidence of Possible Migration of the Yenisei Kyrgyz from the Sayan Mountains to the Middle Yenisei

Sergey G. Skobelev¹, Ekaterina V. Gubenko²
 Roman V. Davydov³, Ivan S. Polovnikov⁴
 Roman L. Sobinov⁵

¹⁻⁵ Novosibirsk State University
 Novosibirsk, Russian Federation

¹ sgskobelev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4056-0670>

² e.gubenko@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1307-6288>

³ puer-viro@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6580-2811>

⁴ polis.sib@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2654-9283>

⁵ r.l.sobinov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7881-2282>

Abstract

Purpose. The results of archaeological survey in 2021 along the western shore of the Krasnoyarsk reservoir in the Koksa Bay area are presented in the process of field research. Previously unknown cultural and historical objects were revealed – a quarry on Mount Bol'shoi Togurtag, presumably of medieval times, and mounds in the form of rounded stone objects at the foot of the mountain 1 250 m from the Koksa bay.

Results. The material extracted from the quarry was used in the construction of these mounds, located at the foot of the mountain. This assumption is evidenced by a similar type of rock in the quarry and on the mounds (they are of magmatic origin). Previously, similar objects for this territory were not mentioned in the scientific literature. Is the technological originality in stone processing techniques evidence of the migration to this territory of any mobile group of the population from the outside, where such technology was traditional? For example, medieval Kyrgyz kurgans in the Usinsk valley of the Western Sayan, where there are many rocks of igneous origin, are similar to them in their appearance and composition of the building material. Therefore, it is logical to assume that here, on the Middle Yenisei, some group of "Usintsy" migrated, which was quite likely as part of the process of returning to their homeland of the Yenisei Kyrgyz after the Great Power era. An exhaustive answer to this question can be given in the future only after an archaeological study of the rounded stone structures located here, similar to medieval "chaatas" and "suukter" mounds, but composed, as indicated, of material of magmatic origin, unusual for this territory, in the form of large and medium-sized blocks of "torn" forms.

Conclusion. The quarry on Bol'shoi Togurtag Mount demonstrates more labor-intensive process of obtaining stone material in comparison even with the extraction of "slabs" from layers of Devonian sandstone for the construction of mounds of the Tagar culture. All of the above and determines the originality of this object among those known in Khakassia. In this regard, their further study seems to be very relevant and expedient for the formation of a complete picture of the origin of medieval archaeological sites on the left bank of the Yenisei.

Keywords

Krasnoyarsk reservoir, Koksa Bay, quarry, "chaatas" and "suukter" mounds, migrations

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Scientific Foundation (project no. 20-18-00111) "Mobility and intercultural contacts in the formation and development of societies in Western Siberia (Antiquity – the Middle Ages – Modern times)" (supervisor – Academician V. I. Molodin)

For citation

Skobelev S. G., Gubenko E. V., Davydov R. V., Polovnikov I. S., Sobinov R. L. Medieval Quarry Near the Koksa Bay (Krasnoyarsk Reservoir) as the Evidence of Possible Migration of the Yenisei Kyrgyz from the Sayan Mountains to the Middle Yenisei. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 85–93. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-85-93

Введение

В ходе предварительной археологической разведки в полевом сезоне 2021 г. в пределах Боградского района Республики Хакасия отрядом Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета был пройден маршрут от пос. Абакано-Перевоз до южных отрогов горы Большой Тогуртаг, расположенной в 1 250 м к западу от Кок-

синского залива Красноярского водохранилища (рис. 1). В советское время вблизи этой территории располагалась овцеводческая товарная ферма и земли использовались под выпас овец. Каких-либо хозяйственных или жилых строений, в том числе с применением каменных деталей, здесь не зафиксировано.

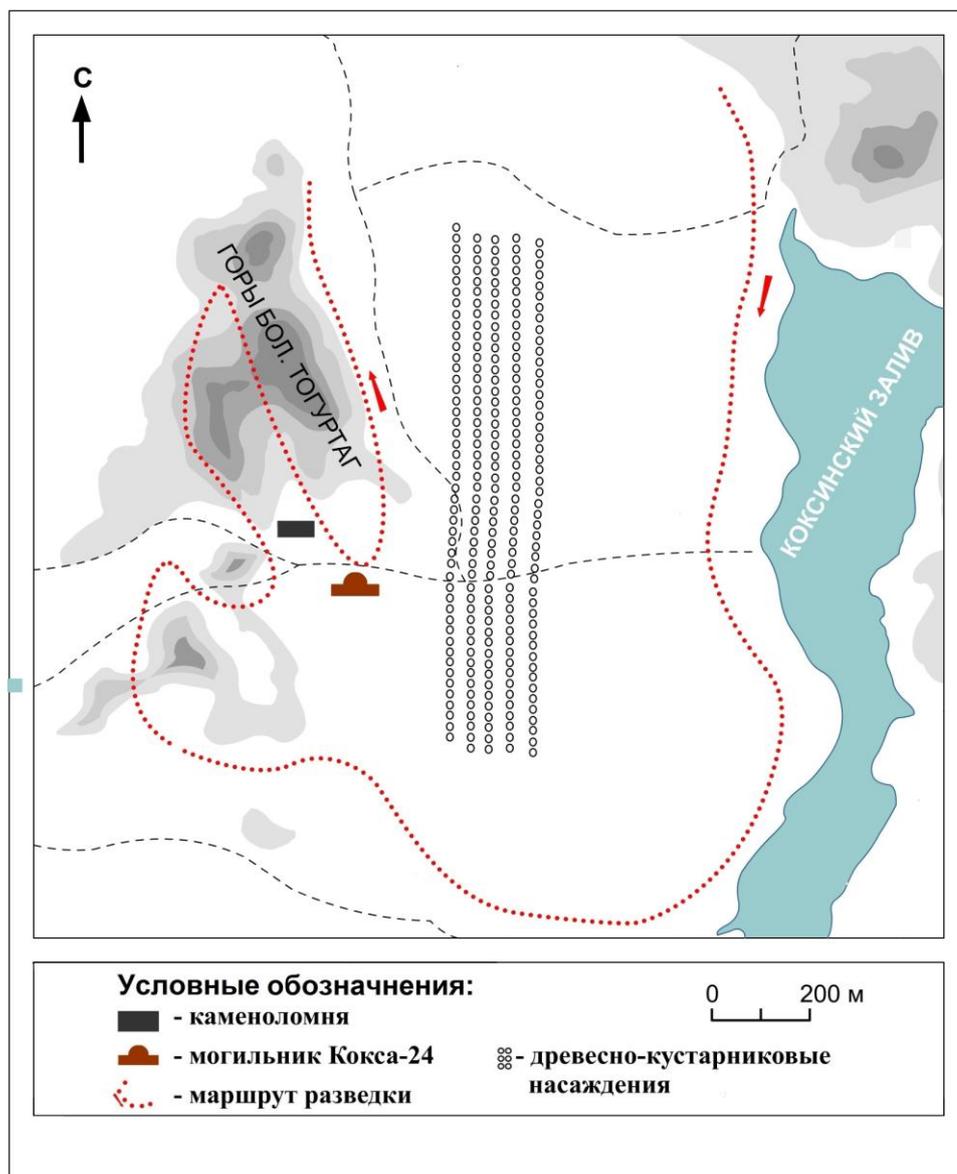

Рис. 1. Карта расположения каменоломни и курганов могильника Кокса-24 на левобережье Коксинского залива Красноярского водохранилища

Fig. 1. The map of the location of the quarry and burial mounds of the Koksa-24 burial ground on the left bank of the Koksa Bay of the Krasnoyarsk reservoir

Целью наших работ был поиск средневековых горных крепостей, обычно имеющих стены, сложенные из обломков плит девонского песчаника, а также иных сопутствующих археологических объектов Средневековья. Расположение их, как правило, приурочено к высоким террасам и возвышенностям со скалистыми грядками, на которых могут присутствовать относительно ровные площадки [Скобелев и др., 2015]. В связи с этим одной из задач поис-

ков было выявление мест, откуда мог доставляться строительный материал для них, что помогло бы установить расположение самих крепостей и иных памятников, включая погребальные. До настоящего времени каких-либо определенных сведений об этом в научной литературе для данной территории не имелось. Это делает наш поиск весьма актуальным и технически возможным.

За прошедшие несколько лет коллективом Лаборатории накоплен определенный опыт разведок памятников Средневековья на территории Красноярского края и Республики Хакасия [Скобелев и др., 2015; 2017]. Отработана методика фиксирования археологических объектов с помощью БПЛА [Давыдов и др., 2020]. Этот опыт был использован и в работах 2021 г.

Результаты исследования

Гора Большой Тогуртаг с ее тремя разновысокими вершинами, небольшими бронирующими склонами и асимметричными каменными грядами высотой 1–2 м от уровня современной дневной поверхности является заметным массивом на фоне преимущественно равнинного характера окружающей местности. В ходе осмотра удлиненного склона ее гребня, протянувшегося от вершины в южном направлении, была обнаружена каменоломня открытого типа, расположенная не на выходе слоев девонского происхождения, как обычно для региона (выходы девонского песчаника имеются и здесь), а на проявлении редкой для Хакасии породы магматического типа. Заготовка такого камня велась в двух точках по гребню на его выходах (рис. 2). С главной вершины горы материал не брался – здесь с ее южной стороны имеются обнажения камня, однако они носят естественный характер. К западу от гребня возвышенности находится еще один гребень, ниже восточного, с выступами камня. Но этот гребень не разрабатывался, как не использовались и выходы камня на северном склоне горы.

Рис. 2 (фото). Каменоломня у вершины северного отрога горы Большой Тогуртаг на Коксинском заливе Красноярского водохранилища:
1 – верхняя часть; 2 – нижняя часть (снято с Ю)

Fig. 2 (photo). Quarry at the top of the northern spur of the Bol'shoi Togurtag mountain on the Koksa Bay of the Krasnoyarsk reservoir:
1 – upper part; 2 – lower part (view from the S)

Выработки представляют собой скопления неутилизованных каменных блоков, преимущественно серого цвета различных форм и размеров. Самые крупные блоки размерами до 2 м (часть из них близка к кубической форме) располагаются в нижней части каменоломни; два из них находятся друг на друге; их поверхность покрыта трещинами (рис. 3). Один крупный блок был расколот на две приблизительно равные части, о чем свидетельствует наличие следов грубой выбивки и сверления в нем в виде лунок – линия раскола прошла точно по их середине (рис. 4). К сожалению, более детально техника расщепления камня не фиксируется.

В 150 м к юго-востоку от южного участка каменоломни находятся расположенные рядом друг с другом три задернованные округлые кольцевые каменные выкладки с западинами в центре (координаты засняты по западному из сооружений, ближайшему к каменоломне – $54^{\circ}11'20''$ с. ш., $91^{\circ}21'16''$ в. д.). Выкладка № 1 имеет диаметр 7,3 м, № 2 – 5,2 м, № 3 – 4 м; расстояние между ними около 2–3 м. Сложены из материала, представленного в каменоломне (рис. 5). В процессе полевых исследований разных лет объект получил название «могильник Кокса-24» [Киргинев, 1997].

Выкладки своими формами и умеренными размерами очень похожи на погребальные сооружения средневековых енисейских кыргызов, но сложены из необычно больших по размеру камней – до 0,6 м, имеющих вид не плоских плит, как у девонского песчаника, а булыжников рваных форм. Признаков установки на них каменных стел, характерных для «чаатасов», не выявлено. Поэтому данные курганы трудно датировать точно. Предположительно, по своим формам они могут относиться к переходному времени от «чаатас» к периоду «хыргыстар сууктер» («кыргызские могилы»).

Рис. 3 (фото). Неутилизованные крупные каменные блоки в нижней части каменоломни на горе Большой Тогуртаг на Коксинском заливе Красноярского водохранилища (снято с ЮЗ)

Fig. 3 (photo). Unutilized large stone blocks in the lower part of the quarry on Mount Bol'shoi Togurtag on the Koksa Bay of the Krasnoyarsk Reservoir (view from the SW)

Рис. 4 (фото). Линия раскола крупного каменного блока из нижней части карьера на горе Большой Тогуртаг на Коксинском заливе Красноярского водохранилища (снято с ЮВ)
Fig. 4 (photo). The split line of a large stone block from the lower part of the quarry on Bol'shoi Togurtag on the Koksa Bay of the Krasnoyarsk Reservoir (view from the SE)

Рис. 5 (фото). Курганы могильника Кокса-24 вблизи карьера на горе Большой Тогуртаг на Коксинском заливе Красноярского водохранилища (снято с ЮВ; на заднем плане виден нижний участок карьера)
Fig. 5 (photo). Koksa-24 burial mounds near the quarry on Mount Bol'shoi Togurtag on the Koksa Bay of the Krasnoyarsk Reservoir (view from the SE; lower section of the quarry is visible in the background)

Обсуждение

К настоящему времени на территории Хакасии С. В. Киселёвым, Л. С. Марсадиловым и Я. И. Сунчугашевым детально исследовалась лишь каменоломня в урочище Хызыл-Хая, недалеко от Салбыкской долины. Она, главным образом, связывалась с тагарской культурой. Однако не исключается ее функционирование и в другие периоды (с эпохи бронзы до этнографического времени). Представляет собой выходы песчаниковых плит, где выделяются четыре монолитных слоя. Толщина выломанных песчаниковых монолитов составляла 0,6–2 м [Сунчугашев и др., 2015, с. 52].

Кроме того, авторам настоящей работы С. Г. Скобелеву, И. С. Половникову и Р. Л. Собинову в Хакасии известны каменоломни (предположительно, также тагарского времени) по правому берегу устья р. Табат в Бейском районе и на северном склоне горного массива Бояры у с. Троицкое в Боградском районе. Они представляют собой отдельные плиты девонского песчаника размерами до 3 м и толщиной 0,2–0,5 м. Часть из них еще лежит у вершин возвышенностей, где видны следы выламывания из слоев песчаника, часть уже спущена вниз по склонам и находится на разном расстоянии друг от друга. Возможно, каменные плиты добывались в выходах песчаника и у Ошкольской писаницы (расположена в 3,5 км от пос. Талкин Ключ в Орджоникидзевском районе Хакасии), где имеются следы их отделения от монолита. Во всех этих случаях поблизости находятся курганы тагарской культуры, каменные элементы конструкций которых по своему виду соответствуют материалу плит из данных каменоломен. Кроме того, в регионе могли иметься мелкие, плохо заметные каменоломни разных эпох, где добывались плиты девонского песчаника мелкого и среднего размера для множества известных в регионе памятников археологии различных эпох.

Как можно видеть, в известных каменоломнях в Хакасии в основном добывали материал в виде плит (т. е. камней с двумя уплощенными противоположными сторонами) девонского песчаника разного размера, но обычно умеренной толщины по отношению к длине [Сунчугашев, 2015]. Между тем в каменоломне на г. Большой Тогуртаг плиты отсутствовали, поскольку их невозможно было выломать в таком виде из породы магматического характера, а каменный материал представлен в виде блоков разных размеров и форм. Указанное обстоятельство, кроме того, можно объяснить и изначальной целью получения строительного материала определенного вида. В целом всё это выделяет данный памятник из круга известных в Хакасии, где для Средневековья он может считаться первым выявленным объектом такого типа.

Соответственно, встает вопрос, не является ли технологическое своеобразие в приемах обработки камня с этого памятника свидетельством миграции на данную территорию какой-либо мобильной группы населения извне, где подобная технология была традиционной? Например, средневековые кыргызские курганы в Усинской долине Западного Саяна, где много пород магматического происхождения, близки им по своему виду и составу строительного материала. Поэтому логично предположить, что сюда, на Средний Енисей, мигрировала какая-то группа «усинцев», что было вполне вероятно в рамках процесса возвращения на родину из Центральной Азии енисейских кыргызов после эпохи великодержавия. Исчерпывающий ответ на такой вопрос можно дать в будущем лишь после археологического изучения находящихся здесь округлых каменных выкладок, похожих на средневековые курганы, но сложенных, как указывалось, из необычного для данной территории материала магматического происхождения в виде крупных и средних по размеру блоков «рваных» форм. В целом каменоломня на горе Большой Тогуртаг демонстрирует более трудоемкий процесс получения каменного материала по сравнению даже с добычей плит из пластов девонского песчаника для сооружения курганов тагарской культуры. Всё указанное и определяет своеобразие данного памятника в числе известных в Хакасии.

Заключение

Решение принятой к рассмотрению проблемы позволяет уточнить некоторые аспекты формирования у средневекового населения региона направлений межкультурных контактов, приводивших к образованию, становлению и развитию социумов, в том числе консолидировавшихся, как известно из сообщений письменных источников, в результате разнообразных миграций кыргызов [Бутанаев, Худяков, 2000], что облегчалось высоким уровнем мобильности их культуры в целом и хозяйства в частности. Кроме того, выявление и характеристика археологических памятников типа каменоломен позволяют не только локализовать на местности пункты заготовки каменных строительных материалов для создания объектов разного назначения, но и пополнить источниковедческую базу, обеспечить учет и сохранение данных объектов для дальнейшего изучения, охраны и музеефикации.

Список литературы

- Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С.** История енисейских кыргызов. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2000. 272 с.
- Давыдов Р. В., Половников И. С., Собинов Р. Л., Митько О. А.** Опыт использования спутниковых снимков и беспилотных летательных аппаратов при проведении разведочных работ в северной части Тесинского археологического микрорайона в Боградском районе Республики Хакасия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. Т. 26. С. 397–404. DOI 10.17746/2658-6193.2020.26.397-404
- Киргиников Э. Н.** Археологическое обследование территории Боградского района Республики Хакасия // Археологические открытия 1996 года. М.: Наука, 1997. С. 329.
- Скобелев С. Г., Выборнов А. В., Рюшин М. А.** «Внешний вал» крепости на горе Унюк на Енисее // *Universum Humanitarium*. 2015. № 1. С. 70–77.
- Скобелев С. Г., Митько О. А., Тарасов А. Ю., Поселянин А. И., Половников И. С.** Кыргызский могильник Большой Телек в Идринском районе Красноярского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. 23. С. 386–389.
- Сунчугашев Я. И.** Каменоломня тагарской культуры Хызыл-Хая // Большой Салбыкский курган и археологические памятники в его окрестностях. Абакан: ХакНИИЯЛИ, Хакас. кн. изд-во, 2015. С. 50–52.

References

- Butanaev V. Ya., Khudyakov Yu. S.** Istoriya Yeniseiskikh Kyrgyzov [History of the Yenisei Kyrgyz]. Abakan, N. F. Katanov Khakass State Uni. Press, 2000, 272 p. (in Russ.)
- Davydov R. V., Polovnikov I. S., Sobinov R. L., Mitko O. A.** Opyt ispol'zovaniya sputnikovykh snimkov i bespilotnykh letatel'nykh apparatov pri provedenii razvedochnykh rabot v severnoi chasti Tesinskogo arkheologicheskogo mikroraiona v Bogradskom raione Respubliki Khakasiya [Use of satellite images and drone in surveying the northern part of the Tesinsky archaeological microdistrict in Bogradsky district of the Republic of Khakassia]. In: Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories], 2020, vol. 26, pp. 397–404. (in Russ.) DOI 10.17746/2658-6193.2020.26.397-404
- Kirginekov E. N.** Arkheologicheskoe obsledovanie territorii Bogradskogo raiona Respubliki Khakasiya [Archaeological survey of the territory of the Bogradsky district of the Republic of Khakassia]. In: Arkheologicheskie otkrytiya 1996 goda [Archaeological discoveries in 1996]. Voscov, Nauka, 1997, p. 329. (in Russ.)

- Skobelev S. G., Vybornov A. V., Ryumshin M. A.** “Vneshnii val” kreposti na gore Unyuk na Enisee [The “outer rampart” of the fortress on Mount Unyuk on the Yenisei]. *Universum Humanitarium*, 2015, no. 1, pp. 70–77. (in Russ.)
- Skobelev S. G., Mitko O. A., Tarasov A. Yu., Poselyanin A. I., Polovnikov I. S.** Kyrgyzskii mogil’nik Bol’shoi Telek v Idrinskom raione Krasnoyarskogo kraya [Kyrgyz burial ground Bol’shoi Telek in the Idrinsky district of the Krasnoyarsk region]. In: Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel’nykh territorii [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2017, vol. 23, p. 386–389. (in Russ.)
- Sunchugashev Ya. I.** Kamenolomnya tagarskoi kul’tury Khyzyl-Khaya [Tagar culture quarry Hyzyl-Khaya]. In: Bol’shoi Salbykskii kurgan i arkheologicheskie pamyatniki v ego okrestnostyakh [Bol’shoi Salbyksky kurgan and archaeological sites in its vicinity]. Abakan, 2015, pp. 50–52. (in Russ.)

Информация об авторах

Сергей Григорьевич Скобелев, кандидат исторических наук
Екатерина Владимировна Губенко, магистрант
Роман Вячеславович Давыдов, младший научный сотрудник
Иван Сергеевич Половников, младший научный сотрудник
Роман Леонидович Собинов, инженер-исследователь

Information about the Authors

Sergey G. Skobelev, Candidate of Sciences (History)
Ekaterina V. Gubenko, Master Student
Roman V. Davydov, Junior Researcher
Ivan S. Polovnikov, Junior Researcher
Roman L. Sobinov, Engineer-Researcher

*Статья поступила в редакцию 09.03.2022;
одобрена после рецензирования 15.05.2022; принята к публикации 15.05.2022
The article was submitted 09.03.2022;
approved after reviewing 15.05.2022; accepted for publication 15.05.2022*

Научная статья

УДК 903.22

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-94-105

Сопроводительный инвентарь погребения кыргызского воина из окрестностей с. Новоселово в Красноярском крае

Сергей Михайлович Фокин ¹
Олег Андреевич Митько ²

¹ Красноярский краевой краеведческий музей
Красноярск, Россия

² Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹ smf.kkkm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1697-5174>

² omitis@gf.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7741-3167>

Аннотация

Анализ коллекции железных предметов, поступивших в фонды Красноярского краевого краеведческого музея в 2019 г., показал, что они происходят из погребения, совершенного по обряду кремации. Предметы относятся к вооружению кыргызского воина и снаряжению его верхового коня. Снаряжение коня: удила с крюковым способом соединения звеньев и псалиями в виде крупных колец; два стремени арочной формы с отверстиями в верхней части дужки и 10 пластинчатых накладок на переднюю и заднюю луки седла. В состав вооружения входили 13 плоских наконечника стрел различных типов и сабля, которая была согнута при совершении погребального обряда. Весь комплекс имеет многочисленные аналогии и датируется монгольским временем (XIII–XIV вв.).

Ключевые слова

Южная Сибирь, село Новоселово, Средневековье, енисейские кыргызы, сабля, наконечники стрел, стремяна

Благодарности

Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0022)

Для цитирования

Фокин С. М., Митько О. А. Сопроводительный инвентарь погребения кыргызского воина из окрестностей с. Новоселово в Красноярском крае // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 7: Археология и этнография. С. 94–105. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-94-105

Accompanying Grave Goods from the Kyrgyz Warrior Burial from the Vicinity of the Novoselovo Village (Krasnoyarsk Region)

Sergey M. Fokin ¹, Oleg A. Mitko ²

¹ Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore
Krasnoyarsk, Russian Federation

² Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ smf.kkkm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1697-5174>

² omitis@gf.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7741-3167>

Abstract

Purpose. An analysis of the collection of iron weapons of the Kyrgyz warrior and the equipment of his riding horse showed that they come from a burial made according to the cremation rite. Items of horse equipment are: a bit with

© Фокин С. М., Митько О. А., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 7: Археология и этнография. С. 94–105

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 94–105

a hook method of connecting links and cheek-pieces in the form of large rings; two arched stirrups with holes in the upper part of the shackle and 10 lamellar overlays for a wooden saddle.

Results. The weapons consist of 13 flat arrowheads and a saber, which was bent during the funeral rite. Saber length is 0.85 m, blade width is 3.2 cm, and weight is 568 grams. The guard is in the form of a rook; on one side of it, cruciform figures are applied. At the guard on the blade there is a figured clip. The bend of the blade is 1.7 cm, which makes it possible to attribute the saber to slightly curved samples. At the end of the shank, there is a hole for attaching the handle. Probably, the handle was made of solid wood, with a through hole and a prominent head at the end. The saber's feature is the offset of the handle to the back of the blade, which is found on Caucasian (Circassian) checkers.

Conclusion. The whole complex of objects has numerous analogies and dates back to the Mongolian period (13th – 14th centuries). During this period, there were several migrations of the Yenisei Kyrgyz to the territory of Mongolia and Manchuria.

Keywords

Southern Siberia, Novoselovo village, Middle Ages, Yenisei Kyrgyz, saber, arrowheads, stirrups

Acknowledgements

The study was carried out as part of the implementation of the State Task of the Ministry of Education and Science in the field of scientific activity (project no. FSUS-2020-0022)

For citation

Fokin S. M., Mitko O. A. Accompanying Grave Goods from the Kyrgyz Warrior Burial from the Vicinity of the Novoselovo Village (Krasnoyarsk Region). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 94–105. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-94-105

Введение

В 2019 г. в фонды Красноярского краевого краеведческого музея поступила коллекция предметов, относящихся к вооружению средневекового воина, и металлических деталей снаряжения верхового коня. Судя по косвенным сведениям, они были обнаружены так называемыми «черными археологами» в одном из курганов, раскопанных южнее с. Новоселово, административного центра Новоселовского района Красноярского края. Коллекция состоит из 27 железных предметов, включая удила, пары стремян, 10 фрагментов накладок на переднюю и заднюю луки седла, 13 наконечников стрел и саблю (КККМ О/Ф 13247). Судя по составу предметов, их морфолого-типологическим характеристикам и наличию на поверхности следов вторичного термического воздействия, они были извлечены из кыргызского погребения, совершенного по обряду трупосожжения на стороне.

Культура енисейских кыргызов относится к числу относительно полно изученных археологических культур средневековых народов Южной Сибири.

Отдельное место в сибирском кыргызоведении занимает история их вооружения и реконструированного на его основе и сведений письменных источников военного дела, в изучение которых большой вклад внес Ю. С. Худяков. Однако со времени выхода в свет монографии «Вооружение енисейских кыргызов», в которой были обобщены все известные на тот период археологические данные [Худяков, 1980], предметный корпус вырос многократно, включая и находки длинноклинкового оружия, среди которого отмечаются уникальные образцы [Худяков, 2003; Скобелев, Рюмшин, 2010]. При этом особое значение имеют комплексные собрания оружия ближнего и дальнего боя вместе с элементами снаряжения верхового коня. Полный учет и описание предметов из воинских захоронений не только расширяет узколокальные рамки археологической культуры средневековых кыргызов, переживших на рубеже I–II тыс. н. э. свой «звездный час», но и позволяет проследить последствия этого исторического импульса вплоть до конца позднего Средневековья, когда военно-политическая ситуация в Центральноазиатском регионе кардинально изменилась [Худяков, Скобелев, 1984; Бобров, Худяков, 2008].

Целью данной публикации является представление результатов сравнительно-типологического и хронологического анализа входящих в состав новоселовской коллекции средневековых предметов вооружения воина и снаряжения верхового коня.

Анализ материалов

В количественном отношении почти половина находок относится к основным функциональным элементам снаряжения верхового коня – узде (удила) и седлу (стремена и металлические накладки на переднюю и заднюю луки).

Удила с крюковым способом соединения звеньев (рис. 1). По разработанной И. Л. Кызласовым типологии аскизских удил, их можно отнести к 15-му типу. Он считает, что крюковый способ соединения грызл не имеет корней в раннеаскизских памятниках, и его появление на Среднем Енисее следует расценивать как влияние культур из районов Южного Зауралья, Западной Сибири и Северного Казахстана [Кызласов, 1983, с. 56, табл. II, 4]. Кольчатые псалии, соединенные с удилами, слегка уплощены и имеют прямоугольное сечение. Кольчатые псалии уплощенной формы редко встречаются на соседних территориях. Они являются характерной особенностью аскизского набора верховой лошади, однако их появление также может быть связано с влиянием западных культур, и в частности с уральской традицией, с ее крупными кольцами с круглым сечением.

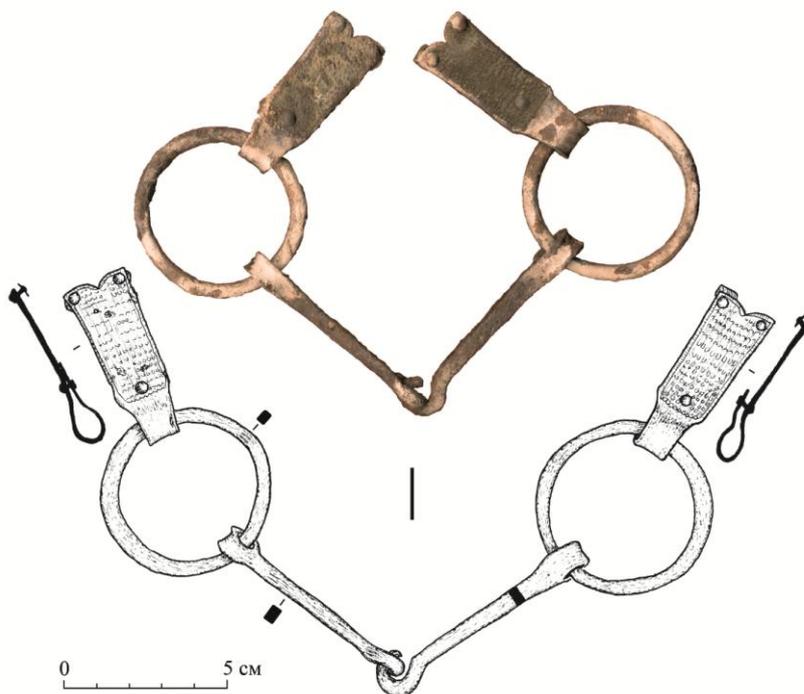

Рис. 1. Снаряжение верхового коня из погребения у с. Новоселово: удила с кольчатыми псалиями

Fig. 1. Equipment of a riding horse from the burial near Novosyolovo village: bit with ring bit shanks

Псалии из погребения в Новоселово сопровождаются железными накладками для нащечного ремня с характерным оформлением концов, сходным с рыбьим хвостом. Вся поверхность пластин покрыта мелкими насечками, фиксирующими серебряные аппликации и создающие эффект геометрического орнамента в виде рядов из прямоугольников. Крепление к каждому из псалиев по одной накладке отражает специфическую традицию устройства ремней оголовья, сформировавшуюся у кыргызов к XIII–XIV вв. [Там же, с. 55–56, 58–59].

Входящие в сопроводительный набор инвентаря стремена по размерам и морфологическим признакам однотипны. Внешний контур имеет арочную форму, внутренний контур – округлую (рис. 2). Подножки вогнутые, без ребер жесткости, прямоугольные отверстия для путлиц расположены в верхней части уплощенной дужки. Согласно классификации Г. А. Федорова-Давыдова, стремена с расплющенной верхней частью дужки входят в отдел Д, тип II, который по восточноевропейской хронологической шкале датируется не ранее XIII в. [Федоров-Давыдов, 1966, с. 15, 16, рис. 1]. Болгарский исследователь В. Йотов считает возможным отнести округлые стремена «кочевого Востока» к более раннему времени [Йотов, 2012, с. 117, рис. 1]. Новоселовские стремена имеют многочисленные как косвенные, так и прямые аналогии в памятниках Южной Сибири монгольского времени (Черновая, курган 12; Канско-Перевозинское; Большой Телек), что позволяет согласиться с датировкой конского снаряжения подобного типа каменным этапом аскизской культуры [Кызласов, 1983, с. 60, табл. XVI, 2].

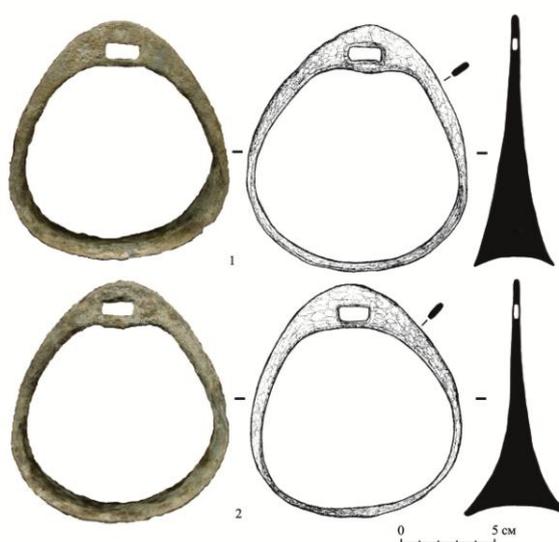

Рис. 2. Снаряжение верхового коня из погребения у с. Новоселово:
1, 2 – стремена

Fig. 2. Equipment of a riding horse from the burial near Novosyolovo village:
1, 2 – stirrups

От деревянного седла сохранились 10 пластинчатых седельных окантовок и накладок. Они побывали на погребальном костре, однако местами коррозированы, измяты, часть концов обломлена. Узкая окантовка угловой формы, крепившаяся на лицевой поверхности луки седла, и арочные окантовки задней и передней лук с волнообразным оформлением края украшены сетчатым орнаментом, который покрывался серебряной аппликацией. На каждом из фрагментов имеются отверстия округлой формы для крепления, в них сохранились небольшие гвоздики длиной до 3 см (рис. 3).

По мнению И. Л. Кызласова, подобные накладки, как и сам способ украшения седла, появляется на огластинской стадии аскизской культуры (XI в.). Возможно, эта традиция восходит к более раннему «жемчужнику», известному на бронзовых предметах культуры чаатас и таштыкской эпохи [Там же, с. 60, рис. 33]. В качестве аналогий можно назвать предметы из собрания О. Б. Згерско-Струмилло, находки в кургане 1 могильника Све-таг, в кургане 12 могильника Черновая, а также уникальные серебряные обкладки седла из Часовенной Горы [Там же, табл. XVII, 1, 3, 4, 7, 9, 13–18, 20–21].

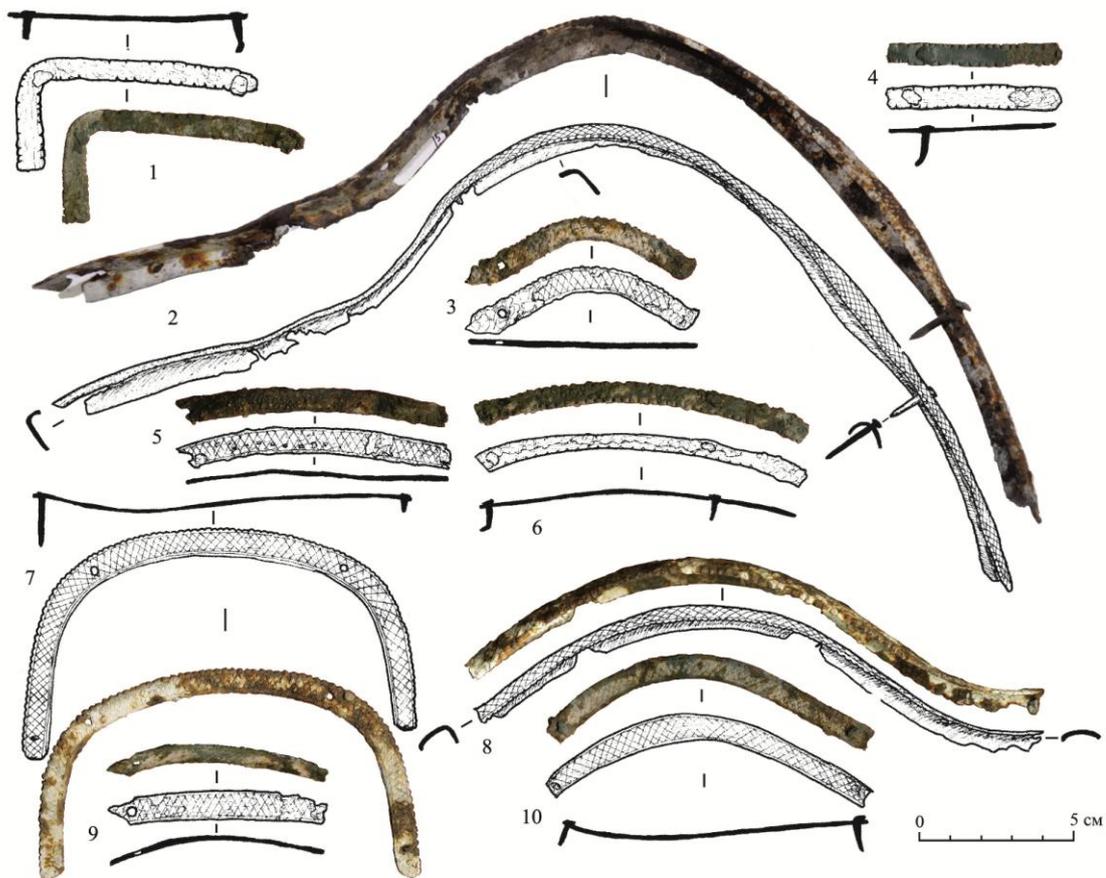

Рис. 3. Снаряжение верхнего коня из погребения у с. Новоселово:
 1–10 – железные накладки на переднюю и заднюю луки седла
Fig. 3. Equipment of a riding horse from the burial near Novosyolovo village:
 1–10 iron overlay on the front and the back parts of the saddle cantle

Фрагменты накладок с украшенным краем зафиксированы в кыргызских захоронениях предмонгольского времени в долине р. Табат (могильник Терен-хол, курганы № 1, 2, 5, 6; могильник Ортызы-оба, курган № 7). На их основе Ю. С. Худяков представил реконструкции седел с орнаментированными арочными накладками на переднюю и заднюю луки [Худяков, 1982, с. 124, 128, 156, рис. 81, 2, 6, 9, 10, 12; 84; 102, 1–6; 103].

Материалы могильника уже монгольского времени Тербен-хол (курганы 1, 2), показывают, что остов седла сохранил пропорции предыдущего периода, но имел более высокую переднюю луку. Арка также обита узкой полоской железной накладкой, а верхний край – широкой пластинчатой оковкой, украшенной фигурными вырезами [Там же, с. 197, 198, рис. 144, 1, 4; 146, 3, 4]. К этому же времени относится полный комплект седельных накладок, обнаруженный в кургане 5 могильника Коя 2 вместе с согнутым палахом и парой стремян [Скобелев, 2006, рис. 6; 10; 11]. Также в погребении раскопа II могильника Большой Телек зафиксировано 36 фрагментов. Оба памятники относятся к монгольскому времени (XIII–XIV вв.). Обнаруженные в них накладки аналогичны элементам седла с расширенной сверху передней лукой, реконструированного Д. Г. Савиновым по часовенногорским материалам [Савинов, 1977, рис. 3].

Оружие дальнего боя в новоселовской коллекции представлено наконечниками стрел. По классификации Ю. С. Худякова, все они относятся к одному классу – железные; к отделу «черешковые», группе II – плоские. По сечению пера их можно разделить на 6 отдельных типов.

Три боеголовых наконечника с остроугольным острием, выделенной боевой головкой, удлиненной шейкой и упором относятся к типу 4 (рис. 4, 1–3). Многочисленные подобные образцы встречаются в памятниках Минусинской котловины и Тувы, которые датируются XIII–XIV вв. [Худяков, 1997, с. 10, рис. 3, 7, 15; 4, 7]. Два асимметрично-ромбических наконечника с тупоугольным острием и пологими плечиками, упором (рис. 4, 4, 10) относятся к типу 1. Аналогичные наконечники отмечены в памятниках Белый Яр; Каменка V, курган 3; Тербен-хол, курган 5; Уйбат [Там же, с. 9, рис. 3, 1–3, 6, 10, 12, 13; 4, 1, 2]. Еще пять наконечников с округлым острием, пологими плечиками и упором составляют тип 2 – секторные (рис. 4, 5–9). Данный тип зафиксирован в памятниках Белый Яр; Каменка V, курган 3; Урбюн I, курган 2 [Там же, с. 9, рис. 3, 4, 11; 4, 5, 9]. Овально-ступенчатый наконечник с овальным острием, вогнутыми сторонами, покатыми плечиками, шейкой, упором входит в тип 9 (рис. 4, 11). [Там же, с. 12, рис. 3, 14]. Один из наконечников новоселовской коллекции относится к типу 6 – овально-крылатые. Он характеризуется овальным острием, выступающими крыльями, округлыми плечиками и упором (рис. 4, 12) [Там же, с. 11, рис. 4, 3]. Наконечники двух последних типов редко встречаются в археологических памятниках Минусинской котловины. Так же, как и вильчатый наконечник (тип 8) с глубоко вогнутым острием, пологими сторонами, покатыми плечиками и выделенным упором (рис. 4, 13) [Там же, с. 11–12, рис. 5]. По своим морфологическим и функциональным особенностям он не характерен для комплекса боевого оружия кыргызов. Стрела с вильчатым (развилчатым – по А. И. Соловьеву [2006, с. 177, рис. 5, 21]) наконечником могла использоваться для охоты на болотно-луговых и боровых птиц.

Однако наличие в новоселовской коллекции сабли позволяет связать ее именно с воинским захоронением. Сабля имеет длинный, плавно изогнутый однолезвийный клинок с треугольным в поперечном сечении лезвием. На расстоянии 20–22 см от острия клинок имеет двустороннее лезвие. Общая длина сабли 0,85 м, длина клинка (от перекрестья до острия) 0,70 м, ширина клинка у рукояти 3,2 см, толщина 0,75 см, ширина клинка в средней части 2,7 см, толщина 0,6 см. Вес 568 г. (рис. 5, а).

Изгиб клинка составляет 1,7 см, что позволяет отнести саблю к слабоизогнутым образцам. Клинок был согнут в 30 см от острия, но выпрямлен находчиком. Кроме того, в профиле читается незначительная деформация полотна по всей его длине. Оно также подверглось активной коррозии, включая острие лезвия (за исключением нескольких мест), что затрудняет изучение как технологии изготовления, так и следов ее боевого использования.

Гарда ладьевидной формы размерами 10,2 × 1 × 2,4 см, что близко к стандартным размерам сабель и палашей кыргызов. На одну из ее сторон нанесены насечки по краю, а в центральной части пять пересекающихся линий, образующие три крестообразные фигуры. Линии хорошо заметны, глубокие, нанесены зубилом по горячему металлу (рис. 5, б–г). Если считать их украшением гарды, то данная сторона является «парадной». Это позволяет предположить, что саблю носили на правом боку.

На лезвии клинка выше гарды расположена обойма с волнообразно оформленным краем остроугольного язычка. По мнению М. В. Горелика, согнутая из тонкой пластины железа обойма имеет двойную функцию: первая – обеспечение плотной фиксации клинка в ножнах и предохранение устья ножен от повреждения при вынимании и вкладывании в них клинка. Вторая – обеспечение безопасности пользования, поскольку при применении сабли в бою указательный палец бойца часто оказывался поверх перекрестья, на лезвии у пяты клинка. В Центральной Азии обоймы с язычком появляются на длинноклинковом рубящем оружии к IX в., и этим же временем датируются находки из кыргызских погребения степной части Верхнего и Среднего Енисея [Горелик, 2004, с. 86].

Рис. 4. Вооружение всадника из погребения у с. Новоселово:

1–13 – наконечники стрел

Fig. 4. Armour of the horseman from the burial near Novosyolovo village:

1–13 – arrowheads

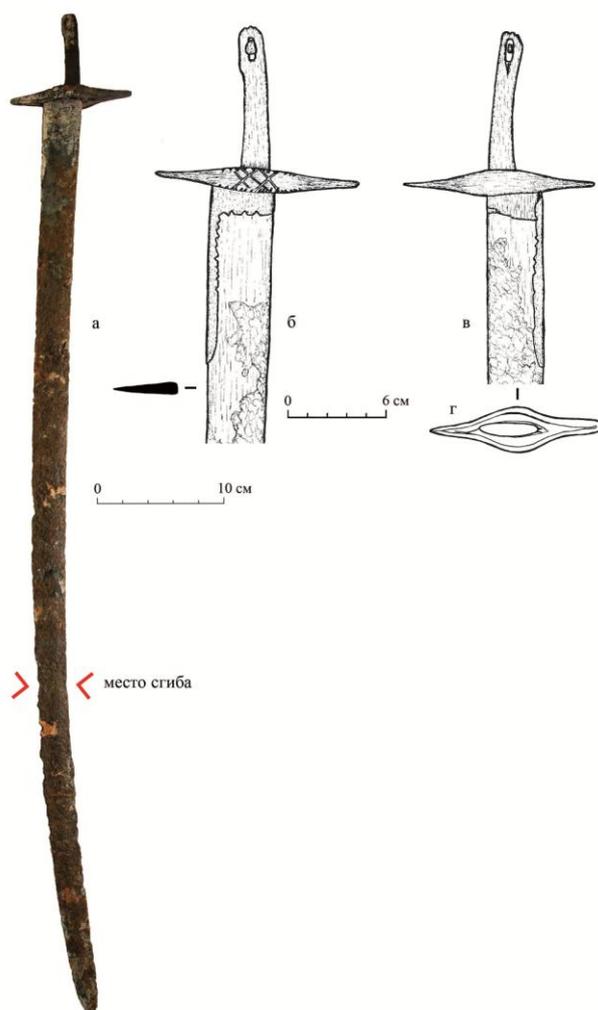

Рис. 5. Вооружение всадника из погребения у с. Новоселово:

1а – фото сабли с обозначением места сгиба;

1б, в – изображение хвостовика с передней (парадной) и задней стороны;

1г – изображение гарды

Fig. 5. Armour of the horseman from the burial near Novosyolovo village:

1a – image of a saber with a designation of the bend;

1b, c – image of the shank on the front and on the back; 1d – image of the guard

Хвостовик тонкий, длина 7,9 см, ширина у перекрестия 1,7 см, у окончания 1,4 см, на конце пробито отверстие овальной формы для крепления рукояти. Вершина хвостовика слегка скошена в сторону лезвия. Наличие одного отверстия на конце хвостовика позволяет предположить, что рукоять (скорее всего, деревянная) была цельная, со сквозным отверстием, с выделенной головкой на конце. Специфической особенностью данного экземпляра, является неотмеченное ранее на кыргызских саблях и палашах расположение хвостовиков не по центру вертикальной линии полосы лезвия, а на одной линии с его спинкой. Смещение хвостовика и, соответственно, рукояти возникает позднее и характерно для кавказских (черкесских) шашек.

В целом же по формальным признакам саблю из Новоселово можно отнести к типу длинноклинкового оружия со слабоизогнутым клинком и рукоятью, отогнутой в сторону лезвия.

Это не единственная находка длинноклинкового оружия в этом районе. Случайно обнаруженная на юго-западном берегу оз. Толстый Мыс, расположенного в 17 км к западу от с. Новоселово, сабля по своим морфологическим и метрическим показателям заметно отличается от новоселовской [Митько, Кержаев, 2007]. В то же время в различных местах Среднего и Верхнего Енисея обнаружено несколько морфологически схожих сабель, составляющих типологическую группу. Наибольший интерес представляют слабоизогнутые экземпляры, обнаруженные в закрытых археологических комплексах, которые датируются X–XIV вв. (могильники Кыргызская II, Юкеево, Эйдиг-Хем III, грот Узун-хая, Проспихинская Шивера IV и др.) [Николаев, 1972; 1982; Грач и др., 1998; Кызласов, 1999; Худяков, 2003; Сенотрусова, Мандрька, 2018].

Заключение

Описанные предметы новоселовского комплекса датируются монгольским временем (XIII–XIV вв.) и относятся к захоронению кыргызского легковооруженного воина. Это подтверждается как территориальной привязкой (степная зона левобережья Енисея), так и хорошо заметными следами пребывания инвентаря на погребальном костре. Такой культурный маркер погребального обряда енисейских кыргызов, как преднамеренное повреждение клинка, также фиксируется на клинке. Сабли и палаши с прямым, не согнутым полотном клинка встречаются в кыргызских захоронениях, причем в самых знатных. Наиболее известным является курган «Багыра» на могильнике Эйдиг-Хем III, где вместе с разнообразным погребальным инвентарем была обнаружена сабля с арабской надписью. Однако с конца первого тысячелетия практика ритуального повреждения оружия, прослеживаемая у кочевников как восточной, так и западной части степного пояса Евразии, получила очень отчетливое выражение у енисейских кыргызов [Митько, 2018]. С конца XIV в. обычай преднамеренного «разрушения» длинноклинкового оружия стал «угасать», и в погребениях XV–XVII вв. сабли с согнутыми клинками не фиксируются. Это могло быть связано с переселением кыргызов за пределы Среднего Енисея и последующим вовлечением их в борьбу между ханами Западной и Восточной Монголии. Одно из таких событий, повлекших за собой «распыления этноса», произошло в 1292 г., когда тюркоязычные группы Саяно-Алтая были отправлены на территорию Монголии и Маньчжурии.

Список литературы

- Бобров Л. А., Худяков Ю. С.** Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Факультет филологии и искусства СПбГУ, 2008. 770 с.
- Горелик М. В.** Об одной разновидности евразийских клинков эпохи развитого средневековья // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2004. Вып. 1. С. 86–101.
- Грач А. Д., Савинов Д. Г., Длужневская Г. В.** Енисейские кыргызы в центре Тувы (Эйдиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы). М.: Фундаментал Пресс, 1998. 84 с.
- Йотов В.** Стремена степей и стрмена Византии // История и культура средневековых народов степной Евразии. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2012. С. 116–119.
- Кызласов И. Л.** Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. Свод археологических источников. М.: Наука, 1983. 128 с.
- Кызласов И. Л.** Скальные захоронения – особая категория погребальных памятников // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М.: Вост. лит., 1999. С. 169–199.

- Митько О. А.** Длинноклинковое оружие в погребальной обрядности енисейских кыргызов (IX–XIV вв.): попытки семантического анализа ритуальных действий // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2018. Вып. 2. С. 195–200.
- Митько О. А., Кержаев А. М.** Сабля из Новоселовского района Красноярского края // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2007. С. 115–117.
- Николаев Р. В.** Средневековые курганы близ железнодорожной станции Минусинск // СА. 1972. № 2. С. 198–205.
- Николаев Р. В.** Кыргызское погребение в Большемуртинском районе Красноярского края (к вопросу о движении тюркоязычных народов на север Сибири) // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 131–135.
- Савинов Д. Г.** Из истории убранства верхового коня у народов Южной Сибири (II тысячелетие н. э.) // СЭ. 1977. № 1. С. 31–48.
- Сенотрусова П. О., Мандрыка П. В.** Культурные связи населения Нижней Ангары в развитом Средневековье (по материалам комплекса Проспихинская Шивера IV) // Археология, этнография, и антропология Евразии. 2018. Т. 76, № 3. С. 92–99.
- Соловьев А. И.** Некоторые аспекты использования бересты в погребальной практике населения предтаежного Обь-Иртышья // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2006. Т. 5, № 3 (приложение 2): Археология и этнография. С. 177–187.
- Скобелев С. Г.** Новая находка палаша в позднесредневековом кыргызском погребении на Енисее // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2006. Т. 5, № 3 (приложение 2): Археология и этнография. С. 150–176.
- Скобелев С. Г., Рюмшин М. А.** Новые материалы по длинноклинковому оружию енисейских кыргызов в развитом и позднем Средневековье // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, № 7: Археология и этнография. С. 144–154.
- Худяков Ю. С.** Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.
- Худяков Ю. С.** Кыргызы на Табате. Новосибирск: Наука, 1982. 240 с.
- Худяков Ю. С.** Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого Средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТСО РАН, 1997. 160 с.
- Худяков Ю. С.** Сабля Багыра. Вооружение и военное искусство средневековых кыргызов. СПб.: Петербургское востоковедение; М.: Филоматис, 2003. 192 с.
- Худяков Ю. С., Скобелев С. Г.** Позднесредневековое шаманское погребение в могильнике Ортызы-Оба // Этнография народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1984. С. 105–119.
- Федоров-Давыдов Г. А.** Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. 275 с.

References

- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S.** Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov'ya i Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.) [Armament and tactics of the nomads of Central Asia and Southern Siberia in the era of the late Middle Ages and the New Age (15th – first half of the 18th centuries)]. St. Petersburg, Fakul'tet filologii i iskusstva SPbGU Press, 2008, 770 p. (in Russ.)
- Fedorov-Davydov G. A.** Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov [Nomads of Eastern Europe under the rule of the Golden Horde khans]. Moscow, Moscow University Press, 1966, 275 p. (in Russ.)
- Gorelik M. V.** Ob odnoi raznovidnosti evraziiskikh klinkov epokhi razvitogo srednevekov'ya [About a variety of Eurasian blades of the developed medieval era]. In: Voennoe delo narodov Sibiri i Tsentral'noi Azii [The military affairs of the peoples of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk, Novosibirsk State Uni. Press, 2004, iss. 1, pp. 86–101. (in Russ.)

- Grach A. D., Savinov D. G., Dluzhnevskaya G. V.** Yeniseyskiye kyrgyzy v tsentre Tuvy (Eylig-Khem III kak istochnik po srednevekovoy istorii Tuvy) [Yenisei Kyrgyz in the center of Tuva. (Eilig-Khem III as a source on the medieval history of Tuva)]. Moscow, Fundamenta-Press, 1998, 84 p. (in Russ.)
- Khudyakov Yu. S.** Vooruzhenie eniseyskikh kyrgyzov VI–XII vv. [Armament of the Yenisei Kyrgyz in 6th – 12 centuries]. Novosibirsk, Nauka, 1980, 176 p. (in Russ.)
- Khudyakov Yu. S.** Kyrgyzy na Tabate [Kyrgyz on Tabat]. Novosibirsk, Nauka, 1982, 240 p. (in Russ.)
- Khudyakov Yu. S.** Vooruzhenie kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii v epokhu razvito go srednevekov'ya [Armament of the nomads of South Siberia and Central Asia in the era of the developed Middle Ages]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 1997, 160 p. (in Russ.)
- Khudyakov Yu. S.** Sablia Bagyra: vooruzhenie i voennoe iskusstvo srednevekovykh kyrgyzov [Bagyr's Sabre: Armament and Warfare of Medieval Kyrgyzs]. St. Petersburg, Peterburgskoe vosto kovedenie Publ., Moscow, Filomatis Publ., 2003, 192 p. (in Russ.)
- Khudyakov Yu. S., Skobelev S. G.** Pozdnesrednevekovo e shamanskoe pogrebenie v mogil'nike Ortyzy-Oba [Late medieval shaman burial in the Ortyzy-Oba burial ground]. In: Etnografiya narodov Sibiri [Ethnography of the peoples of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1984, pp. 105–119. (in Russ.)
- Kyzlasov I. L.** Askizskaya kul'tura Yuzhnoy Sibiri X–XIV vv. Svod arkh eologicheskikh istochnikov [Askiz culture of Southern Siberia in 10th – 14th centuries. Collection of archaeological sources]. Moscow, Nauka, 1983, 128 p. (in Russ.)
- Kyzlasov I. L.** Skal'nye zakhroneniya – osobaya kategoriya pogrebal'nykh pamyatnikov [Rock burials – a special category of funerary sites]. In: Pogrebal'nyy obryad. Rekonstruktsiya i interpretatsiya drevnikh ideologicheskikh predstavleniy [Funeral rite. Reconstruction and interpretation of ancient ideological ideas.]. Moscow, Eastern Literature RAS Publ., 1999, pp. 169–199. (in Russ.)
- Mitko O. A.** Dlinnoklinkovoe oruzhie v pogrebal'noy obryadnosti eniseyskikh kyrgyzov (IX–XIV vv.): popytki semanticheskogo analiza ritual'nykh deystviy [Long-bladed weapons in the burial rites of the Yenisei Kyrgyz (9th – 14th centuries): attempts on the semantic analysis of ritual actions]. In: Sovremennye resheniya aktual'nykh problem evraziiskoi arkheologii [Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology]. Barnaul, Altai State Uni. Press, 2018, iss. 2, pp. 195–200. (in Russ.)
- Mitko O. A., Kerzhaev A. M.** Sablya iz Novoselovskogo rayona Krasnoyarskogo kraya [Saber from the Novoselovsky district of the Krasnoyarsk Territory]. In: Vooruzhenie i voennoe delo kochevnikov Sibiri i Tsentral'noy Azii [Armament and military affairs of the nomads of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk, NSU Press, 2007, pp. 115–117. (in Russ.)
- Nikolaev R. V.** Kyrgyzskoe pogrebenie v Bol'shemurtinskom rayone Krasnoyarskogo kraya (k voprosu o dvizhenii tyurkoyazychnykh narodov na sever Sibiri) [Kyrgyz burial in the Bolshe-murtinsky district of the Krasnoyarsk Territory (On the issue of the movement of Turkic-speaking peoples to the north of Siberia)]. In: Arkheologiya Severnoy Azii [Archeology of North Asia]. Novosibirsk, Nauka, 1982, pp. 131–135. (in Russ.)
- Nikolaev R. V.** Srednevekoveye kurgany bliz zheleznodorozhnoy stantsii Minusinsk [Medieval burial mounds near the Minusinsk railway station]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology], 1972, no. 2, pp. 198–205. (in Russ.)
- Savinov D. G.** Iz istorii ubranstva verkhovogo konya u narodov Yuzhnoy Sibiri (II tysyacheletie n. e.) [From the history of the decoration of a riding horse among the peoples of Southern Siberia (II millennium AD)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1977, no. 1, pp. 31–48. (in Russ.)
- Senotrusova P. O., Mandryka P. V.** Kul'turnye svyazi naseleniya Nizhney Angary v razvitom Srednevekov'e (po materialam kompleksa Prospikhinskaya Shivera IV) [Cultural Relations of the Population of the Lower Angara in the Developed Middle Ages (Based on the Materials

of the Prospihinskaya Shivera IV Complex)]. *Arkheologiya, etnografiya, i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography, and Anthropology of Eurasia], 2018, vol. 76, no. 3, pp. 92–99. (in Russ.)

Skobelev S. G. Novaya nakhodka palasha v pozdnesrednevekovom kyrgyzskom pogrebenii na Enisee [A new find of a broadsword in a late medieval Kyrgyz burial on the Yenisei]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2006, vol. 5, no. 3 (Appendix 2): Archeology and Ethnography, pp. 150–176. (in Russ.)

Skobelev S. G., Ryumshin M. A. New materials on the long-bladed weapons of the Yenisei Kyrgyz in the developed and late Middle Ages. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2010, vol. 9, no. 7, pp. 144–154. (in Russ.)

Solovyev A. I. Nekotoryye aspekty ispol'zovaniya beresty v pogrebal'noy praktike naseleniya predtayezhnogo Ob'-Irtys'h'ya [Some aspects of the use of birch bark in the funeral practice of the population of the near-taiga Ob-Irtys'h region]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2006, vol. 5, no. 3 (Appendix 2): Archeology and Ethnography, pp. 177–187. (in Russ.)

Yotov V. Stremena stepey i stremena Vizantii [Stirrups of the steppes and stirrups of Byzantium]. In: *Istoriya i kul'tura srednevekovykh narodov stepnoy Evrazii* [History and culture of the medieval peoples of the steppe Eurasia]. Barnaul, Altay State Uni. Press, 2012, pp. 116–119. (in Russ.)

Информация об авторах

Сергей Михайлович Фокин, кандидат исторических наук

Олег Андреевич Митько, кандидат исторических наук

Information about the Authors

Sergei M. Fokin, Candidate of Sciences (History)

Oleg A. Mitko, Candidate of Sciences (History)

Статья поступила в редакцию 15.03.2022;

одобрена после рецензирования 30.04.2022; принята к публикации 14.06.2022

The article was submitted 15.03.2022;

approved after reviewing 30.04.2022; accepted for publication 14.06.2022

Научная статья

УДК 902

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-106-117

Культурный состав муромы по данным изучения гончарных традиций

Павел Романович Холошин

Центр палеоэтнологических исследований
Москва, Россия

Институт археологии Российской академии наук
Москва, Россия

Paul.R.Kho@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5660-7827>

Аннотация

Для выяснения культурного состава племени мурома на разных этапах его истории были привлечены данные о двух аспектах гончарства: традициях создания форм и составления формовочных масс. Анализ форм 679 сосудов из муромских могильников позволил выделить три традиции формообразования, из которых первая доминирует на раннем и среднем этапах и представляет изначальное культурное ядро муромы, а вторая маркирует распространение в среде муромы инокультурного населения. Анализ формовочных масс был проведен для 137 сосудов из Подболотьевского могильника. Он показал, что муромское гончарство сложилось в результате смешения носителей навыков добавления примеси дресвы и шамота, причем для муромы среднего этапа характерен преимущественно смешанный рецепт составления формовочной массы вида Г + Д + Ш + Орг. На позднем этапе в среде муромы начинает доминировать традиция Г + Ш + Орг, а добавление дресвы практически исчезает. Сопоставление данных о формах сосудов и формовочных массах, из которых они были сделаны, показало четкую связь первой традиции формообразования с рецептом Г + Д + Ш + Орг, а второй традиции – с рецептом Г + Ш + Орг. Таким образом, оба аспекта гончарной технологии позволяют реконструировать картину резкого изменения культурного состава муромы на позднем этапе, связанного с приходом нового населения.

Ключевые слова

Мурома, Нижнее Поочье, раннее Средневековье, гончарные традиции, формы сосудов, технико-технологический анализ, историко-культурный подход

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90001

Для цитирования

Холошин П. Р. Культурный состав муромы по данным изучения гончарных традиций // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 7: Археология и этнография. С. 106–117. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-106-117

© Холошин П. Р., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 7: Археология и этнография. С. 106–117

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 106–117

Cultural Composition of the Muroma Based on the Study of the Pottery Traditions

Pavel R. Kholoshin

Paleoethnology Research Center
Moscow, Russian Federation

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

Paul.R.Kho@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5660-7827>

Abstract

Purpose. To reveal the cultural composition of the Muroma tribe at different stages of its history, two aspects of research of the pottery were included: the traditions of making specific shapes and preparation of pottery paste.

Results. Analysis of the shapes of 679 vessels from the Muroma burial grounds allowed us to distinguish three traditions of shaping. The first shape dominates at the early and middle stages and represents the original cultural core of the Muroma. The second shape marks the spread of the population of another culture in the Muroma area. The analysis of the pottery pastes of 137 vessels from Podbolotevo burial ground has shown that Muroma pottery developed as a result of contacts between potters with different skills, such as tempering clay (C) with crushed rock (CR) and chamotte (Ch). For Muroma of a middle stage such mixed recipe of pottery paste as C + CR + Ch + Org is typical. At the later stage, the tradition of C + Ch + Org begins to dominate in the Muroma, and the addition of crushed rock almost disappears. A comparison of the data on the shapes of the vessels and the pottery pastes from which they were made distinguished a connection between the first shape tradition and the C + CR + Ch + Org recipe, and the second tradition – with the C + Ch + Org recipe.

Conclusion. Both aspects of pottery technology allow reconstruct a whole picture of a quick change in the Muroma cultural composition at the late stage. This change was associated with the influx of the new population.

Keywords

The Muroma, Lower Oka, early Middle Ages, pottery traditions, shapes of vessels, technological analysis, historical and cultural approach

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR, project no. 19-39-90001

For citation

Kholoshin P. R. Cultural Composition of the Muroma Based on the Study of the Pottery Traditions. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 106–117. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-106-117

Введение

История финно-угорского племени мурома, обитавшего в Нижнем Поочье накануне сложения Древнерусского государства, известна нам по отрывочным письменным свидетельствам, а также богатому археологическому наследию, которое сохранили до наших дней преимущественно могильники данного племени. Данные археологии позволили уточнить время его существования (конец VI – середина XI в.) и основные этапы развития, обозначить границы племенной территории, внешние культурные контакты, особенности хозяйства и материальной культуры (см. [Горюнова, 1961; Голубева, 1987; Гришаков, Зеленева, 1990; Леонтьев, 1998; История Муромы..., 2001; Бейлекчи, 2005] и др.). Неоднократно высказывались предположения и о происхождении муромы: так, в числе её предков называли носителей культуры рязано-окских могильников, городецкой культуры, мощинской культуры, население, оставившее памятники безводнинско-ахмыловского круга [Бейлекчи, 2005; Ефименко, 1937; Зеленева, 1988; Рябинин, 1997]. В большинстве случаев аргументация исследователей опиралась на богатый женский узор, изредка – на внешние особенности муромской керамики. В связи с последним направлением исследования необходимо отметить вклад В. В. Гришакова, рассмотревшего керамику муромы (так называемый «нижнеокский очаг керамических традиций») на фоне материалов могильников Окско-Сурского междуречья, относящихся преимущественно к различным локальным группам мордвы [Гришаков, 1993].

Со времени исследования В. В. Гришакова археологические источники по истории муромы существенно пополнились, во многом благодаря раскопкам Института археологии РАН на Подболотьевском могильнике в 2012–2014 гг. Кроме того, получили серьезное развитие новые методы изучения древней керамики как источника по истории населения, преимущественно с позиций историко-культурного подхода к изучению древнего гончарства [Бобринский, 1978; Актуальные проблемы..., 1999; Цетлин, 2012; 2017]. Благодаря этому стало возможным вновь обратиться к изучению керамики муромы для решения вопросов, связанных с культурной и этнической историей этого племени.

К настоящему времени наиболее полно с позиций историко-культурного подхода изучены гончарные традиции муромы в сфере придания сосудам определенной формы. Основные результаты данного исследования отражены в ряде статей и диссертации [Холошин, 2019; 2020а; 2020б]. Кроме того, технико-технологический анализ глиняных сосудов из Подболотьевского могильника позволил реконструировать традиции муромских гончаров, относящиеся к подготовительной стадии гончарной технологии, а именно навыки отбора исходного сырья и составления формовочных масс. В данной статье будут изложены основные результаты историко-культурного анализа форм сосудов и навыков составления формовочных масс. Взаимная проверка выводов, сделанных на основании изучения разных аспектов гончарства, позволяет более доказательно подходить к вопросу о культурном составе населения, оставившего данные могильники.

Результаты изучения форм сосудов

Источниками для изучения традиций придания сосудам формы у муромского населения послужили 679 условно целых сосудов, происходящих из 12 муромских могильников (Подболотьевского, Малышевского, Чулковского, Максимовского, Пятницкого, Корниловского, Муромского, Александровского, Ефановского, Казневского, Хотимльского, Кочкинского).

Для изучения динамики гончарных традиций во времени были привлечены данные об относительной хронологии погребений. Наиболее полная периодизация погребений муромских могильников изложена в монографии В. В. Бейлекчи [2005] и основана на вещах-«хроноиндикаторах». О. В. Зеленцова и С. И. Милованов уточнили датировки погребений Подболотьевского могильника из новых раскопок [Зеленцова, Милованов, 2021].

Анализ форм сосудов, в соответствии с методами историко-культурного подхода, производился с использованием фронтальных фотографий и включал в себя три уровня: анализ общей пропорциональности (ОПП) форм, их естественной структуры и степени сформированности функциональных частей [Бобринский, 1986; Формы..., 2018].

В результате последовательного анализа было выявлено, что в среде муромских гончаров бытовали три массовых традиции по приданию сосудам определенной формы. Данные традиции отличаются на всех трех уровнях анализа, а также показывают устойчивую связь с сосудами с разным обликом внешней поверхности – лощеной, заглаженной и бугристой. В рамках статьи будет уместно привести краткие характеристики выделенных традиций.

1-я традиция. Сосуды 30–32 ступеней ОПП, двух видов конструкций: Г + Ш + ПП + Т + ОТ и Г + Щ / Ш + ПП + Т + ОТ. Сформированность функциональных частей: *Щека / Шея*: н/сф; *Шея*: н/сф-1л, н/сф-2л, н/сф-3п; *Предплечье*: н/сф-4п, н/сф-5п; *Тулово*: ч/сф-10л, ч/сф-11л.

2-я традиция. Сосуды 32–34 ступеней ОПП, трех видов конструкций: Г + ПП + Т + ОТ, Г + Щ / Ш + ПП + Т + ОТ, Г + Щ + ПП + Т + ОТ. Сформированность функциональных частей: *Щека*: н/сф-5, н/сф-6; *Щека / Шея*: н/сф; *Предплечье*: н/сф-4п, н/сф-5п, н/сф-6п, ч/сф-1п, ч/сф-2п; *Тулово*: ч/сф-9л, ч/сф-10л, п/сф-3л.

3-я традиция. Сосуды 27–30 ступеней ОПП, двух видов конструкций: Г + Ш + П / ПП + Т + ОТ и Г + Щ / Ш + П / ПП + Т + ОТ. Сформированность функциональных частей: *Щека /*

Шея: н/сф; *Шея:* н/сф-1л, н/сф-2л; *Плечо / Предплечье:* н/сф-1, н/сф-2; *Тулово:* ч/сф-11л, ч/сф-12л.

Примеры сосудов разных традиций приведены на рис. 1. В целом для сосудов 1-й и 3-й традиций характерна заглаженная или лощеная поверхность, в то время как среди сосудов 2-й традиции большинство – с бугристой поверхностью. Связь формы сосудов с различным обликом внешней поверхности подтверждает культурные отличия носителей данных традиций в отношении привычного облика посуды.

Рис. 1. Примеры глиняных сосудов разных традиций по форме (1, 2 – первая традиция; 3, 4 – вторая традиция; 5, 6 – третья традиция). Подболотьевский могильник: 1 – п. 28 № 1; 2 – п. 34 № 1; 3 – п. 114 № 3; 4 – п. 168 № 3; 5 – п. 133 № 7; 6 – п. 112 № 8

Fig. 1. Examples of clay vessels of different traditions by form (1, 2 – first tradition; 3, 4 – second tradition; 5, 6 – third tradition). Podbolotye burial ground: 1 – b. 28 no. 1; 2 – b. 34 no. 1; 3 – b. 114 no. 3; 4 – b. 168 no. 3; 5 – b. 133 no. 7; 6 – b. 112 no. 8

На основании трехчастной периодизации погребений была прослежена динамика соотношения выделенных традиций во времени (рис. 2). На раннем этапе (VI – первая половина VIII в.) первая традиция доминирует (50 %), существенную долю составляет третья (33 %), и слабо представлена вторая традиция (17 %). На среднем этапе (вторая половина VIII – IX в.) первая традиция распространяется еще шире (67 %), вторая традиция также получает некоторое распространение (26 %), третья традиция практически исчезает (7 %). Наконец, на завершающем этапе (X–XI вв.) первая и вторая традиции распространены в равной степени (45 и 44 % соответственно), незначительно присутствует третья традиция (12 %).

Изучение динамики культурного ядра и культурной периферии в области придания сосудам формы, а также взаимосвязи посуды разных традиций с различными вариантами погре-

бального обряда, оставшееся за рамками данной статьи, позволило сформулировать предположения о культурном составе муромы на разных этапах ее развития [Холошин, 2020б].

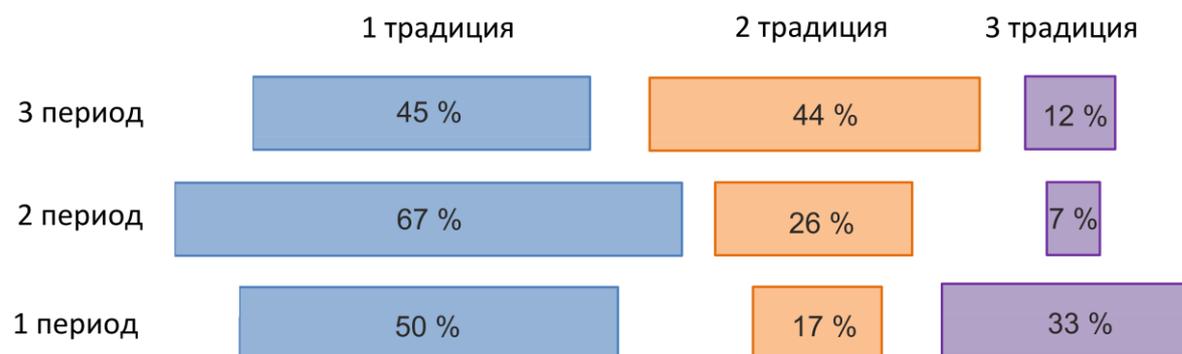

Рис. 2. Соотношение сосудов разных традиций по форме в разные периоды
Fig. 2. Relation of vessels of different traditions by form in different periods

На *первом этапе* носители нескольких близких традиций формируют основу будущего культурного ядра муромы. На *втором этапе* происходит унификация культурных традиций с преобладанием одной категории посуды 1-й традиции по форме. В то же время в среду муромы начинает проникать второй культурный компонент, связанный со 2-й традицией по форме. На *третьем этапе* происходят резкие перемены в культурном составе муромы. Вторая традиция по форме получает широкое распространение, а традиция, характерная для муромы среднего этапа, наоборот, уступает позиции. Это можно связывать с масштабным проникновением в среду муромы нового населения с отличными гончарными традициями.

Таким образом, исследование форм позволило судить, во-первых, о неоднородном культурном составе муромы на всех этапах ее истории, а во-вторых, о периоде наибольшей культурной однородности (вторая половина VIII – IX в.) и периоде размывания муромских традиций в связи с приходом нового населения (X–XI вв.). Конкретизировать эти выводы поможет изучение внутренних аспектов гончарной технологии.

Результаты изучения формовочных масс

Для изучения традиций подготовительной стадии гончарной технологии были изучены образцы от 137 сосудов, происходящих из погребений Подболотьевского могильника¹. Из них 83 сосуда происходят из погребений, датированных по вещевому инвентарю.

Анализ состоял в изучении свежих изломов образцов керамики (в том числе подвергшихся повторному обжигу при стандартной температуре 850 °С) с помощью бинокулярного микроскопа МБС-1. Для определения видов примесей и их концентрации была использована коллекция экспериментальных эталонов группы «История керамики» ИА РАН.

Среди изученных образцов зафиксировано 10 рецептов формовочных масс (см. таблицу). В качестве минеральных примесей муромские гончары использовали шамот, дресву, песок, шлак, а также органические примеси.

Шамот представлен в виде обломков глиняных сосудов, подвергшихся дроблению, размером от 0,3 до 5 мм. Добавление шамота является доминирующим навыком среди местных гончаров – он присутствует в составе формовочной массы 81 % сосудов. В 50 % сосудов ша-

¹ Благодарю О. В. Зеленцову и С. И. Милованова за помощь в работе с коллекцией сосудов из раскопок Волжской экспедиции ИА РАН 2012–2014 гг. и ценные консультации, а также В. Ю. Неупокоеву за помощь при работе с фондами Муромского историко-художественного музея.

мот является единственной минеральной примесью, в остальных случаях входит в состав смешанных рецептов – с дресвой и изредка с песком. В 36 % образцов представлен зернами преимущественно до 1 мм (мелкий шамот), в 35 % образцов – от 1 до 2 мм (средний шамот), в 28 % образцов – больше 2 мм (крупный шамот). Таким образом, навыки подготовки шамота среди местных гончаров не были монолитными. Массово зафиксированы случаи добавления в формовочную массу шамота из сосудов с другой массой или исходным сырьем.

Рецепты формовочных масс,
зафиксированные среди сосудов Подболотьевского могильника
Recipes of pottery pastes,
registered among the vessels of Podbolotye burial ground

Рецепт	Количество сосудов	
	<i>n</i>	%
Несмешанные		
Г + Д	2	1,5
Г + Д + Орг	16	11,7
Г + Ш	6	4,4
Г + Ш + Орг	62	45,1
Г + П	1	0,7
Г + П + Орг	6	4,4
Г + Шл + Орг	1	0,7
Смешанные		
Г + Д + Ш	2	1,5
Г + Д + Ш + Орг	39	28,5
Г + П + Ш + Орг	2	1,5
Всего	137	100,0

Дресва представлена обломками зернистых кристаллических горных пород, преимущественно кварц-полевошпатного состава, размером от 0,2 мм до 1 см. Присутствует в формовочной массе 43 % сосудов, но только в 14 % в виде несмешанного рецепта. Порядка 30 % сосудов сделаны из формовочной массы с двумя видами минеральной примеси – шамотом и дресвой. Преобладают сосуды с мелкой дресвой² (53 %), средняя и крупная дресва представлены примерно поровну, что свидетельствует о большем единообразии навыков подготовки дресвы, чем шамота.

Песок представлен окатанными, полуокатанными и остроугольными зернами различного минерального состава, размером 0,2–0,7 мм. Присутствует в единичных случаях, преимущественно в составе несмешанных рецептов – 5,4 % всех сосудов. В двух случаях (1,5 %) выявлен смешанный рецепт с песком и шамотом.

Шлак. Необходимо упомянуть о единственном сосуде с дробленным металлургическим шлаком в составе формовочной массы. Шлак представлен уплощенными остроугольными обломками с хрупкой пузыристой структурой и характерным металлическим блеском, размером до 1 мм. Аналогичная примесь обнаружена в составе массы для льячки из этого же могильника.

Органические примеси. В составе формовочных масс 92 % сосудов присутствуют следы мелкой органики растительного происхождения, часто в незначительной концентрации,

² Здесь и далее размерные группы те же, что для шамота (см.: [Актуальные проблемы, 1999, с. 33–34]).

в единичных случаях – в более высокой концентрации. Определение видов органической примеси, которую использовали муромские гончары, представляет пока не решенную задачу.

Таким образом, среди гончаров муромы наиболее распространенным является рецепт формовочной массы с глиной, шамотом и органикой (около половины). Второй по распространенности рецепт – с глиной, шамотом, дресвой и органикой (около трети). Наконец, третий по массовости рецепт – глина, дресва, органика ($1/7$). Можно предполагать, что формирование культурного ядра муромского гончарства связано со смешением носителей двух чистых традиций, доминировала шамотная традиция, рецессивной была дресвяная.

Сопоставление размера минеральной примеси с условным обликом внешней поверхности показало устойчивую связь между ними: в формовочной массе сосудов с бугристой поверхностью преобладают шамот или дресва крупного (55 %) и среднего (38 %) размера, а мелкие фракции представлены лишь в 7 % образцов. Сосуды с заглаженной поверхностью, напротив, изготавливались из формовочной массы преимущественно с мелким (50 %) и средним (33 %) шамотом или дресвой, а зерна крупной фракции встречены в 17 % сосудов. Наконец, сосуды с лощеной поверхностью в 41 % случаев имеют мелкую примесь, в 55 % – среднюю, и лишь в 3 % встречена крупная. Это подтверждает высказанное ранее предположение, что за разным внешним обликом поверхности изделия стоят различные трудовые навыки, применявшиеся в процессе его изготовления, а следовательно, и различные гончарные традиции [Холошин, 2020а, с. 262–263].

Конкретизируем наблюдения за навыками составления формовочных масс, используя внешние данные об относительной хронологии погребений – те же, что были привлечены при изучении форм. К сожалению, образцы сосудов из самых ранних погребений оказались недоступны для анализа, поэтому количественно сравнить удалось только материалы погребений второго и третьего периодов (рис. 3).

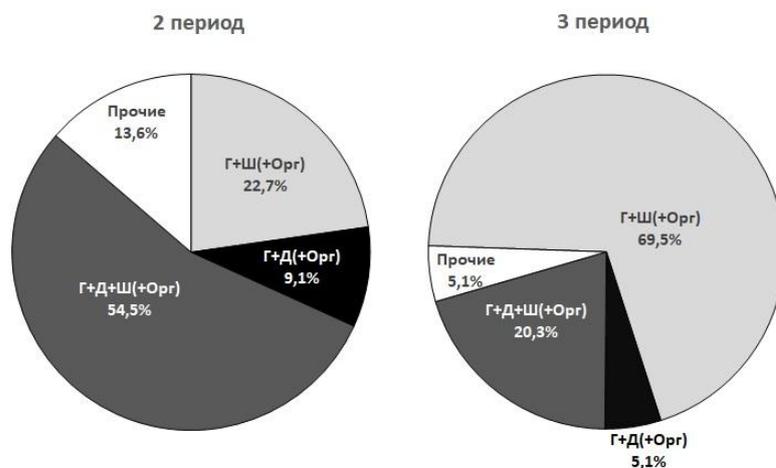

Рис. 3. Соотношение основных рецептов формовочных масс в разные периоды
Fig. 3. Relation of the basic recipes of pottery pastes in different periods

Обратимся к материалам *второго периода*. Несмешанные³ рецепты с шамотом составляют здесь 23 %, несмешанные рецепты с дресвой – 9 %, а доминирует как раз смешанный рецепт с шамотом и дресвой – 54 %. Более детальный анализ концентрации минеральной примеси позволил выделить рецепты, где дресва значительно преобладала над шамотом

³ Под несмешанными здесь и далее понимаются рецепты с одним видом минеральной примеси, а под смешанными – с двумя (ср.: [Бобринский, 1978, с. 98]).

в составе массы, где преобладал, наоборот, шамот, а где содержание шамота и дресвы было примерно равным. Итак, среди материалов второго периода 23 % сосудов сделано из формовочной массы с преобладанием дресвы над шамотом, 18 % – шамота над дресвой, и только 13 % с равным их соотношением.

Можно сделать вывод, что смешанные рецепты с дресвой и шамотом преобладают на среднем этапе развития культуры, при этом дресва в этих смешанных рецептах слабо доминирует. Однако имеется значительная доля гончаров, которые делают посуду с одним шамотом, без дресвы. Вероятно, они представляют особую в культурном отношении группу населения.

В *третьем периоде* происходит резкое увеличение доли сосудов с «чистым» рецептом с шамотом до 70 %. Сосуды с дресвой в качестве единственной минеральной примеси практически исчезают (5 %), а сосудов со смешанным рецептом оказывается лишь 20 %, при этом среди них доминируют варианты с существенным преобладанием шамота над дресвой.

Подобная картина свидетельствует об изменении тенденций, зафиксированных на предыдущем этапе. В результате естественных процессов культурного смешения в среде местных муромских гончаров следовало ожидать дальнейшего увеличения доли смешанных рецептов с дресвой и шамотом. По всей видимости, здесь имело место появление в среде муромы большого количества нового населения с шамотной традицией, существенно изменившего культурный состав муромы.

Этот вывод в общем перекликается с результатами, полученными из анализа форм сосудов: на 1 и 2 этапах среди муромы происходят процессы культурного смешения, которые приводят к большей однородности традиций придания сосудам формы. Это соответствует доминированию смешанного рецепта формовочной массы с дресвой и шамотом, за которым угадываются две предшествующие чистые традиции, также выявленные среди материалов памятника. Что касается третьего этапа, то результаты анализа форм позволяют говорить о существенном изменении культурного состава муромы, связанном с приходом нового населения (широкое распространение второй традиции по формам). Это соответствует резкой смене доминирующего рецепта формовочной массы на чистый шамотный.

Совмещение данных о двух аспектах гончарства

Для конкретизации выявленных процессов требуется сопоставить навыки составления формовочных масс с навыками придания сосудам формы. В рамках статьи будут изложены, во-первых, результаты анализа общей пропорциональности сосудов, сделанных из разных формовочных масс, а во-вторых, результаты анализа формовочных масс сосудов разных традиций по формам.

Обратимся к распределению форм по общей пропорциональности для сосудов из глины с дресвой. Средние / низкие формы составляют 79 %, пик приходится на 30–31 ступени, что полностью соответствует традициям муромы раннего и среднего этапов, можно сказать, классической муроме. К средним формам относится 21 % сосудов.

Сосуды из глины с шамотом распределяются иначе: только 52 % относятся к средним / низким формам, а 48 % – к средним формам. Это действительно характерно для муромских традиций третьего этапа. Наконец, сосуды из формовочной массы смешанного рецепта (Г + Д + Ш (+ Орг)) демонстрируют распределение, среднее между двумя чистыми рецептами (60 и 40 %).

Еще более понятную картину дает сопоставление рецептов формовочных масс с традициями по форме (рис. 4).

Первая традиция по форме доминирует на втором этапе и составляет культурное ядро муромского гончарства. Сосуды этой традиции в 35 % случаев сделаны из массы с дресвой и шамотом, причем преобладать могут как шамот, так и дресва, в 30 % случаев – только с шамотом, в 25 % случаев – только с дресвой.

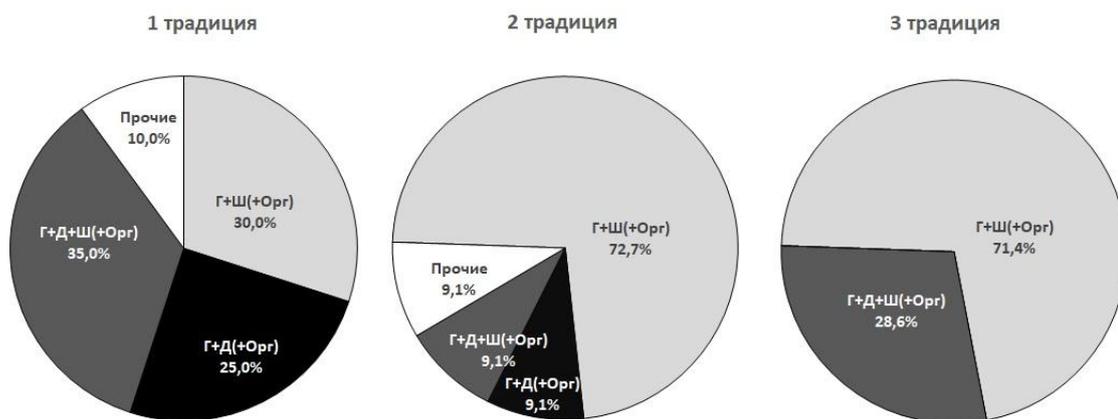

Рис. 4. Соотношение основных рецептов формовочных масс среди сосудов разных традиций по форме
 Fig. 4. Relation of the basic recipes of pottery pastes among vessels of different traditions by form

Вторая традиция по форме, появляющаяся на втором этапе, но резко распространяющаяся на третьем, демонстрирует вполне ожидаемую связь с шамотной традицией: 73 % сосудов с шамотом, 9 % с дресвой и еще 9 % с шамотом и дресвой, где шамот преобладает.

Наконец, третья традиция по форме, самая малочисленная, слабо связана с навыком добавления дресвы: 71 % сосудов только с шамотом, 29 % с шамотом и дресвой, где шамот преобладает.

Заключение

Сопоставление данных о гончарной технологии с результатами анализа форм сосудов позволило прийти к конкретным выводам об изменениях в культурном составе муромы.

Во-первых, оба аспекта свидетельствуют об изначальной неоднородности муромского культурного ядра. В отношении составления формовочных масс среди муромских гончаров среднего этапа (вторая половина VIII – IX в.) преобладает смешанный рецепт Г + Д + Ш + Орг. Именно этот рецепт доминирует среди сосудов 1-й традиции по форме, самой распространенной среди муромы с VI по IX в. Среди сосудов этого этапа зафиксированы также два чистых рецепта – с шамотом и с дресвой, – традиции, которые могли вступить в процессы смешения в предшествующее время. Традиция добавления дресвы на этом этапе также связана с типичными для муромы формами. Нужно отметить, что среди окружения муромы эта традиция составления формовочных масс доминирует у племени меря⁴ – северных соседей муромы, а среди мордовских племен, по данным В. В. Гришакова [1993, с. 115], на памятниках Безводнинского типа. Именно эти культурные группы оказались наиболее близки к муромским в плане традиций создания форм [Холошин, 2020б, с. 140].

На третьем этапе (X–XI вв.) начинает резко доминировать рецепт с шамотом, вытесняя рецепты с добавлением дресвы. Этот рецепт связан с более высокими формами 2-й традиции, которые также получают распространение именно в это время. Оба аспекта маркируют появление нового в культурном отношении населения. Традиции добавления шамота тесно связаны с мордовским гончарством – так, рецепт с Г + Ш + Орг является чуть ли не единствен-

⁴ Благодарю А.Е. Леонтьева за возможность изучить керамику мерянского городища Выжегша

ным у притешской мордвы, наиболее близкой к муроме географически и также показавшей сходство с ней в плане форм⁵.

Безусловно, эти выводы требуют дальнейшего детального изучения гончарных традиций соседних с муромой групп населения. Кроме того, привлечение данных о других ступенях гончарного производства позволит уточнить характер процессов культурного смешения среды муромы и расширить сферу выводов на вопросы внутренней хронологии ее культуры.

Список литературы

- Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: Коллективная монография / Под ред. А. А. Бобринского. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. 233 с.
- Бейлекчи В. В.** Древности Нижнего Поочья (погребальный обряд и поселения летописной муромы): Учеб. пособие. М.: Изд-во МПСИ, 2005. 275 с.
- Бобринский А. А.** Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А. А.** О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 137–157.
- Голубева Л. А.** Весь. Муром. Мордва // Финно-угры и балты в эпоху Средневековья / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука, 1987. С. 52–107. (Археология СССР)
- Горюнова Е. И.** Этническая история Волго-Окского междуречья. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 167 с. (МИА, № 94)
- Гришаков В. В.** Керамика финно-угорских племен Правобережья Волги в эпоху раннего Средневековья. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 1993. 204 с.
- Гришаков В. В., Зеленева Ю. А.** Муром VII–XI вв.: Учеб. пособие. Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 1990. 74 с.
- Ефименко П. П.** К истории западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. по археологическим источникам // СА. 1937. № 2. С. 39–58.
- Зеленева Ю. А.** Грунтовые могильники волжских финнов и некоторые проблемы этнической истории // Этногенез и этническая история марийцев. Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1988. Вып. 14. С. 79–86.
- Зеленцова О. В., Милованов С. И.** О планировке Подболотьевского могильника // Финно-угорские древности второй половины I – начала II тысячелетия н. э.: Материалы научного семинара «Подболотьевский могильник: 100 лет исследований» / Под ред. О. В. Зеленцовой. М.: ИА РАН, 2021. С. 12–28.
- История Мурома и муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века: Учеб. пособие / Отв. ред. Ю. М. Смирнов. Муром, 2001. 427 с.
- Леонтьев А. Е.** Территория летописной муромы по археологическим данным // Исследования П. Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности. Саранск, 1998. С. 14–17.
- Рябинин Е. А.** Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 260 с.
- Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход / Отв. ред. Ю. Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2018. 252 с.
- Холошин П. Р.** Планиграфический и хронологический анализ форм глиняных сосудов Подболотьевского могильника // РА. 2019. № 1. С. 60–72.
- Холошин П. Р.** Формы сосудов Мальшевского могильника // КСИА. 2020а. Вып. 258. С. 260–277.
- Холошин П. Р.** Гончарные традиции муромы по материалам могильников Нижнего Поочья VI–XI вв.: Дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 2020б. 250 с.

⁵ Результат анализа 60 сосудов могильника Стексово. Благодарю сотрудника АИХМ А.Л. Егошина за помощь в работе с коллекцией.

- Цетлин Ю. Б.** Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.
- Цетлин Ю. Б.** Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2017. 346 с.

References

- Bejlekchi V. V.** Drevnosti Nizhnego Pooch'ya (pogrebal'nyj obryad i poseleniya letopisnoj muro-my) [Antiquities of the Lower Oka (funeral rites and settlements of the chronicle Muroma)]. Manual. Moscow, MPSI Press, 2005, 275 p. (in Russ.)
- Bobrinsky A. A.** O metodike izucheniya form glinyanoy posudy iz arkhelogicheskikh raskopok [On the methodology of studying the forms of pottery from archaeological excavations]. In: Kul'tury Vostochnoj Evropy I tysyacheletiya [Cultures of Eastern Europe in the first millennium]. Kuybyshev, 1986, pp. 137–157. (in Russ.)
- Bobrinsky A. A.** (ed.). Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva [Current problems in the study of ancient pottery]. Collective monograph. Samara: SamSPU Press, 1999, 233 p. (in Russ.)
- Bobrinsky A. A.** Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniya [Pottery-making of Eastern Europe. Sources and methods of study]. Moscow, Nauka, 1978, 272 p. (in Russ.)
- Efimenko P. P. K istorii zapadnogo Povolzh'ya v pervom tysyacheletii n. e. po arkhelogicheskim istochnikam [On the History of the Western Volga Region in the First Millennium AD According to Archaeological Sources]. *Sovetskaya arkhelogiya* [*Soviet Archaeology*], 1937, no. 2, pp. 39–58. (in Russ.)
- Golubeva L. A.** Ves'. Muroma. Mordva. In: Sedov V. V. (ed.). Finno-ugry i balty v epokhu Srednevekov'ya [Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages]. Moscow, Nauka, 1987, pp. 52–107. (in Russ.) (Archaeology of the USSR)
- Goryunova E. I.** Etnicheskaya istoriya Volgo-Okskogo mezhdurech'ya [Ethnic history of the Volga-Oka basin]. Moscow, AS USSR Publ., 1961, 167 p. (in Russ.) (Materials and research on the archaeology of the USSR, № 94)
- Grishakov V. V., Zelenev Yu. A.** Muroma VII–XI vv. [Muroma in the 7th – 11th centuries]. Manual. Joshkar-Ola, MarSU Press, 1990, 74 p. (in Russ.)
- Grishakov V. V.** Keramika finno-ugorskikh plemen pravoberezh'ya Volgi v epokhu rannego Srednevekov'ya [Ceramics of the Finno-Ugric tribes of the Right Bank of the Volga in the Early Middle Ages]. Joshkar-Ola, MarSU Press, 1993, 204 p. (in Russ.)
- Kholoshin P. R.** Formy sosudov Malyshevskogo mogil'nika [Vessel shapes from the Malyshevo burial ground]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkhelologii* [*Brief communications of the Institute of Archaeology*], 2020, vol. 258, pp. 260–277. (in Russ.)
- Kholoshin P. R.** Goncharnye traditsii muromy po materialam mogil'nikov Nizhnego Pooch'ya VI–XI vv. [Pottery traditions of the Muroma based on materials from burial grounds in the Lower Oka of the 6th – 11th centuries]. Cand. Hist. Sci. Diss. Moscow, IA RAS, 2020, 250 p. (in Russ.)
- Kholoshin P. R.** Planigraficheskij i khronologicheskij analiz form glinyanykh sosudov Podbolot'evskogo mogil'nika [Planigraphic and chronological analysis of the shapes of clay vessels from the Podbolot'ev burial ground]. *Rossijskaya arkhelogiya* [*Russian Archaeology*], 2019, no. 1, pp. 60–72. (in Russ.)
- Leontyev A. E.** Territoriya letopisnoj muromy po arkhelogicheskim dannym [Territory of the annalistic Muroma according to archaeological data]. In: Issledovaniya P. D. Stepanova i etnokul'turnye protsessy drevnosti i sovremennosti [P. D. Stepanov's research and ethno-cultural processes of antiquity and modernity]. Saransk, 1998, pp. 14–17. (in Russ.)
- Ryabinin E. A.** Finno-ugorskie plemena v sostave Drevnej Rusi [Finno-Ugric tribes within Old Russia]. St. Petersburg, SPbSU Press, 1997, 260 p. (in Russ.)

- Smirnov Yu. M.** (ed.). Istoriya Muroma i muromskogo kraja s drevnejshikh vremen do kontsa dvadtsatogo veka [History of Murom and the Murom region from ancient times to the end of the twentieth century]. Textbook. Murom, 2001, 427 p. (in Russ.)
- Tsetlin Yu. B.** Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podhoda [Ancient Ceramics. Theory and methods of historical and cultural approach]. Moscow, IA RAS Publ., 2012, 384 p. (in Russ.)
- Tsetlin Yu. B.** Keramika. Ponyatiya i terminy istoriko-kul'turnogo podhoda [Ceramics. Concepts and terms of the historical and cultural approach]. Moscow, IA RAS Publ., 2017, 346 p. (in Russ.)
- Tsetlin Yu. B.** (ed.). Formy glinyanykh sosudov kak ob"ekt izucheniya. Istoriko-kul'turnyj podkhod [Shapes of clay vessels as an object of study. Historical and cultural approach]. Moscow, IA RAS Publ., 2018, 252 p. (in Russ.)
- Zeleneev Yu. A.** Gruntovye mogil'niki volzhskikh finnov i nekotorye problemy etnicheskoy istorii [The Burial Grounds of Volga Finns and Some Problems of Ethnic History]. In: Etnogenez i etnicheskaya istoriya marijtsev. Arkheologiya i etnografiya Marijskogo kraja [Ethnogenesis and Ethnic History of Mari People. Archaeology and Ethnography of the Mari Region]. Joshkar-Ola, 1988, vol. 14, pp. 79–86. (in Russ.)
- Zelentsova O. V., Milovanov S. I.** O planirovke Podbolot'evskogo mogil'nika [About the Layout of the Podbolotyevsky Burial Ground]. In: Zelentsova O. V. (ed.). Finno-ugorskie drevnosti vtoroj poloviny I – nachala II tysyacheletiya n. e. Materialy nauchnogo seminar "Podbolot'evskij mogil'nik: 100 let issledovaniy" [Finno-Ugric Antiquities of the Second Half of the I – Beginning Of The II Millennium AD. Materials of the Scientific Seminar "The Podbolotyevsky Burial Ground: 100 Years of Research"]. Moscow, IA RAS Publ., 2021, pp. 12–28. (in Russ.)

Информация об авторе

Павел Романович Холошин, кандидат исторических наук

Information about the Author

Pavel R. Kholoshin, Candidate of Sciences (History)

*Статья поступила в редакцию 15.03.2022;
одобрена после рецензирования 30.04.2022; принята к публикации 14.06.2022
The article was submitted 15.03.2022;
approved after reviewing 30.04.2022; accepted for publication 14.06.2022*

Научная статья

УДК 902/904

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-118-133

Воинское погребение эпохи Великого переселения народов из комплекса Карбан I (Северный Алтай)

Николай Николаевич Серегин¹

Михаил Александрович Демин²

Сергей Сергеевич Матренин³

^{1,3} Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия

² Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия

¹ nikolay-seregin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

² mademin52@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0954-9297>

³ matrenins@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>

Аннотация

Представлены результаты анализа материалов погребения воина, раскопанного в составе некрополя эпохи Великого переселения народов Карбан I (Северный Алтай). Основные признаки захоронения (небольшая каменная наземная конструкция овальной формы; одиночная ингумация без лошади; ориентировка человека головой в западный сектор горизонта с отклонением на север; неглубокая могильная яма) позволяют отнести данный объект к памятникам карбанской традиции обрядовой практики населения булан-кобинской археологической культуры. Морфологический анализ различных категорий сопроводительного инвентаря и их сопоставление с вещественными материалами из комплексов Центральной Азии стали основанием для определения датировки комплекса в рамках II–III вв. н. э. Установлен довольно высокий прижизненный статус умершего человека, который, судя по составу предметного комплекса, являлся профессиональным воином, относившимся к социально привилегированной группе населения сянбийского периода, хоронившей в устье р. Карбан.

Ключевые слова

Алтай, булан-кобинская культура, погребение, воин, эпоха Великого переселения народов, предметный комплекс, хронология

Благодарности

Анализ и культурно-хронологическая интерпретация комплекса осуществлены при финансовой поддержке гранта Президента РФ (МД-792.2022.2). Обработка материалов раскопок некрополя Карбан I проведена в рамках программы развития ФГБОУ ВО АлтГУ «Приоритет 2030»

Для цитирования

Серегин Н. Н., Демин М. А., Матренин С. С. Воинское погребение эпохи Великого переселения народов из комплекса Карбан I (Северный Алтай) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 7: Археология и этнография. С. 118–133. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-118-133

© Серегин Н. Н., Демин М. А., Матренин С. С., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 7: Археология и этнография. С. 118–133

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 118–133

Warrior's Burial of the Great Migration Period from the Karban I Complex (Northern Altai)

Nikolai N. Seregin¹, Mikhail A. Demin²
Sergei S. Matrenin³

^{1,3} Altai State University
Barnaul, Russian Federation

² Altai State Pedagogical University
Barnaul, Russian Federation

¹ nikolay-seregin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

² mademin52@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0954-9297>

³ matrenins@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>

Abstract

Purpose. Archaeological complexes of Altai dated by the Great Migration Period indicate a high level of militarization of nomads. According to available materials, most of the male population was involved in the military activities. In the materials of individual necropolises, burials with a representative composition of weapons are distinguished, which confirm the hierarchy among the soldiers. The article presents one of such extraordinary burials and its interpretation in the context of contemporary ideas of the ethnocultural and social history of the Altai nomads.

Results. The authors concern the features of ritual practice and the complex of finds revealed during the excavation of mound no. 39 of the Karban-I necropolis, located in Northern Altai. The recorded characteristics indicate that the object belongs to the Bulan-Koby archaeological culture. Morphological analysis of weapons, equipment, tools and their comparison with materials from the complexes of Central Asia became the basis for determining the dating of the object in the framework of the 2nd – 3rd centuries AD.

Conclusion. It has been established that the burial of kurgan no. 39 belongs to the Karban tradition, which has become widespread among the population of the Bulan-Koby culture in the Northern Altai. According to the composition of the inventory, the deceased man was a professional warrior. In addition, there is some reason to believe that he has a skill in carpentry. During his lifetime, this person belonged to a prosperous stratum of ordinary pastoralists who left the Karban I necropolis and other synchronous sites of Northern Altai.

Keywords

Altai, Bulan-Koby culture, burial, warrior, Great Migration Period, complex of finds, chronology

Acknowledgments

The analysis and cultural-chronological interpretation of the complex was supported by grant from the President of the Russian Federation (MD-792.2022.2). The processing of materials from the excavations of the Karban I necropolis was carried under the "Priority-2030" program of the Altai State University.

For citation

Seregin N. N., Demin M. A., Matrenin S. S. Warrior's Burial of the Great Migration Period from the Karban I Complex (Northern Altai). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 118–133. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-118-133

Введение

На протяжении нескольких последних тысячелетий война была одной из важных сторон истории человечества, выступая при этом эффективным способом быстрого обогащения и изменения социального статуса людей. В отдельных обществах с производящей экономикой участие в военной деятельности являлось прерогативой профессиональных воинов.

Различные аспекты развития военной сферы у населения Алтая в эпоху Великого переселения народов получили отражение в материалах погребальных комплексов булан-кобинской археологической культуры. Судя по многочисленным зафиксированным фактам наличия оружия в захоронениях, большая часть мужского населения региона в обозначенный период была вовлечена в военную деятельность. Разница качественного и количественного состава боевых средств, обнаруживаемых в погребениях, демонстрирует сложение иерархии среди воинов, которая в значительной мере определяла социальную дифференциацию и влияла на уровень материального достатка мужчин [Горбунов, 2006, с. 89–90; Серегин,

Матренин, 2020, с. 116]. Высокий уровень милитаризации кочевников Алтая, особенно во II–V вв. н. э., подтверждает достаточно большое число случаев вооруженного насилия с применением стрелкового и клинкового оружия, зафиксированного в виде скелетных травм, сопутствующих смерти мужчин [Тур и др., 2018].

Формирование группы профессиональных воинов у населения Алтая эпохи Великого переселения народов наглядно демонстрируют материалы отдельных некрополей, в составе которых выделяются неординарные захоронения с представительным составом предметов вооружения. В настоящей статье представлен один из таких объектов, раскопанный на памятнике Карбан I в Северном Алтае.

Характеристика источников

Погребально-поминальный комплекс Карбан I расположен в Чемальском районе Республики Алтай, на левом берегу р. Катунь, в 1,7 км к северо-западу от с. Куюс (рис. 1). Памятник был открыт в 1983 г. М. Т. Абдулганеевым в ходе проведения разведочных работ в зоне затопления проектируемой Катунской ГЭС. В 1989–1990 гг. данный комплекс частично раскопан археологической экспедицией Барнаульского государственного педагогического института (ныне Алтайский государственный педагогический университет) под руководством М. А. Демина. В результате раскопок было установлено, что на территории данного памятника располагались погребальные сооружения, относящиеся к разным периодам эпохи поздней Древности и Средневековья (раннесакское, скифское, сяньбийское, тюркское время), компактно локализованные на участке площадью примерно один гектар. Самой многочисленной группой среди них оказались курганы булан-кобинской культуры, представленные 22 объектами (см. [Серегин и др., 2021] и др.). Они образовывали несколько рядов из примыкавших друг к другу насыпей, выстроенных в широтном направлении. Одно из таких скоплений, локализованное на северной оконечности некрополя, включало непотревоженное захоронение воина, выделявшееся отдельными характеристиками обрядовой практики и разнообразным сопроводительным инвентарем.

Рис. 1. Расположение памятника Карбан I
Fig. 1. Location of the Karban I site

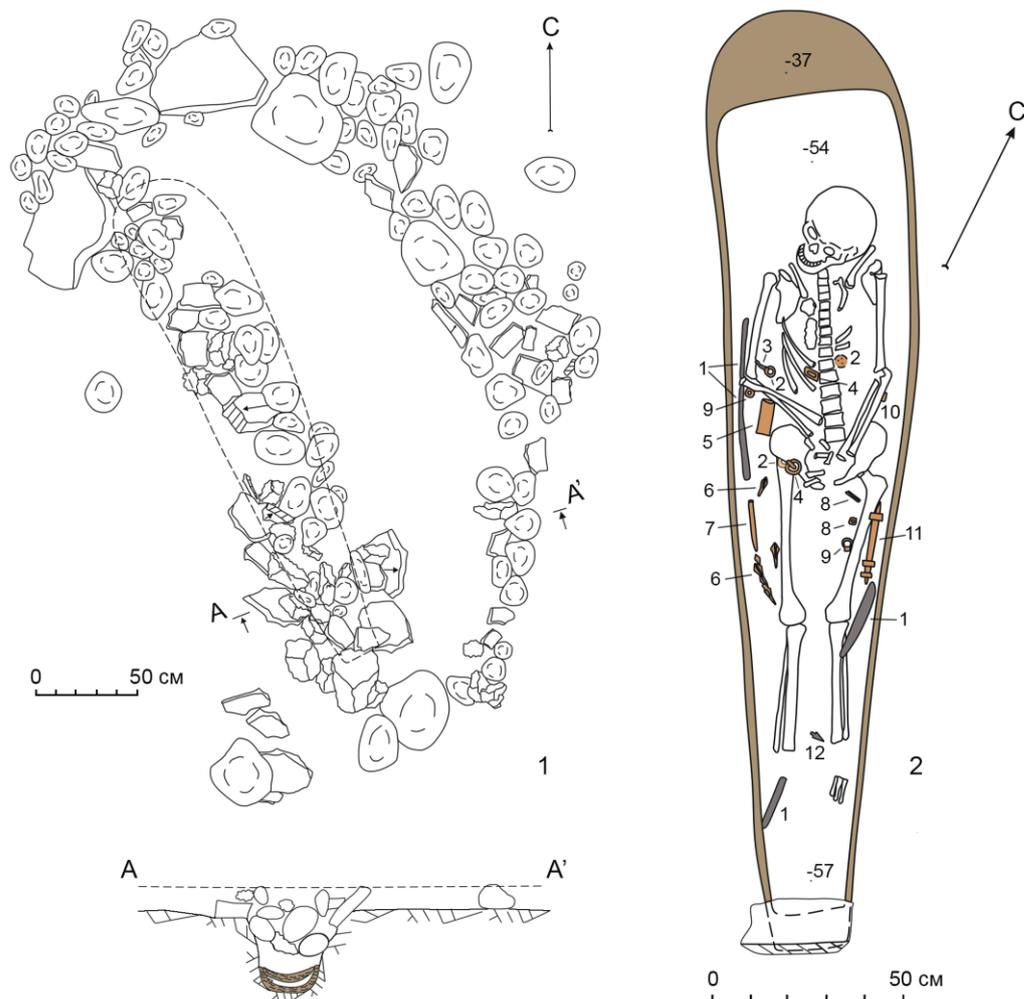

Рис. 2. Курган № 39 некрополя Карбан I: 1 – план и разрез насыпи кургана; 2 – план могилы (1 – роговые накладки на лук; 2 – железный кольцевой «блок»; 3 – костяной предмет; 4 – железная пряжка; 5 – железное тесло; 6 – железный наконечник стрелы; 7 – железный нож; 8 – железная бляха-накладка; 9 – железная бляха с подвижным кольцом; 10 – железная бляха с неподвижным кольцом; 11 – железный боевой нож в ножнах; 12 – костяной наконечник стрелы)

Fig. 2. Mound no. 39 of the Karban I necropolis: 1 – plan and section of the burial mound; 2 – plan of the grave (1 – horn lining on the bow; 2 – an iron ring “block”; 3 – bone object; 4 – iron buckle; 5 – iron adze; 6 – iron arrowhead; 7 – iron knife; 8 – iron plate-overlay; 9 – iron plate with a movable ring; 10 – iron plate with a fixed ring; 11 – iron combat knife in a scabbard; 12 – bone arrowhead)

Курган № 39 являлся средним в вытянутом с северо-запада на юго-восток ряду из трех объектов. Юго-восточным краем он примыкал к кургану № 40, а северо-западным – к расположенной за пределами раскопа насыпи без номера, у которого был расчищен лишь небольшой участок вдоль юго-восточной полы. Установлено, что валуны, имеющие отношение к конструкции кургана № 39, в местах соприкосновения с соседними объектами перекрывали крайние плиты их каменных конструкций. Учитывая данное стратиграфическое наблюдение, логичным будет сделать вывод о том, что курган № 39 возведен несколько позднее. Сохранившееся надмогильное сооружение представляло собой овальную выкладку из средних и небольших камней длиной 3,7 м и шириной 2,5–3 м, вытянутую по линии северо-запад – юго-восток (рис. 2, 1). Внутри выкладки расчищена гряда камней, лежавших в два-три слоя мощностью около 0,25 м. Ниже, в песчаном горизонте ярко-коричневого оттенка зафик-

сирован тлен верхней части деревянной колоды. Данная конструкция (ее параметры – $2,6 \times 0,55 \times 0,2$ м) имела трапециевидную форму и ориентировку продольной оси с северо-запада на юго-восток. Толщина торцевых стенок у юго-восточного края составляла 0,1 м, у северо-западного края – 0,2–0,23 м, толщина боковых стенок – 0,02–0,03 м. На юго-восточной оконечности колоды с наклоном в 45° лежала каменная плитка размером $28 \times 16 \times 4$ см. На дне данной камеры на отметке 0,37 м от поверхности древнего горизонта обнаружен скелет взрослого мужчины в анатомическом порядке, в положении вытянуто на спине, черепом ориентированный на северо-запад (рис. 2, 2). Руки покойного были немного согнуты в локтях, запястья лежали в области живота.

С умершим зафиксирован достаточно многочисленный сопроводительный инвентарь. От лука сохранились семь роговых накладок (рис. 3): пара длинных концевых у правой руки, пара более коротких концевых накладок в районе правой стопы, две срединные боковые и тыльная накладки в сочленении около левого колена. Вдоль правого бедра человека расчищены восемь железных трехлопастных наконечников стрел, обращенных остриями вверх (рис. 4, 1–8). Под этим скоплением найдены плохо сохранившиеся бронзовые бляхи округлой формы (рис. 5, 12–14). Вдоль левого бедра лежал железный длиннолезвийный нож в деревянных ножнах с тремя железными оковками (рис. 4, 10–13). Еще один железный нож меньшего размера (рис. 5, 16) обнаружен у правого бедра рядом с железными наконечниками. Между правым предплечьем и правым крылом таза умершего человека найдено железное тесло (рис. 5, 17). Единственный костяной наконечник стрелы (рис. 4, 9) обнаружен между ног, в нижней части голеней.

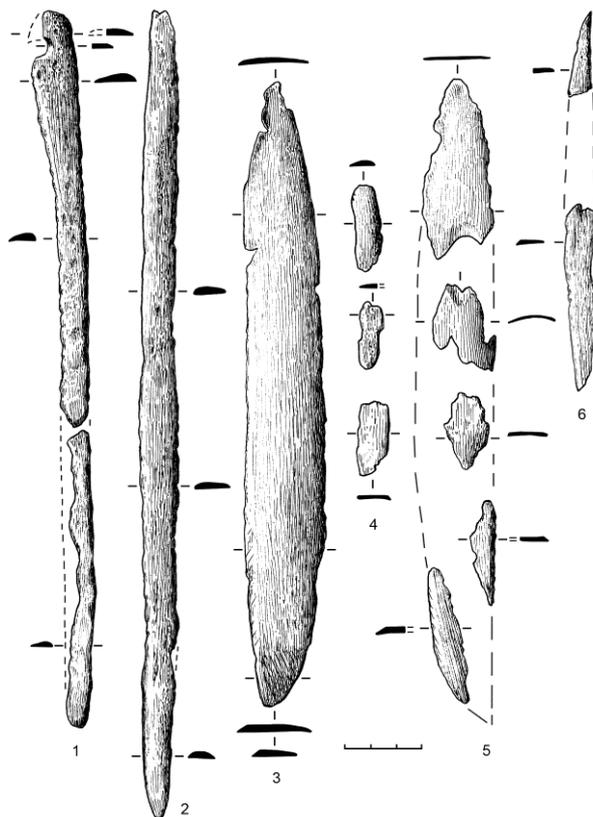

Рис. 3. Роговые накладки сложносоставного лука из погребения кургана № 39 некрополя Карбан I
 Fig. 3. Horn onlays of a composite bow from burial mound no. 39 of the Karban I necropolis

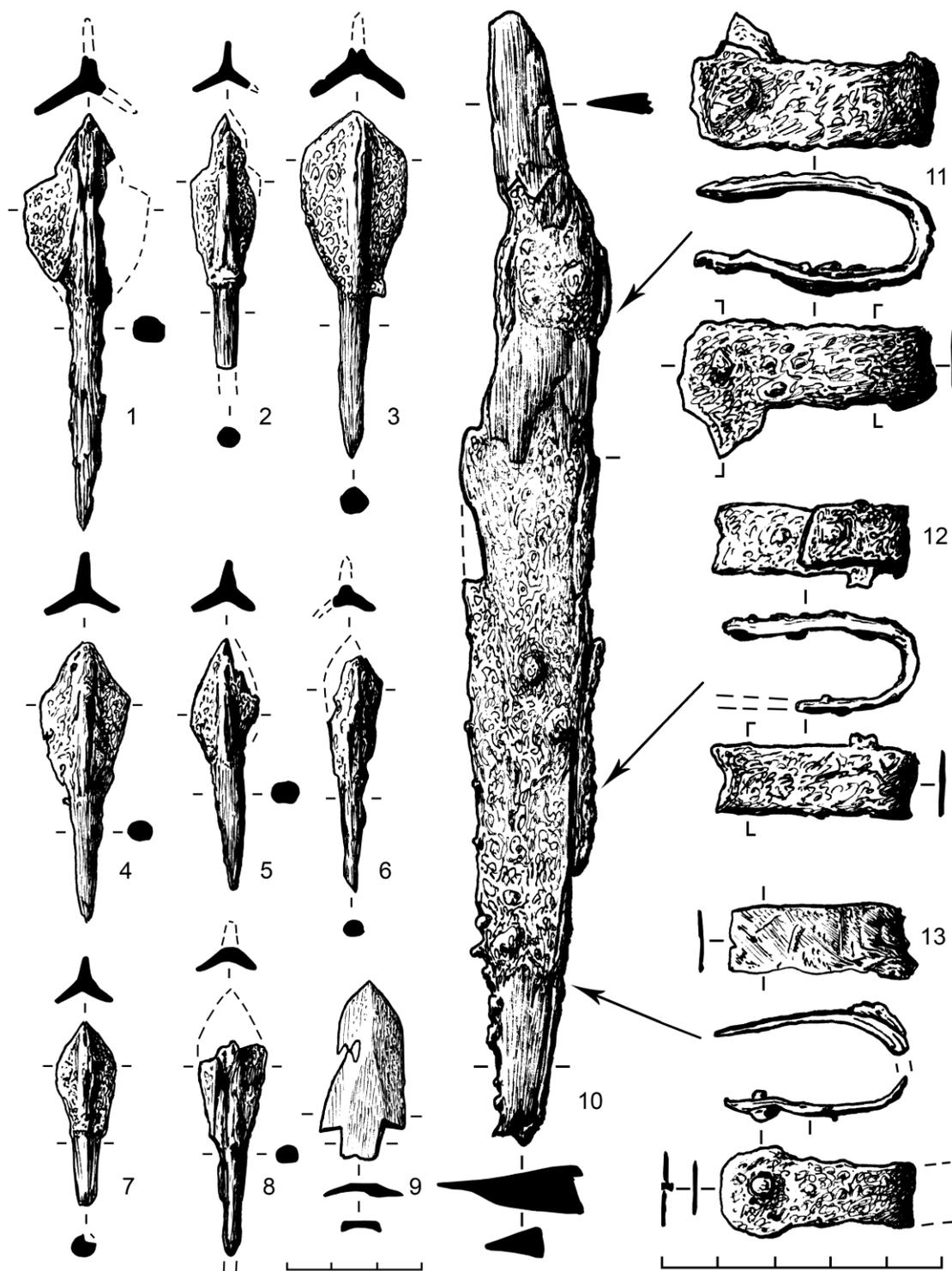

Рис. 4. Наконечники стрел и боевой нож с деталями ножен из погребения кургана № 39 некрополя Карбан I: 1–8, 10–13 – железо; 9 – кость
 Fig. 4. Arrowheads and a combat knife with details of the scabbard from the burial of mound no. 39 of the Karban I necropolis. 1–8, 10–13 – iron; 9 – bone

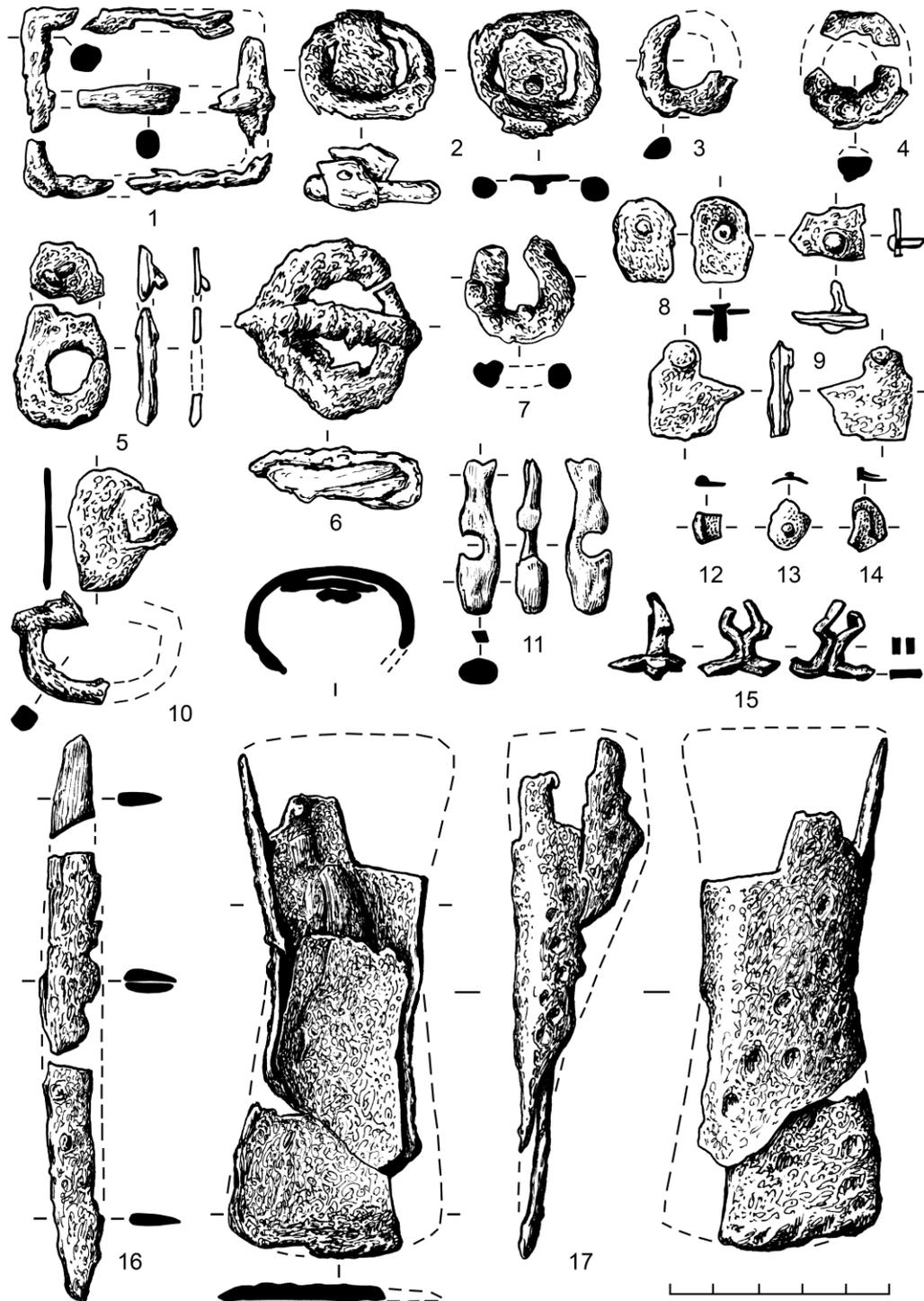

Рис. 5. Предметы снаряжения и орудия труда из погребения кургана № 39 некрополя Карбан I:
1–10, 15–17 – железо; 11 – кость; 12–14 – цветной металл

Fig. 5. Equipment and tools from the burial of mound no. 39 of the Karban I necropolis:
1–10, 15–17 – iron; 11 – bone; 12–14 – non-ferrous metal

Значительная часть выявленных железных предметов связана со снаряжением. На ребрах правой половины грудной клетки ближе к позвоночнику обнаружена прямоугольная поясная пряжка (рис. 5, 1). Около правого локтя лежала бляха-полуобойма с подвижным кольцом (рис. 5, 2), рядом с которой зафиксирован костяной предмет, являвшийся, по-видимому, застежкой (рис. 5, 11). В восьми сантиметрах от бляхи обнаружен кольцевой «блок» (рис. 5, 3). Похожий экземпляр расчищен под скелетом точно по центру спины (рис. 5, 4). Под левым предплечьем расположена бляха с неподвижным кольцом (рис. 5, 5), а на правом крыле таза – овальная пряжка (рис. 5, 6). Рядом с последней найден кольцевой «блок» (рис. 5, 7). С внутренней стороны левого бедра встречены обломки двух блях в виде прямых пластина-накладок разного размера со шпеньковым креплением (рис. 5, 8–9), а также бляха-полуобойма с подвижным кольцом (рис. 5, 10). При разборке скелета под костями таза найдено железное крепление-пробой (рис. 5, 15).

Анализ материалов

Зафиксированные характеристики погребального обряда (локализация в цепочке тесно сгруппированных насыпей; слабо выделявшееся на поверхности каменное наземное сооружение с каменной выкладкой в основании; неглубокая могильная яма с отвесными стенками; одиночное труположение вытянуто на спине, головой в северо-западный сектор горизонта) демонстрируют принадлежность кургана № 39 к памятникам булан-кобинской археологической культуры. Изучение полученных материалов позволяет сделать ряд заключений относительно особенных признаков исследованного захоронения в сравнении с другими известными погребальными объектами обозначенной общности. Прежде всего необходимо отметить, что наземная конструкция кургана № 39 представляла собой многорядное каменное кольцо из мелкого галечника без каменного заполнения внутреннего пространства. В материалах некрополей Алтая последней четверти I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э. факты отсутствия насыпи являются большой редкостью [Серегин, Матренин, 2016, с. 29–30]. Для большинства таких случаев можно предполагать, что каменные кольца первоначально обрамляли невысокий земляной холмик, который со временем провалился в могильную яму [Соенов и др., 2018, с. 29; Тишкин и др., 2018, с. 166]. Вопрос о причинах возведения таких «незаконченных» курганов остается пока открытым. Показательно, что у публикуемого объекта кольцо отличалось от крепид из крупных булыжников и плит, выявленных практически у всех других курганов булан-кобинской культуры, исследованных на могильнике Карабан I.

Своеобразной чертой публикуемого комплекса является погребальная камера в виде деревянной колоды. Такая разновидность внутримогильных конструкций фиксируется довольно редко (менее 5 %) в обрядовой практике населения Алтая на разных этапах развития булан-кобинской культуры [Серегин, Матренин, 2016, с. 38]. Колоды зафиксированы в ходе раскопок ряда комплексов (см. [Сорокин, 1977, рис. 3–4; Бобров и др., 2003, рис. 19; Мамадаков, 1990, с. 58] и др.). При этом они количественно преобладали в материалах некрополей южной и юго-восточной частей региона, датирующихся II – 1-й половиной IV в. н. э., и весьма редки на территории Северного Алтая.

В захоронении кургана № 39 обнаружен довольно многочисленный сопроводительный инвентарь, представленный предметами вооружения, снаряжения и орудиями труда. Морфологический анализ изделий и их сопоставление с известными вещественными материалами из других некрополей Алтая II в. до н. э. – V в. н. э., а также синхронных памятников Центральной и Северной Азии позволяют установить время сооружения объекта.

Комплекс вооружения включал средства ведения дальнего (лук и стрелы с железными наконечниками) и ближнего (длиннолезвийный нож) боя.

Составной лук лежал на покойном и, судя по найденным роговым накладкам, был с длинной (не менее 140 см) кибитью, усиленной семью пластинами: двумя верхними и двумя ниж-

ними концевыми боковыми, тремя срединными (пара боковых и одна тыльная). Луки такой конструкции появились на Алтае во II в. до н. э. под влиянием хуннской военной традиции и активно применялись до V в. н. э. включительно [Горбунов, 2006, с. 23]. Концевые длинные накладки из тонких и достаточно узких (до 1,5 см) плавно изогнутых по дуге пластин (см. рис. 3, 1, 2, 6) воспроизводят хуннские образцы и не имеют признаков, значимых для их более точной хронологической атрибуции. Большая длина (28,7 и 32,2 см) роговых пластин на верхнее плечо свидетельствует об асимметричности кибити.

Показательными являются срединные боковые накладки с сегментовидным абрисом (см. рис. 3, 3, 5), имеющие длину 25 см и максимальную ширину 3 см. В Центральной Азии такое оформление рукоятей луков получило широкое распространение у хунну Монголии и Забайкалья во II в. до н. э. – I в. н. э., а также у кочевников Тувы в конце I в. до н. э. – начале III в. н. э. (см. [Коновалов, 1976, табл. III–V; Худяков, 1986, рис. 3, 1–7; Николаев, 2001, с. 81–82, табл. 77, 1; 94, 2; 95, 1–2; 114, 3; 118, 10; 120, 6; Хүннүгийн Өв, 2011, зур. 234, 235] и др.). В булан-кобинской культуре срединные боковые накладки сегментовидной формы удлинённых пропорций происходят из комплексов, датированных преимущественно в рамках II в. до н. э. – I в. н. э. и реже II – 1-й половины IV в. н. э. (см. [Сорокин, 1977, рис. 10, 6; Мамадаков, 1990, рис. 80–81; Соенов, Эбель, 1992, рис. 22] и др.). Срединная тыльная накладка сохранилась в обломках (см. рис. 3, 4), судя по которым ее длина была существенно меньше, чем у срединных боковых пластин.

Железные наконечники стрел представлены восьмью экземплярами. Принимая во внимание их компактную локализацию у правого бедра умершего человека, можно полагать, что предметы находились в колчане, горловина которого была украшена тремя бронзовыми бляхами округлой формы со шпеньковым креплением (см. рис. 5, 12–14). Все наконечники имеют черешковый насад и трехлопастное перо с различным абрисом. Хронологически показательными являются ярусные изделия хуннской традиции с малой верхней частью пятиугольной или треугольной формы, переходящей в нижний ярус с асимметрично-ромбическим контуром (см. рис. 4, 1, 2, 4). Выступая одним из «этнографических» элементов материальной культуры хунну, они получили распространение у населения Алтае-Саянского региона не ранее II в. н. э. [Николаев, 2001, с. 78; Горбунов, 2006, с. 38]. «Ярусники» из кургана № 39 некрополя Карбан I, по-видимому, генетически связаны с подобными находками из памятников хунну Монголии и Забайкалья [Коновалов, 1976, табл. II, 17–23; Худяков, 1986, рис. 5, 7, 15, 24; Төрбат et al., 2003, т. 204, зур. 2; Хүүннүгийн Өв, 2011, зур. 238, 256; 239, 360]. Более поздние аналогии им известны в комплексах вооружения сяньби Внутренней Монголии (конец I – начало III в. н. э.), «кокэльецев» Тувы (2-я половина III – IV в. н. э.) и населения юга Западной Сибири (2-я половина III – V в. н. э.) [Худяков, 1986, с. 70–71, рис. 26, 1–8; Ширин, 2003, табл. LXXXVIII, 14–15; Могильник Дундацзин, 2004, рис. 19, 4]. На Алтае такие ярусные наконечники без упора преобладают в погребениях булан-кобинской культуры, относящихся ко II – 1-й половине IV в. н. э., и крайне редко фиксируются в объектах, датированных 2-й половиной IV – 1-й половиной V в. н. э. [Соенов, Эбель, 1992, рис. 4, 7; 39, 7; Бобров и др., 2003, рис. 26, 3, 4; Горбунов, 2006, с. 29, 38, рис. 23, 4, 24; Тишкин и др., 2018, рис. 6, 1; 8, 13; Серегин и др., 2020, рис. 2, 8]. Трехлопастные изделия с ромбическим и асимметрично-ромбическим пером без упора (см. рис. 4, 3, 5, 6–8) известны на территории Алтая со II в. н. э. и представляли собой широко распространенную модификацию наконечников стрел на протяжении сяньбийского и жужанского периодов [Горбунов, 2006, с. 29–30, 38–39; Тишкин и др., 2018, с. 49, 54; Серегин и др., 2020, с. 107–108].

Боевой нож располагался вдоль левого бедра мужчины. Данный образец режуще-колющего оружия имеет однолезвийный треугольный в сечении клинок длиной 16,3 см, максимальной шириной 2,5 см, с острым окончанием и слегка выгнутой спинкой, переходящий в наклонную рукоять без перекрестия и навершия (см. рис. 4, 10). Подобные боевые ножи получили распространение на Алтае в начале I тыс. н. э. и отражали влияние поздних хуннских или раннесяньбийских военных традиций. У «булан-кобинцев» они выступали эффек-

тивным средством ведения ближнего боя во II–V вв. н. э. [Тишкин и др., 2018, с. 58–59]. Публикуемый предмет был помещен в деревянные ножны, скрепленные в разных местах тремя железными оковками в виде согнутых в полуобойму пластин (см. рис. 4, 11–13). Судя по особенностям расположения, нож носился в них вертикально. Конструктивно близкие футляры известны на Алтае со II в. н. э. Наиболее часто они встречаются в снаряжении воинов во 2-й четверти I тыс. н. э., но при этом снабжены железными цепочками и другими деталями крепления [Матренин, 2017, с. 17–25].

*Снаряжение человека*¹. В погребальном инвентаре мужчины из кургана № 39 зафиксированы железные ременные гарнитуры, расположение которых свидетельствует об их принадлежности к двум наборным поясам. «Верхний» пояс лежал в области живота и состоял из прямоугольной пряжки с подвижным язычком (см. рис. 5, 1), блях-накладок в виде полуобоймы с подвижным кольцом (см. рис. 5, 2) и прямой пластины с неподвижным кольцом (см. рис. 5, 5), а также пары кольцевых «блоков» (см. рис. 5, 3, 4). «Нижний» пояс находился в области тазовых костей и левого бедра человека. В могилу он, по-видимому, был помещен в расстегнутом виде. Данный комплект включал подвижноязычковую пряжку с овальной рамкой (см. рис. 5, 6), кольцевой «блок» (см. рис. 5, 7), две бляхи-накладки четырехугольной формы со шпеньковым креплением (см. рис. 5, 8, 9) и одну бляху-накладку в виде полуобоймы с подвижным кольцом (см. рис. 5, 10). Судя по имеющимся многочисленным аналогиям из погребальных комплексов булан-кобинской культуры, зафиксированные наборные пояса относятся ко II–V вв. н. э. [Матренин, 2017, с. 31, 43, 64, 66, 75, 94–95, 111; Тишкин и др., 2018, с. 98–99].

Орудия труда представлены единичными вещами, предназначенными для осуществления производственной деятельности и решения бытовых задач.

Костяной наконечник стрелы входил в состав охотничьего инвентаря. В погребении он находился отдельно от помещенных в колчан железных наконечников. Рассматриваемое изделие имеет черешковый насад и линзовидное (дуговидное) в сечении заостренное перо (размеры 3,4 × 1,8 см) пятиугольной формы с вогнутыми плечиками-шипами (см. рис. 4, 9). Данный экземпляр, по-видимому, является производным от похожих по абрису ромбовидных в сечении наконечников, известных на Алтае уже в хуннское время (II в. до н. э. – I в. н. э.), а также встречающихся в сянбийский период (II – 1-я половина IV в. н. э.) [Мамадаков, 1990, рис. 15, 4; 26, 5, 6; 66, 6].

Железный нож располагался вдоль правого бедра человека. Это фрагментированное изделие с черешковой рукоятью и коротким (около 10 см) однолезвийным клинком, имеющим треугольное поперечное сечение и слегка выгнутую спинку (см. рис. 5, 16). В Центральной Азии железные бытовые ножи такой конструкции впервые появились у хунну [Жоновалов, 1976, табл. XVI, 3, 8, 9; Төрбат et al., 2003, t. 209, зур. 7; t. 235, зур. 2]. У населения Алтая подобные полифункциональные изделия характеризуют предметный комплекс кочевников II–V вв. н. э. (см. [Соенов, Константинова, 2015, с. 20–21, рис. 5; Тишкин и др., 2018, с. 126, табл. 36, 37] и др.).

Железное тесло найдено у правого предплечья умершего человека, рядом с костями таза. Общая длина орудия составляет 9,7 см, из которых почти половина приходится на не сомкнутую втулку (внутренние размеры 3,8 × 2,6 см) для деревянной рукояти. Втулка плавно переходит в лезвие длиной 4 см, шириной 5 см с расширяющимся дуговидным краем (см. рис. 5, 17). Тесла традиционно рассматриваются как специализированные инструменты плотницкого дела, хотя вполне понятно, что возможности их использования несколько ши-

¹ Под снаряжением человека авторы понимают комплект приспособлений, предназначенных для ношения личного оружия, средств защиты, орудий труда и иных вещей, а также запасов продовольствия. Главным его элементом выступает поясной ремень, служащий для затягивания на теле человека верхней одежды, к которому крепятся портупейные ремешки, разная функциональная и декоративная гарнитура (пряжки, застежки, бляхи, распределители, наконечники, блоки, цепочки и др.) и футляры (ножны, колчаны, налучья, сумочки и пр.) [Матренин, 2017, с. 3].

ре [Нестеров, 1981, с. 171–172]. На территории Сибири наиболее ранние образцы подобных предметов обнаружены в Среднем Приобье в памятниках рубежа эр [Чиндина, 1984, с. 28, рис. 26, 8]. В эволюционном отношении такие изделия пришли на смену железным кельтам-топорам с замкнутой широкой втулкой и коротким лезвием, а также тесловидным орудиям III в. до н. э. – I в. н. э. [Троицкая, 1979, с. 11–12]. Вероятно, начальную дату появления таких предметов в рассматриваемом регионе маркируют датированные находки аналогичных по конструкции и форме изделий из археологических памятников Верхнего Приобья, предгорий Кузнецкого Алатау и Алтая, относящиеся к периоду не ранее II в. н. э. [Грязнов, 1956, табл. LII, 17; Ширин, 2003, табл. XLIX, 3; LI, 2; LXII, 26; XCV, 19; Кунгурова, Абдулганеев, 2019, рис. 70, 1]. Известные в объектах булан-кобинской культуры тесла происходят из комплексов конца III – V в. н. э. (см. [Мамадаков, 1990, рис. 52, 4; Тишкин и др., 2018, с. 151, 153, табл. 38, 1, 2] и др.). Публикуемая находка свидетельствует о более раннем распространении таких орудий у племен Алтая, по-видимому, во II – начале III в. н. э.

Обсуждение результатов

В результате сравнительного исследования удалось установить общие и особенные черты погребального обряда воина из кургана № 39 могильника Карбан I. К последним относятся отсутствие полноценной каменной насыпи с крепидой и внутримогильная конструкция в виде деревянной колоды. Зафиксированные признаки комплекса (захоронение человека в положении вытянуто на спине; отсутствие лошади; ориентировка умершего головой в западный сектор горизонта с отклонением на север; неглубокая могильная яма), а также характеристики изученных рядом сооружений дают основание считать, что данный объект принадлежит к памятникам карбанской традиции обрядовой практики кочевников булан-кобинской культуры [Серегин, Матренин, 2016, с. 159–160]. Судя по имеющимся археологическим материалам, генезис ее носителей связан со смешением разных групп населения во II–I вв. до н. э. в результате экспансии державы Хунну в северные области Центральной Азии. В этом процессе принимали участие местные племена скифо-сакского времени, среди которых, вероятно, были потомки кочевников раннескифского времени, вытесненного из ареала своего основного проживания «пазырыкцами», а также скотоводы из периферийных с Алтаем районов Восточного Казахстана и Тувы, в сяньбийское время (II – 1-я половина IV в. н. э.) «карбанцы» составляли одну из многочисленных групп скотоводов Северного Алтая [Там же]. При этом в социальной стратификации носителей булан-кобинской культуры они занимали наиболее низкое положение [Серегин, Матренин, 2020, с. 125, 128].

Проанализированные категории сопроводительного инвентаря оказались информативными для осуществления хронологической интерпретации рассматриваемого закрытого комплекса.

Сложносоставной лук с семью роговыми накладками, судя по оформлению срединных боковых пластин, продолжал линию развития ручного метательного оружия хунну. Датировка данного элемента вооружения может быть определена в рамках II в. до н. э. – III в. н. э. Ярусные наконечники стрел (3 экз.) относятся к числу ранних образцов хуннуской военной традиции, появившихся на Алтае не ранее II в. н. э. Остальные пять наконечников с геометрическим пером (ромбические и асимметрично-ромбические) и боевой нож с ножнами типичны для воинского арсенала населения булан-кобинской культуры во II–V вв. н. э. Довольно показательным является «ранний» способ ношения ножен вдоль левого бедра, напоминающий собой вариант крепления акинаков у «пазырыкцев» скифо-сакского времени и кинжалов у «булан-кобинцев» хуннуского периода. Определенно можно утверждать, что комплект наступательного вооружения воина из кургана № 39 был рассчитан на эффективное использование против слабо защищенного противника и по уровню своего развития соответствовал легкой коннице и пехоте.

Изучение сведений о местонахождении железных ременных гарнитур позволило установить, что с умершим было помещено два наборных пояса, оснащенных разнообразными функциональными и декоративными изделиями. Сравнительный анализ морфологических признаков двух пряжек, блях-накладок из прямых пластин без колец (2 экз.) и с неподвижным кольцом (1 экз.), в виде полуобойм с подвижным кольцом (2 экз.), а также кольцевых «блоков» (3 экз.) выступает основой для заключения о том, что они являются местной переработкой элементов снаряжения хуннской и сяньбийской традиций. Похожие по комплектации пояса зафиксированы в погребениях булан-кобинской культуры, датируемых II – 1-й половиной IV в. н. э. (Айрыдаш I, Булан-Кобы IV Степушка) и 2-й половиной IV – 1-й половиной V в. н. э. (Верх-Уймон, Дялян, Яломан II) [Матренин, 2017, с. 111; Тишкин и др., 2018, с. 98–99].

К числу достаточно редких специализированных орудий труда относится железное тесло, которое не имеет прототипов в местном орудийном наборе скотоводов скифо-сакской эпохи. Карбанский экземпляр является, по-видимому, одним из самых ранних (I – начало III в. н. э.) известных нам деревообрабатывающих инструментов данного типа, найденных в памятниках булан-кобинской культуры. Наличие тесел в погребениях демонстрирует развитые профессиональные навыки плотницкого дела у отдельных индивидов, занимавших достаточно высокое социальное положение [Серегин, Матренин, 2020, с. 115–116]. Остальные категории предметов (костяной наконечник стрелы, железный нож, костяная застежка, железное крепление-пробой) характеризуют довольно стандартный комплекс материальной культуры скотоводов Алтая II–V вв. н. э.

С учетом сделанных наблюдений воинское погребение из кургана № 39 некрополя Карбан I датируется сяньбийским периодом, наиболее вероятно в рамках II–III вв. н. э.

Достаточно представительный для населения Северного Алтая эпохи Великого переселения народов инвентарь, включающий оружие дальнего и ближнего боя, два наборных пояса, орудия труда и предметы снаряжения, позволяет сделать ряд наблюдений относительно прижизненного положения погребенного. Основой для выводов в этом плане являются полученные результаты определения социальной значимости конкретных категорий предметов в мужских захоронениях Алтая II в. до н. э. – V в. н. э. [Там же, с. 108–111]. Представляется возможным утверждать, что умерший мужчина имел довольно высокий статус среди носителей карбанской традиции обрядовой практики. Данный человек, судя по всему, являлся профессиональным воином (дружинником?), а в мирное время целенаправленно занимался деревообработкой (косвенно об этом свидетельствует присутствие тесла и захоронение в колоде, весьма редкое для погребальной традиции кочевников данной группы).

Заключение

Захоронение воина из кургана № 39 могильника Карбан I относится к карбанской погребальной традиции, носители которой составляли одну из наиболее многочисленных групп населения булан-кобинской культуры в Северном Алтае. Специфическими чертами исследованного объекта являются отсутствие полноценной каменной насыпи с кольцевой крепидой и внутримогильная конструкция в виде деревянной колоды. Проведенный анализ различных категорий сопроводительного инвентаря позволил датировать данный комплекс в рамках II–III вв. н. э. Сравнительное изучение качественного и количественного состава вещей продемонстрировало, что умерший мужчина являлся профессиональным воином. Кроме того, имеются некоторые основания для предположения о владении им навыками плотницкого дела. Вероятно, данный человек относился к зажиточной прослойке рядовых скотоводов, оставивших некрополь Карбан I.

Дальнейшее детальное исследование результатов раскопок комплекса Карбан I, а также других базовых памятников булан-кобинской археологической культуры позволит на новом уровне рассматривать сложные процессы, происходившие на Алтае в эпоху Великого пере-

селения народов. Значительные перспективы в этом плане связаны с публикацией не введенных в научный оборот материалов и их комплексной интерпретацией в контексте современных представлений об этнокультурной и социальной истории кочевников региона в обозначенный период.

Список литературы

- Бобров В. В., Васютин А. С., Васютин С. А.** Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.
- Горбунов В. В.** Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Часть II. Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. 232 с.
- Грязнов М. П.** История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 162 с.
- Коновалов П. Б.** Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 221 с.
- Кунгурова Н. Ю., Абдулганеев М. Т.** Майминская культура. По материалам поселений Салаира и Предалтайской равнины I-й пол. I тыс. н. э. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2019. 214 с.
- Мамадаков Ю. Т.** Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н. э.: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.
- Матренин С. С.** Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н. э. – V в. н. э.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2017. 142 с.
- Могильник Дундацин // Открытие и исследование сяньбийских могильников во Внутренней Монголии. Пекин: Кэсюэ яизбаньшэ, 2004. Вып. 18. С. 55–102. (на кит. яз).
- Нестеров С. П.** Тесла древнетюркского времени в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 168–172.
- Николаев Н. Н.** Культура населения Тувы I-й пол. I тыс. н. э.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001. 262 с.
- Серегин Н. Н., Демин М. А., Матренин С. С.** Общие и особенные характеристики детской погребальной обрядности населения Северного Алтая сяньбийского времени (по материалам комплекса Карбан I) // Народы и религии Евразии. 2021. № 4. С. 32–45.
- Серегин Н. Н., Матренин С. С.** Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н. э. – XI в. н. э. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2016. 272 с.
- Серегин Н. Н., Матренин С. С.** Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н. э. – XIV в. н. э.): по материалам археологических комплексов. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2020. 268 с.
- Серегин Н. Н., Тишкин А. А., Матренин С. С., Паршикова Т. С.** Новые материалы для изучения оружия дальнего боя у населения Северного Алтая в жужанское время // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 3 (31). С. 99–118.
- Соенов В. И., Константинова Е. А., Трифанова С. В.** Могильник Степушка-2 в Центральном Алтае. Горно-Алтайск, 2018. 242 с.
- Соенов В. И., Константинова Е. А.** Ремесленные производства населения Алтая (II в. до н. э. – V в. н. э.). Горно-Алтайск: ГАГУ, 2015. 248 с.
- Соенов В. И., Эбель А. В.** Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. 116 с.
- Сорокин С. С.** Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.: Аврора, 1977. Вып. 18. С. 57–67.
- Тишкин А. А., Матренин С. С., Шмидт А. В.** Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2018. 368 с.
- Троицкая Т. Н.** Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 124 с.

- Тур С. С., Матренин С. С., Соенов В. И.** Вооруженное насилие у скотоводов Горного Алтая гунно-сарматского времени // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. № 4. С. 132–139.
- Худяков Ю. С.** Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.
- Чиндина Л. А.** Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. 256 с.
- Ширин Ю. В.** Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.
- Төрбат Ц., Амаргүвшин Ч., Эрдэнэбат У.** Эгийн голын сав археологийн дурсгалууд (хүрлийн үеэс моголын үе). Улаанбаатар: Улсын багшийн их сургууль Монголын түүхийн тэнхим, 2003. 295 т. (на монг. яз.)
- Хүүннүгийн Өв. Нүүдэлчдийн анхны төр – Хүннү Гүрний соёл. Улаанбаатар: ШУА-ийн Археологийн Хүрээлэн, 2011. 296 т. (на монг. яз.)

References

- Bobrov V. V., Vasyutin A. S., Vasyutin S. A.** Vostochnyi Altai v epokhu Velikogo pereseleniya narodov (III–VII veka) [Eastern Altai in the era of the Great Migration of Nations (3rd – 7th centuries)]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2003, 224 p. (in Russ.)
- Chindina L. A.** Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza. Kulaiskaya kul'tura [Ancient history of the Middle Ob region in the Iron Age: Kulai culture]. Tomsk, Tomsk State Uni. Press, 1984, 256 p. (in Russ.)
- Gorbunov V. V.** Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Chast' II. Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie) [Military affairs of the Altai population in the 3rd – 14th centuries. Part II. Offensive weapons (weapons)]. Barnaul, AltSU Press, 2006, 232 p. (in Russ.)
- Gryaznov M. P.** Istoriya drevnikh plemen Verkhnei Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka [The history of the ancient tribes of the Upper Ob by excavations near the village Bolshaya Rechka]. Moscow; Leningrad, AS USSR Publ., 1956, 163 p. (in Russ.)
- Khudyakov Yu. S.** Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii [Armament of medieval nomads of Southern Siberia and Central Asia]. Novosibirsk, Nauka, 1986, 268 p. (in Russ.)
- Khyyngyiin Өв. Нүүдэлчдийн анхны төр – Khynny Gyrnii soel [Heritage of the Xiungnu. The first nomadic state – the culture of the Xiongnu Dynasty]. Ulaanbaatar, ShUA-iin Arkheologiin Khyreelen, 2011, 296 p. (in Mong.)
- Konovalov P. B.** Khunnu v Zabaikal'e (pogrebal'nye pamyatniki) [Xiungnu in Transbaikalia (burial monuments)]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd-vo, 1976, 221 p. (in Russ.)
- Kungurova N. Yu., Abdulganeev M. T.** Maiminskaya kul'tura. Po materialam poselenii Salaira i Predaltaiskoi ravniny 1-i pol. I tys. n. e. [Mayma culture. Based on materials from the settlements of Salair and the Pre-Altai Plain, 1st half of 1st millennium AD]. Barnaul, AltSU Press, 2019, 214 p. (in Russ.)
- Mamadakov Yu. T.** Kul'tura naseleniia Tsentral'nogo Altaia v pervoi polovine I tys. n. e. [The culture of the population of Central Altai in the first half of the 1st millenium AD]. Cand. Hist. Sci. Dis. Novosibirsk, 1990, 317 p. (in Russ.)
- Matrenin S. S.** Snaryazhenie kochevnikov Altaya (II v. do n. e. – V v. n. e.) [Equipment of Altai nomads (2nd century BC – 5th century AD)]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2017, 142 p. (in Russ.)
- Mogil'nik Dundatszin [Dundajing Cemetery]. In: Otkrytie i issledovanie syan'biiskikh mogil'nikov vo Vnutrennei Mongolii [Discovery and exploration of Xianbei burial grounds in Inner Mongolia]. Beijing, Kesuyue yaizban'she, 2004, iss. 18, pp. 55–102. (in Chin.)

- Nesterov S. P.** Tesla drevnetyurkskogo vremeni v Yuzhnoi Sibiri [Adzes of ancient Turkic period in southern Siberia]. In: Voennoe delo drevnikh plemen Sibiri i Tsentral'noi Azii [Military affairs of the ancient tribes of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk, Nauka, 1981, pp. 168–172. (in Russ.)
- Nikolaev N. N.** Kul'tura naseleniya Tuvy 1-i pol. I tys. n. e. [Culture of Central Tuva population in the 1st half of I millennium AD]. Cand. Hist. Sci. Dis. St. Petersburg, 2001, 262 p. (in Russ.)
- Seregin N. N., Demin M. A., Matrenin S. S.** Obshchie i osobennye kharakteristiki detskoj pogrebal'noi obryadnosti naseleniya Severnogo Altaya syan'biiskogo vremeni (po materialam kompleksa Karban I) [General and special characteristics of children's burial rituals of the population of Northern Altai of the Xianbei period (based on the materials of the Karban I complex)]. *Narody i religii Evrazii* [Peoples and religions of Eurasia], 2021, no. 4, pp. 32–45. (in Russ.)
- Seregin N. N., Matrenin S. S.** Pogrebal'nyi obryad kochevnikov Altaya vo II v. do n. e. – XI v. n. e. [Funeral rite of Altai nomads in the 2nd century BC – 11th century AD]. Barnaul, AltSU Press, 2016, 272 p. (in Russ.)
- Seregin N. N., Matrenin S. S.** Sotsial'naya istoriya naseleniya Altaya v epokhu kochevykh imperii (II v. do n. e. – XIV v. n. e.): po materialam arkheologicheskikh kompleksov [Social history of the Altai population in the era of nomadic empires (2nd century BC – 14th century AD): based on materials from archaeological complexes]. Barnaul, AltSU Press, 2020, 268 p. (in Russ.)
- Seregin N. N., Tishkin A. A., Matrenin S. S., Parshikova T. S.** Novye materialy dlya izucheniya oruzhiya dal'nego boya u naseleniya Severnogo Altaya v zhuzhanskoe vremya [New materials for the study of ranged weapons among the population of Northern Altai in the Rouran period]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research], 2020, no. 3, pp. 99–118. (in Russ.)
- Shirin Yu. V.** Verkhnee Priob'e i predgor'ya Kuznetskogo Alatau v nachale I tys. n. e. (pogrebal'nye pamyatniki fominskoi kul'tury) [Upper Ob and foothills of the Kuznetsk Alatau at the beginning of the 1st millennium AD (burial monuments of the Fomin culture)]. Novokuznetsk, Kuznetskaya krepost', 2003, 288 p. (in Russ.)
- Soenov V. I., Ebel A. V.** Kurgany gunno-sarmatskoi epokhi na Verkhnei Katuni [Mounds of the Hunno-Sarmatian era on the Upper Katun]. Gorno-Altaysk, GAGPI Press, 1992, 116 p. (in Russ.)
- Soenov V. I., Konstantinova E. A.** Remeslennyye proizvodstva naseleniya Altaya (II v. do n. e. – V v. n. e.) [Handicraft industries of the Altai population (2nd century BC – 5th century AD)]. Gorno-Altaysk, GAGU Press, 2015, 248 p. (in Russ.)
- Soenov V. I., Konstantinova E. A., Trifanova S. V.** Mogil'nik Stepushka-2 v Tsentral'nom Altae [Burial ground Stepushka-2 in Central Altai]. Gorno-Altaysk, 2018, 242 p. (in Russ.)
- Sorokin S. S.** Pogrebeniya epokhi velikogo pereseleniya narodov v raione Pazyryka [Burials of the era of the great migration of peoples in the Pazyryk region]. In: *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological collection of the State Hermitage]. Leningrad, Avror, 1977, iss. 18, pp. 57–67. (in Russ.)
- Tishkin A. A., Matrenin S. S., Schmidt A. V.** Altai v syan'biisko-zhuzhanskoe vremya (po materialam pamyatnika Stepushka) [Altai in the Xianbei-Rouran period (based on materials from the Stepushka monument)]. Barnaul, AltSU Press, 2018, 368 p. (in Russ.)
- Troitskaya T. N.** Kulaiskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e [Kulai culture in the Novosibirsk Ob region]. Novosibirsk, Nauka, 1979, 124 p. (in Russ.)
- Tur S. S., Matrenin S. S., Soenov V. I.** Armed Violence among the Altai Mountains Pastoralists of the Xiongnu-Sarmatian Age. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2018, no. 4, p. 132–139 (in Russ.)

Torbat Ts., Amartyvshin Ch., Erdenebat U. Egiin golyn sav arkheologiin dursгалууд (khyrliin үеес моголын үе) [Archeological sites of Egiin river basin (from Bronze Age to Mongol period)]. Ulaanbaatar, Ulsyn bagshiin ikh surгуул' Mongolyn түүххиin tenkhim, 2003, 295 p. (in Mong.)

Информация об авторах

Николай Николаевич Серегин, доктор исторических наук, доцент
Михаил Александрович Демин, доктор исторических наук, профессор
Сергей Сергеевич Матренин, кандидат исторических наук, доцент

Information about the Authors

Nikolai N. Seregin, Doctor of Sciences (History), Associated Professor
Mikhail A. Demin, Doctor of Sciences (History), Professor
Sergei S. Matrenin, Candidate of Sciences (History), Associated Professor

*Статья поступила в редакцию 15.02.2022;
одобрена после рецензирования 15.04.2022; принята к публикации 14.06.2022
The article was submitted 15.02.2022;
approved after reviewing 15.04.2022; accepted for publication 14.06.2022*

Научная статья

УДК 81.373.23; 910.9; 930.271; 910.4; 902.01

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-134-149

Новое прочтение надписей на рукоятках владельческих ножей, найденных на берегу залива Симса

Александр Григорьевич Авдеев¹

Елена Алексеевна Окладникова²

Юрий Михайлович Свойский³

Екатерина Васильевна Романенко⁴

¹ Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Москва, Россия

² Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия

³ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

⁴ Лаборатория RSSDA
Москва, Россия

¹ avdey57@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7253-9126>

² okladnikova-ea@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4720-9584>

³ rutil@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6256-4299>

⁴ ekaterina.romanenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5138-9202>

Аннотация

Представлено новое прочтение надписей на двух именных ножах, найденных на побережье залива Симса в море Лаптевых. Это прочтение отличается от прочтений палеографов и источниковедов, опубликованных ранее, в силу того что дать верное чтение этих надписей удалось благодаря применению метода бесконтактного 3D-моделирования эпиграфических памятников, разработанного Лабораторией RSSDA и применяемого в Своде русских надписей (CIR). Предлагаемое авторами этой статьи прочтение надписей на именных ножах позволило установить их принадлежность Гурию (крестильное имя) – Акакию (молитвенное? имя) Иванову сыну Карзяеву, вероятному главе торгово-промышленной экспедиции 20-х гг. XVII в. Памятник полярных мореходов XVII в. в заливе Симса располагается в 70 км на запад от о. Фаддей Северный, где в 1940 г. членами гидрографического отряда Восточно-Таймырской гидрографической экспедиции были встречены аналогичные находки, включая 8 других ножей. К сожалению, у этих ножей лишь частично сохранились рукоятки, а большинство оказались представлены только лезвиями. Надписи, выполненные славянской вязью, удалось обнаружить только на двух ножах из избушки в заливе Симса. Согласно официальной версии, оба памятника принадлежат членам русской торгово-промышленной экспедиции XVII в. Богатый состав собранной на месте этих двух местонахождении коллекции археологических артефактов делает этот памятник русской культуры XVII в. уникальным.

Ключевые слова

полуостров Таймыр, остров Фаддей Северный, залив Симса, археологические артефакты, экспедиционные исследования, именные ножи, XVII век, русские полярные экспедиции, Свод русских надписей, старорусская эпиграфика, метод бесконтактного 3D-моделирования надписей, математические методы визуализации, фотограмметрия

Благодарности

Статья написана при поддержке ПСТГУ, а также Университета Дмитрия Пожарского и Лаборатории RSSDA в рамках исследовательского проекта «Свод русских надписей / Corpus Inscriptionum Rossicarum». Научный руководитель проекта – А. Г. Авдеев, технический руководитель – Ю. М. Свойский. Авторы выражают ис-

© Авдеев А. Г., Окладникова Е. А., Свойский Ю. М., Романенко Е. В., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 7: Археология и этнография. С. 134–149

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 134–149

кренною благодарностью директору РГМАА историку М. В. Дукальской, главному хранителю фондов РГМАА Ю. В. Вепревой, старшему сотруднику отдела учета и хранения фондов Российского государственного музея Арктики и Антарктики Е. Л. Федотовой

Для цитирования

Авдеев А. Г., Окладникова Е. А., Свойский Ю. М., Романенко Е. В. Новое прочтение надписей на рукоятях владельческих ножей, найденных на берегу залива Симса // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 7: Археология и этнография. С. 134–149. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-134-149

A New Reading of the Inscriptions on the Handles of the Nominal Knives Found on the Sims Bay Shores

Alexander G. Avdeev¹, Elena A. Okladnikova²
Yuri M. Svoisky³, Ekaterina V. Romanenko⁴

¹ St. Tikhon Orthodox University
Moscow, Russian Federation

² Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen
St. Petersburg, Russian Federation

³ National Research University – Higher School of Economics
Moscow, Russian Federation

⁴ RSSDA Laboratory
Moscow, Russian Federation

¹ avdey57@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7253-9126>

² okladnikova-ea@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4720-9584>

³ rutil@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6256-4299>

⁴ ekaterina.romanenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5138-9202>

Abstract

Purpose. The article presents a new reading of the inscriptions on two nominal knives found on the coast of Sims Bay in the Laptev Sea. The results of the reading are differs from the readings of paleographers and researchers published earlier. It was possible to give a correct reading of these inscriptions due to the use of the non-contact 3D modeling method developed by the RSSDA Laboratory and used in the Code of Russian Inscriptions (CRI).

Results. The reading of the inscriptions on the nominal knives proposed by the authors of this article made it possible to establish their belonging to Gury (baptismal name) – Akaky (prayer? name) Ivanov's son Karzyaev, the likely head of the commercial and industrial expedition in the 20s of the 17th century. The site of polar sailors of the 17th century in the Sims Bay is located in 70 km to the west from the Thaddeus the North island, where in 1940 members of the hydrographic detachment of the East Taimyr hydrographic expedition found similar finds, including 8 other knives. Unfortunately, these knives have only partially preserved handles, and most turned out to be represented only by blades. Inscriptions filled with Slavic script could be found only on two knives from a hut in Sims Bay.

Conclusion. According to the official version, both finds belong to the members of the Russian trade and industrial expedition in the 17th century. The rich composition of the archaeological artifacts collected at these two locations makes this site of Russian culture of the 17th century unique.

Keywords

Taimyr Peninsula, Severny Thaddeus Island, Sims Bay, archaeological artifacts, expeditionary research, nominal knives, 17th century, Russian polar expeditions, Code of Russian Inscriptions, Old Russian epigraphy, non-contact 3D modeling of inscriptions, mathematical visualization methods, photogrammetry

Acknowledgements

The article was written with the support of PSTGU, as well as the University of Dmitry Pozharsky and the RSSDA Laboratory as part of the research project “Code of Russian Inscriptions / Corpus Inscriptionum Rossicarum”. The scientific supervisor of the project is A. G. Avdeev, the technical supervisor is Yu. M. Svoisky. The authors express their sincere gratitude to the director of the RSMMAA, historian M. V. Dukalskaya, the chief curator of the RSMMAA funds Yu. V. Vepreva, chief researcher of the Russian State Museum of Arctic and Antarctic E. L. Fedotova

For citation

Avdeev A. G., Okladnikova E. A., Svoisky Yu. M., Romanenko E. V. A New Reading of the Inscriptions on the Handles of the Nominal Knives Found on the Sims Bay Shores. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 134–149. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-134-149

Посвящается памяти А. К. Станюковича, который первым подошел к верному чтению владельческих надписей на ножах из залива Симса

Введение

В настоящее время тема освоения Арктики приобретает особую актуальность. Восемьдесят два года назад произошло знаменательное для российской исторической науки событие: на о. Фаддей Северный в море Лаптевых и в заливе Симса были открыты два уникальных памятника культуры русских полярных мореходов XVII в. [Косой, 1944, с. 124–133] (рис. 1). Среди многочисленных научных исследований тайнам находок на о. Фаддей Северный и в заливе Симса посвящено немало публикаций. Следы стоянки русских полярных мореходов, которые потерпели крушение на о. Фаддей Северный, обнаружили участники Восточно-Таймырской экспедиции Гидрографического управления Главсевморпути в 1940 г. На берегу залива Симса участниками этой же гидрографической экспедиции была обнаружена избушка. Этот уникальный памятник русской культуры XVII в. был ими случайно открыт в 70 км от стоянки на о. Фаддей Северный. Эти события подробно описаны в книге руководителя гидрографической экспедиции Главсевморпути А. И. Косого [Там же].

В силу того, что оба памятника расположены в сложных ландшафтных и климатических условиях акватории моря Лаптевых, изучение их с момента открытия (1940–1941 гг.) было затруднено. Работы проводились спорадически разными группами исследователей вплоть до 2020 г., только одна из которых была представлена профессиональными археологами (1945 г.). В непростых условиях военного времени была осуществлена первичная обработка собранных археологических материалов. Затруднения в интерпретации «Фаддеевской коллекции» вызвали у историков степень сохранности артефактов, отсутствие письменных свидетельств в документах XVII в., содержащих имена членов этой морской полярной экспедиции, сложный состав вещей, особенности музейного учета коллекции и процесс реставрационной работы с артефактами. Всё это определило появление нескольких версий, описывающих направление движения, социальный состав, цели членов экспедиции, которые противоречат одна другой, создавая особую исследовательскую «интригу». Эта интрига заставляет историков разных поколений вновь и вновь возвращаться к «тайне о. Фаддея и залива Симса».

Проблематикой этой статьи авторы обязаны ныне покойному Андрею Кирилловичу Станюковичу, который в свое время предложил одному из авторов этого текста, А. Г. Авдееву, разгадать «тайну» надписей на деревянных рукоятках двух ножей, найденных на берегу залива Симса, и передал ему свои неопубликованные наработки. В задачи статьи не входит исследование маршрута русских мореходов, потерпевших кораблекрушение у острова Фаддей Северный, и целей их плавания – этот вопрос активно дискутируется в литературе [Окладников, 1948; Окладников, Пинхенсон, 1951; Зубов, 1954, с. 62–27; Белов, 1977; Деревянко, 1986, с. 207–218; Свердлов, 2001; Чайковский, 2015, с. 54–98; Магидович И., Магидович В., 1983, с. 267–269]. Наша задача – изучение надписей на деревянных рукоятках ножей, являющихся уникальными по месту находки и историческому значению памятниками старорусской эпиграфики.

Именные ножи и история их исследования

В 1945 г. место кораблекрушения на острове Фаддей Северный и побережье залива Симса, где располагалась избушка мореходов XVII в., было детально исследовано Археологической экспедицией АНИИ ГУСМП и ИИМК им. Н. Я. Марра под руководством А. П. Окладникова, а находки изучены специалистами в разных областях исторической науки и опубликованы в том объеме, в котором они были доставлены АНИИ ГУСМП в 1945 г. [ИРАМ, 1951]. В «Описании историко-археологических находок на острове Фаддея и на берегу зали-

ва Симса», составленном Н. И. Башмуриной [1951, с. 215–228], относительно находки ножей на о. Фаддей Северный и в избушке в заливе Симса указано, что в общей сложности на этих объектах было обнаружено 9 ножевых клинков, три рукояти от ножей, украшенные резьбой, 5 кожаных ножен и 2 «обоймицы» [Там же, с. 216].

Что касается описания условий находки двух именных ножей с орнаментированными рукоятками, то в «Описании» указано, что они были найдены в 1941 г. гидрографами на побережье залива Симса [Там же, с. 216–217].

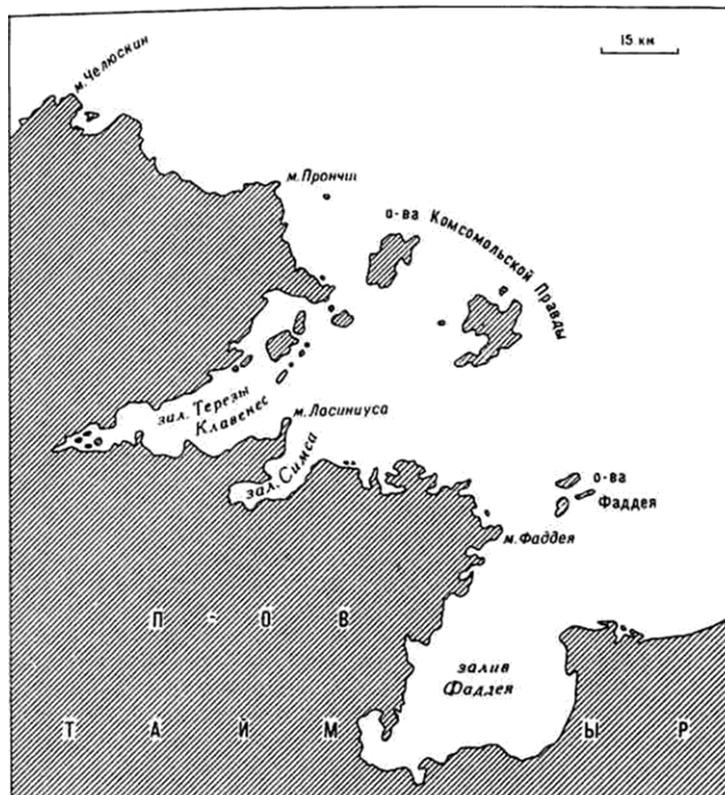

Рис. 1. Расположение памятников русских полярных мореходов на карте моря Лаптевых
Fig. 1. The position of sites of Russian Polar sailors on the map of Laptev Sea

В нашей статье это нож **А** (РГМАА, № 0-3730) и нож **Б** (РГМАА, № 0-3729)¹ (рис. 2, 3). Оба ножа имеют сходный облик и состоят из кованого клиновидного железного клинка (практически полностью сохранившегося у ножа **А** и обломанного у ножа **Б**) и деревянной рукояти, изготовленной из берёзового капа, опознаваемого по характерной свилеватости слоев древесины. Они относятся к большим ножам универсального назначения, обычным на русских памятниках позднего Средневековья и, в частности, в Западной Сибири – в Алазейском и Стадухинском острогах и в Мангазее [Алексеев, 1996, с. 39, 113, табл. 43; Белов и др., 1981, с. 79–80, 140, табл. 71, 1–9; Визгалов, Пархимович, 2007, с. 98–99, 178–179, рис. 27–28]. Тем не менее, нож **А** и нож **Б** выделяются среди аналогичных артефактов высоким качеством и продуманностью исполнения декора рукояти, имеющей анатомическую форму, которая обеспечивает более удобный хват, чем традиционная прямая ручка овального сечения. Оба ножа несут следы многолетнего использования (сточенность лезвия, выкрошившаяся инкрустация, естественная заполированность ручки).

¹ Первая публикация: [Косой, 1944, с. 216].

Рис. 2. Нож А (РГМАА, № 0-3729). Общий вид.

Рендер трехмерной полигональной модели и сечения, построенные по модели

Fig. 2. Knife A (RSMMAA, no. 0-3729). Whole plan.

Render of 3D polygonal model and the half of the knife made based on a model

Рис. 3. Нож Б (РГМАА, № 0-3730). Общий вид.

Рендер трехмерной полигональной модели и сечения, построенные по модели

Fig. 3. Knife B (RSMMAA, no. 0-3730). Whole plan.

Render of 3D polygonal model and the half of the knife made based on a model

Нож **А** (см. рис. 2) сохранился практически полностью – утрачен лишь обушок и уничтожено коррозией острие клинка длиной в 2–3 мм. Общая длина ножа 26,7 см, длина клинка 15,7 см, рукояти 10,9 см. Первоначальная ширина клинка составляла, вероятно, около 2,1 см, однако многократная заточка сократила ее до 1,8 мм. Обух клинка прямой в задней трети, полого скошенный в передних двух третях длины, острие опущено на 3 мм от линии обуха. Рукоять имеет миндалевидный поперечный профиль, ее размеры в сечении – 2,7 × 1,8 см у клинка и 3,0 × 2,0 см у обушка. Передняя часть рукояти усилена литой оловянной обоймой-ограничителем. Спинка рукояти прямая и относительно более скругленная, брюшко плавно изгибается к обушку и имеет более заостренную форму. Рукоять покрыта трехгранно-выемчатой резьбой глубиной около 3 мм, в которой сохранились фрагменты утраченной инкрустации, выполненной оловом. Эти фрагменты выступают на 0,3 мм над поверхностью деревянной рукояти, что, возможно, способствовало выкрашиванию инкрустации при эксплуатации ножа, особенно в условиях низких температур. Способ монтажа рукояти – вставной, хвостовик длиной около 10 см вставлен в грубо высверленное сквозное отверстие в рукоятке диаметром 5–6 мм и не доходит до обушка. За отсутствием обушка нельзя полностью исключить и сквозной способ монтажа (конец хвостовика мог быть обломан вместе с обушком), однако по аналогии с ножом **Б** вставной способ монтажа более вероятен.

Нож **Б** (см. рис. 3) сохранился хуже. Его клинок обломан, обойма-ограничитель и обушок утрачены. Длина сохранившейся части ножа 14,2 см, длина обломка клинка 4,6 см, рукояти 10,2 см. Первоначальная толщина клинка составляла около 4 мм, ширина клинка – около 2,4 см, однако многократная заточка сократила ее до 1,1 мм. По-видимому, к поломке привело именно постепенное сужение клинка. Материал клинка несколько лучшего качества, чем у ножа **А**, более устойчивый к коррозии. Рукоять в передней части имеет миндалевидно-овальный поперечный профиль с размером в сечении 2,5 × 2,1 см на интервале первых 6 см от клинка и миндалевидный с 2,3 × 1,9 см у обушка. Спинка рукояти несколько выгнута кверху, брюшко плавно изгибается к обушку и имеет более заостренную форму. Рукоять покрыта трехгранно-выемчатой резьбой глубиной около 3–4 мм, в которой также сохранился единичный фрагмент выкрошившейся оловянной инкрустации, выполненной оловом. Способ монтажа рукояти также вставной, отверстие под хвостовик глухое.

Резьба на рукоятках ножей представляет собой достаточно сложный узор, геометрический на ноже **А** (рис. 4) и растительный на ноже **Б**. Надпись на ноже **А** выполнена на пояске у обоймы-ограничителя, высота строки 1,4 см. Надпись на ноже **Б** также вырезана на двух поясках у обоймы-ограничителя и у обушка рукояти; высота строки в обоих случаях 1,6 см. Сверху и снизу эпиграфические поля ограничивают полосы, не заполненные орнаментом и отделяющие надпись от металлических деталей и орнаментированной части рукоятки. Надписи выполнены геометрической вязью без характерных для рукописного письма диакритических и надстрочных знаков и дробления мачтовых лигатур в технике асимметричной трехгранно-выемчатой резьбы с выборкой фона вокруг букв. По-видимому, резчик брал за образец надписи на изделиях из металла или, менее вероятно, ткани [Николаева, 1971, с. 64–65].

Малый «формат» надписи **А** и сложность вязи, сплетающейся с элементами узора, и вызвали затруднения в ее интерпретации. По «свежим» следам она была изучена сотрудником ИИМК, археологом М. В. Фармаковским, который предложил чтение «Акакия Мураг». Последнее слово исследователь возводил к саамскому «мур» – море, считая, что мурагом поморы называли опытного моряка, мурманца [Окладников, 1948, с. 15]. Палеограф и историк-лингвист В. В. Гейман дал иное прочтение второго слова в данной надписи, связав его с происхождением Акакия из Муромы – «Мурмца» или «Мурица» [Гейман, 1951, с. 141–144]. Следующая по времени публикация специалиста по древнерусскому прикладному искусству Н. Г. Порфиридова прошла практически не замеченной. Он предположил, что первое слово надписи означает имя владельца, второе – название предмета, которым он обладает. Исходя из этого, он читал второе слово как «пурт» – зырянское название ножа, бытовавшее на Мезени [Порфиридов, 1958, с. 267–269].

Рис. 4. Нож А (РГМАА, № 0-3729). Развертка поверхности рукояти. Рендер трехмерной полигональной модели
Fig. 4. Knife A (RSMMAA, no. 0-3729). Plan of the surface of the handle. Render of 3D polygonal model

В зависимости от предпочтений авторов в научной, научно-популярной и краеведческой литературе владелец ножа А фигурирует как Акакий Мурманец [Кублицкий, 1957, с. 8–12; Белов, 1977, с. 17; Дервянко, 1986, с. 217; Булатов, 1998, с. 164; Стамборовский, 2014, с. 18], Акакий Мураг [Забелин, 1996, с. 183] или Акакий Муромец [Окладников, 1948, с. 15; Обручев, 1973, с. 42–43; Старков, 2008, с. 201; Чайковский, 2015, с. 92]. Под последним именем он вошел даже в предназначенные для школьников энциклопедии, посвященные освоению Арктики [Арктика..., 2001, с. 34]. В некоторых изданиях он иногда совершает плавание вместе с родным братом Иваном Муромцем, в соответствии с чтением фрагмента надписи на ноже **Б** [Магидович И., Магидович В., 1983, с. 267]. Пожалуй, сдержаннее других исследователей оказался В. Ю. Визе, связавший найденные предметы с неизвестными русскими мореплавателями, вынужденно зазимовавшими на о. Фаддея в 20-е гг. XVII в. [Визе, 1948, с. 9].

Недостатком существующих реконструкций надписи на ноже А является то, что из них исключены иные варианты прочтения второго слова, которое, по мнению исследователей, должно означать либо указание на происхождение Акакия, либо на предмет, который ему принадлежал, но большинство предложенных чтений основано на известной доле домысла. Термин «мурманец», относящийся, по мнению М. В. Фармаковского, к человеку, связанному с морем, отсутствует в исторических словарях русского языка, где прилагательное «мурманская» относится к ладьям, на которых поморы промышляли в Белом море [СлРЯ XI–XVII вв., 1982, вып. 9, с. 310; СПЛСР XV–XVII вв., 2005, вып. 2, с. 235]. В Словаре русских народных говоров зафиксированы термины «мурман» и «мурманщик», но первым обозначали жителей побережья Норвегии, вторым – рыбаков, промышлявших на Белом море [СРНГ, 1982, вып. 18, с. 357], и древность происхождения этих слов вызывает большие сомнения. Что же касается предложенной А. П. Окладниковым реконструкции «мураг», отсутствующей в исторических словарях русского языка, то в Словаре русских народных говоров для этого слова даны значения «спорыш», «травянистое место на берегу реки», также «мураги» – муравьи, бугры, ямы [Там же, с. 351]. Предложенное В. Г. Порфиридовым слово «пурт» зафиксировано в языке коми в значении «нож», в начале XX в. – в том же значении в вологодских и костромских говорах, а также в различных регионах Сибири, но в письменных памятниках XV–XVII вв. оно отсутствует [КРСл, 1948, с. 137; СРНГ, 1999, вып. 33, с. 137; СПЛСР XV–XVII вв., 2015, вып. 3].

Очевидные натяжки с восстановлением катойконима «муромец» заставили известного исследователя истории освоения Арктики Л. М. Свердлова обратиться к авторитетным специалистам в области палеографии и эпиграфики – Е. В. Ухановой и А. А. Медынцевой. Они подтвердили принципиальную невозможность восстановления слова «муромец», но не смогли дать своего варианта его прочтения. Исходя из этого Л. М. Свердлов, не будучи, по собственному признанию, специалистом в древнерусской палеографии и эпиграфике, пришел к опрометчивому выводу о неграмотности резчика и отнес сделанную им надпись к так называемым «ложным надписям», украшавшим бытовые изделия [Свердлов, 2002].

Думается, в рамках статьи нет нужды доказывать, что слухи о почти поголовной неграмотности народных масс в эпоху Московской Руси несколько преувеличены [Старков, 2008]. Трудночитаемая вязь – еще не повод считать надпись на ноже А декоративным узором, тем более, что ключ к ее правильному прочтению дала А. А. Медынцева, которая определила знак, читавшийся предыдущими издателями как буква «М», орнаментированным словоразделителем.

Результаты исследования

Неудачи с прочтением надписей на ножах, очевидно, объясняются тем, что они читались по неточно выполненным прорисовкам (в эпиграфике нет ничего более субъективного, чем прорисовка надписи, представляющая ее восприятие, часто ошибочное, автором публикации), поэтому для уточнения прочтений было выполнено объективное документирование методом бесконтактного трехмерного моделирования². Для этого каждый из ножей был сфотографирован со всех ракурсов с расстояния 20–25 см, всего было сделано 630–650 фотоснимков для каждого объекта по замкнутой схеме расположения камер. На основе макрофотоснимков фотограмметрическим способом были построены размерные текстурированные трехмерные полигональные модели с детальностью (размером единичного полигона модели) 0,03 мм (что соответствует ≈ 110 тыс. полигонов на квадратный сантиметр модели). Для удобства работы исследователей эти модели были преобразованы в веб-формат, обеспечи-

² Подробнее о методике, с 2016 г. успешно применяемой Лабораторией RSSDA для документирования эпиграфических памятников, см. [Авдеев, Свойский, 2019, с. 229–260] и веб-сайт проекта Свода русских надписей (CIR) <https://cir.rssda.ru/methodology/> (дата обращения 14.03.2022). В документировании, моделировании и подготовке материалов к публикации участвовали: Ю. М. Свойский, Е. В. Романенко и М. А. Никитина.

вающий возможность удаленного доступа посредством сети Интернет без применения специализированного программного обеспечения³. Кроме того, трехмерные полигональные модели рукояток ножей были преобразованы проецированием в цилиндрической проекции, т. е. «развернуты» на плоскость, что позволило исследователям охватить всю надпись взглядом без вращения модели. Рендеры (растровые изображения) этих «разверток» позволили без особых затруднений дать побуквенное прочтение надписей на рукоятках ножей в комплексе с анализом палеографических особенностей литер.

Этот метод позволил, в отличие от предыдущих издателей, пытавшихся прочесть надписи на ножах «в целом», дать их побуквенное прочтение в комплексе с анализом палеографических особенностей литер.

а

б

Рис. 5. Прорисовка надписи: а – нож А (РГМАА, № 0-3729); б – нож Б (РГМАА, № 0-3730)
 Fig. 5. The picture if the writings: а – knife А (RSMAA, no. 0-3729); б – knife В (RSMAA, № 0-3730)

Обратимся к надписи на ноже А (рис. 5, а). Первая буква ее первого слова четко читается как **А**, вторая – как **К**, далее следует лигатура, составленная из букв **АК**. Слово завершает вторая лигатура, которую я рассматриваю как **ИИ**, поскольку обе буквы объединяет общая средняя мачта, на левом же конце верхней перекладины последней буквы заметна каплевидная насечка, отличающая ее от буквы **А** в обоих случаях, что в итоге дает личное имя «**АКАКИИ**». После словоразделителя первая буква ясно читается как **Г** с каплевидной насечкой на конце верхней перекладины, расположенной между усиками второй буквы, **У** с ромбовидной петлей. Третья буква вполне определенно читается как **Р** с дугообразной мачтой и округлой петлей, расположенной ниже верхнего конца мачты. Четвертая буква читается как **И**, пятая – как **И**. Ее наклонная перекладина оформлена в виде растительного побега

³ Упрощенные трехмерные модели и растровые изображения находок из залива Симса доступны по адресу: <https://rssda.su/projects/taimur/> (дата обращения 14.03.2022).

с отходящими отростками, верхняя перекаладина имеет каплевидное утолщение на конце, а правая мачта первой буквы следующего слова объединяет буквы **ИА** в лигатуру. Тогда и в этом случае мы с уверенностью можем прочесть личное имя «**ГЪРНИА**». Отсутствие лигатуры последней буквы этого слова с первой буквой слова «**АКАКНИА**» позволяет заключить, что знак, определяемый А. А. Медынцевой как словоразделитель, действительно отмечает начало фразы, которую следует читать как **ГЪРНИА АКАКНИА**. В итоге складываются два вполне осмысленных имени в родительном притяжательном, указывающих на владельца ножа. При этом словоразделитель теряет предложенную предыдущими издателями М-образность, которые присоединили к нему вертикальные мачты букв **И** и **Г**. На деле словоразделитель изображен в виде вертикальной линии, к которой в верхней части присоединены две пересекающиеся дуги, в местах пересечения образующие два косых креста. Верхняя дуга при этом соединяет словоразделитель с границей эпиграфического поля, а нижняя – с мачтами букв **И** и **Г**. Для дукта резчика характерны два явления, связанные с графической вариативностью: использование и-восьмеричного вместо i-десятичного перед гласными, мену **З** на **С**, а также употребление **И** на конце слова вместо **А**, типичные для деловой и бытовой письменности XVI–XVII вв. [Тарабасова, 1986, с. 26] Те же явления типичны и для лапидарных надписей Московской Руси.

Надпись на ноже **Б** (рис. 5, б) также выполнена в технике трехгранно-выемчатой резьбы. Начертания букв аналогичны начертаниям букв на предыдущей надписи; сходны и декоративные элементы, украшающие рукояти обеих ножей, что говорит о том, что оба предмета сделаны и украшены одним человеком. Об этом же свидетельствуют особенности дукта резчика (о чем подробнее будет сказано ниже). Первый издатель надписи, В. В. Гейман, не смог полностью прочесть ее, отметив лишь, что в ней присутствует «какое-то производное слово от имени Иван» [Гейман, 1951, с. 143]. В. Г. Порфиридов читал данную часть надписи как «пурт Ивана» [Порфиридов, 1951, с. 268]. Хотя Е. В. Уханова и А. А. Медынцева не увидели смысла в наборе букв в данной надписи [Свердлов, 2002, с. 62]. Большую ее часть удалось прочесть А. К. Станюковичу. В надписи у обушка он угадал личное имя **ГЪРНИА**. По дукту и палеографическим особенностям начертание этого слова вплоть до мельчайших подробностей аналогично начертанию этого же слова в надписи на ноже **А**, включая оформление наклонной перекаладины буквы **И** в виде растительного побега с отходящими отростками. Второе слово А. К. Станюкович угадал как имя отца в форме притяжательного прилагательного родительного падежа – **ИВНАИВ[А]**. Оба слова отделены друг от друга вертикальной чертой-словоразделителем, и на 3D-модели хорошо видно, что для последней буквы в слове «**ИВНАИВ[А]**» резчик не рассчитал места и вырезал небольшую петлю на словоразделителе. Отметим следующие друг за другом две лигатуры – **ИВ** и **АН** и переход **О** в **А** в первом заударном слоге, вполне допустимый в памятниках письменности XVI–XVII вв. [Тарабасова, 1986, с. 34]. При этом начертание буквы **А** с горизонтальной верхней перекаладиной, вертикальной правой мачтой, присоединенной к ее центру ромбовидной петлей и наклонной левой мачтой абсолютно идентично начертанию этой буквы в надписи на ноже **А**. В надписи, сделанной у обоймы-ограничителя, А. К. Станюкович верно прочитал контрактуру **СНА** с отсутствующим титлом. Следующее слово он определил как фамилию **КОРЪИ(Т?)ЄВА**. Тем не менее, 3D-модель надписи на нижнем регистре ножа дает бесспорный вариант чтения. По ней видно, что к нижней ножке буквы **К** присоединена буква **А**, вырезанная в виде ромба; нижние

части букв **С** и **Е** украшены серповидными завитками, что дает чтение фамильного прозвания как **КАРСМЕВА**. Таким образом, надпись на ноже **Б** читается следующим образом: ^{надпись} | у обушка **ГУРИЯ ИВАНАВ{А}** | ^{надпись у обоймы-ограничителя} **СНА КАРСМЕВА**.

Надписи на обоих ножах выполнены одним резчиком. Они содержат имена, патронимик и фамилию (отфамильное прозвище) в притяжательном падеже, свидетельствующем, о принадлежности данных предметов одному человеку, который, возможно, и вырезал эти надписи. Владелец ножей носил два имени – Гурий и Акакий, что не противоречит традициям имянаречения в Древней Руси. Пара имён Акакий – Гурий соответствует православному месецеслову: память прп. Акакия, мученика Милитского, приходится на 28 июля, а память свв. ветхозаветных мучеников Елеазара священника и семи братьев Маккавеев, в число которых входил Гурий, – на 1 августа. Таким образом, владелец ножей по дню рождения был назван Акакием, а по дню крещения – Гурием. При этом последнее владелец ножа считал «основным» или публичным (с него начинается надпись на ноже **Б**), а имя «Акакий», судя по надписи на ноже, также было публичным, но, скорее всего, молитвенным. Ближайшую аналогию мы находим в Житии Ивана Неронова: «герою» этого произведения «наречено бѣ <...> во святомъ крещеніи имя Гавріиль; по святомъ же крещеніи изволися отцу и матерѣ преименовати младенца Иоанномъ» [Субботин, 1874, с. 240, 250]. Иначе говоря, Иван Неронов был крещен в день Собора архангела Гавриила (26 марта), но родители стали именовать его Иваном по случившемуся три дня спустя дню памяти прп. Иоанна Лествичника (30 марта) [Успенский Б., Успенский Ф., 2017, с. 109].

Фамильное прозвание отца Гурия, скорее всего, образовано от прозвища деда – Карзай с вариантом Корзай, если учесть, что первый слог в слове безударный. Данное прозвище не отражено в словарях древнерусских некалендарных имен [Тупиков, 2004; Веселовский, 1974], и его этимология неясна. Она может быть возведена к диалектному слову ‘карза’ – ‘чесалка для шерсти’ и семантически связанному с ним глаголу ‘карзать’, в различных диалектах обозначающему чесание волос, вычесывание шерсти, плохую стрижку, снятие древесной коры, использование грабель [СРНГ, 1977, вып. 13, с. 89]. Также возможна этимология данного прозвища через диалектное слово ‘кóрза’ / ‘корзá’ – ‘сварливый’, ‘рябой’ [Кюршунова, 2010, с. 249; СРНГ, 1978, вып. 14, с. 330]. В этой связи отметим, что в середине XVI в. в Двинском уезде зафиксировано личное некалендарное имя «Карза», свидетельствующее о наличии данного слова в языке Московской Руси [Народный именослов..., 2020, с. 115].

Заключение

Прочтение надписей на ножах, сделанное по 3D-модели, позволяет вслед за Л. М. Свердловым исключить сам факт существования Акакия Муромца / Акакия Мурага / Акакия Мурманца, а также Ивана Муромца и восстановить подлинное имя морехода, погибшего на острове Фаддея Северном, возможно, возглавлявшего артель, – Гурия (крестильное имя) – Акакия (молитвенное? имя) Иванова сына Карзяева.

Вместе с тем дукт и палеографические особенности надписи показывают причастность Гурия-Акакия к книжной культуре и соответствующий уровень его грамотности. А это позволяет решительно отвергнуть расхожее мнение о чуть ли не поголовной безграмотности населения Московской Руси, тем более что наличие среди таймырских находок компасов и компасных солнечных часов а *silentio* позволяет предполагать, что участникам экспедиции были хорошо знакомы арабские цифры и латинские литеры [Данилевский, 1951, с. 62].

Тем не менее, за недостатком данных нельзя с полной уверенностью говорить о том, что он возглавлял столь трагически закончившееся предприятие, равно как и невозможно утверждать, что Гурий-Акакий оказался «первооткрывателем западной части моря Лаптевых и от-

резка побережья п-ва Таймыр» [Чайковский, 2015, с. 90–93]. Во всяком случае восстановленное имя владельца ножей указывает вектор дальнейших поисков.

Что же касается датировки надписей на ножах, то их верхнюю хронологическую границу дает комплекс монет, найденных среди вещей мореходов на о. Фаддей Северный, младшие из которых датируются 1615–1617 гг. [Спасский, 1951, с. 112–129; Свердлов, 1998, с. 77–83]. Однако изготовление ножей, безусловно, должно быть отнесено к более раннему времени. На конец XVI – начало XVII в. указывают также найденные в комплексе нюрнбергские счетные жетоны. Что же касается личных вещей участников экспедиции, в первую очередь перстней, то они имеют широкий временной диапазон бытования, и их датировка определяется временем всего комплекса. Так, единственный перстень-печатка с круглым щитком и вырезанной на нем аббревиатурой «ТЕН» или «ТЕИ» относится к типу эпитафических перстней с изречениями, отдельными словами и аббревиатурами, которые бытовали на протяжении конца XV – начала XVIII в. К раннему виду этих изделий его позволяют отнести форма щитка и способ нанесения надписи [Станюкович, Авдеев, 2007, с. 45]. Палеографические признаки букв – трехмачтовое Т с укороченной левой мачтой и якорное Е – не являются безусловными элементами, на основании которых возможно уточнение датировки.

К сожалению, палеографические признаки вязи, встречающейся на эпитафических памятниках второй трети XVI – первой четверти XVII в. практически не разработаны, а аналогии начертаниям букв можно найти в надписях первой трети XVI в. [Николаева, 1971, с. 192–193, табл. 81]. Учитывая особенности дукта резчика, можно предполагать, что надписи на ножах были сделаны в пределах конца XVI – начала XVII в. и попали в слой уже после гибели мореходов в конце 10-х – начале 20-х гг. XVII в. Наиболее важным итогом исследования мы считаем установление точного имени одного из погибших мореходов – Гурия-Акакия Иванова Корзьева, владельца двух подписных ножей.

Список литературы

- Авдеев А. Г., Свойский Ю. М.** Методы документирования эпитафических памятников Московской Руси в рамках Свода русских надписей (CIR) // Вопросы эпитафики / Отв. ред. А. Г. Авдеев. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2019. Вып. 10. С. 229–260.
- Алексеев А. Н.** Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 152 с.
- Арктика – мой дом. История освоения Севера в биографиях знаменитых людей. Полярная энциклопедия школьника / Науч. ред. и сост. В. И. Магидович. М.: Северные просторы, 2001. 283 с.
- Башмурина Н. И.** Описание историко-археологических находок на острове Фаддея и на берегу залива Симса // ИРАМ. Л.; М.: Изд-во Севморпути, 1951. С. 215–248.
- Белов М. И.** По следам полярных экспедиций. Л.: Гидрометеиздат, 1977. 144 с.
- Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.** Мангазея. М.: Наука, 1981. Ч. 2: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. 152 с.
- Булатов В.** Русский Север. Архангельск: Изд-во Полярного гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 1998. Кн. 2: Встречь солнца (XV–XVII вв.). 352 с.
- Веселовский С. Б.** Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974. 380 с.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.** Мангазея – первый русский город в Сибирском Заполярье (по материалам раскопок 2001–2004 гг.). Нефтеюганск; Екатеринбург: Баско, 2007. 320 с.
- Визе В. Ю.** Русские полярные мореходы из промышленных, торговых и служилых людей XVII–XIX вв.: Биографический словарь. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1948. 72 с.
- Гейман В. В.** Надписи на ножах // ИРАМ. Л.; М.: Изд-во Севморпути, 1951. С. 141–144.

- Данилевский В. В.** Русские навигационные приборы первой четверти XVII века // ИРАМ. Л.; М.: Изд-во Севморпути, 1951. С. 53–62.
- Деревянко А. П.** Ожившие древности. Рассказы археолога. М.: Молодая гвардия, 1986. 239 с.
- Забелин И. М.** Встречи, которых не было. М.: Мысль, 1966. 325 с.
- Зубов Н. Н.** Отечественные мореплаватели – исследователи морей и океанов. М.: Географгиз, 1954. 474 с.
- ИРАМ – Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса / Отв. ред. А. П. Окладников. Л.; М.: Изд-во Севморпути, 1951.
- КРСл – Коми-русский словарь / Отв. ред. А. И. Подорова. Сыктывкар: Коми гос. изд-во, 1948. Вып. 1. 296 с.
- Косой А. И.** На восточном побережье Таймырского полуострова: опыт Восточно-Таймырской экспедиции Гидрографического управления Главсевморпути. М.: Главсевморпуть, 1944. 159 с.
- Кублицкий Г.** По морям и океанам. Рассказы о путешествиях и открытиях. М.: Учпедгиз, 1957. 326 с.
- Кюршунова И. А.** Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 672 с.
- Магидович И. П., Магидович В. И.** Очерки по истории географических открытий. М. Просвещение, 1983. Т. 2: Великие географические открытия (конец XV – середина XVII в.). 399 с.
- Народный именовослов Русского Севера XV–XVII вв. Происхождение имен (прозвищ), отчеств, названий деревень / Сост. А. В. Кузнецов. Вологда: ВОУНБ, 2020. 398 с.
- Николаева Т. В.** Произведения русского прикладного искусства с надписями XV – первой четверти XVI в. // Археология СССР. М.: Наука, 1971. 193 с. (САИ. Вып. Е1–49)
- Обручев С. В.** Таинственные истории. М.: Мысль, 1973. 108 с.
- Окладников А. П.** Русские мореходы XVII века на берегах Таймыра. М.; Л.: Изд-во Севморпути, 1948. 157 с.
- Окладников А. П., Пинхенсон Д. М.** Значение находок у восточного побережья Таймыра // ИРАМ. Л.; М.: Изд-во Севморпути, 1951. С. 205–211.
- Порфиридов Н. Г.** Надписи на ножах русских мореходов XVII века // СА. 1958. № 2. С. 267–269.
- Свердлов Л. М.** Монеты Таймырского клада – ключ к тайне русской арктической экспедиции начала XVII века // Нумизматический сборник. М.: Стрелец, 1998. Ч. 13: Новейшие исследования в области нумизматики. С. 77–83. (Тр. ГИМ. Вып. 98)
- Свердлов Л. М.** Таймырская загадка. М., 2001. 147 с.
- Свердлов Л. М.** Знаменитый мореход или поручик Кижэ в Арктике? // Природа. 2002. № 4. С. 61–64.
- СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1982. Вып. 9.
- СПЛСР XV–XVII вв. – Словарь промысловой лексики Северной Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. Вып. 2.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 1977. Вып. 13; 1978. Вып. 14; 1982. Вып. 18; 1999. Вып. 33.
- Спасский И. Г.** Денежная казна // ИРАМ. Л.; М.: Изд-во Севморпути, 1951. С. 112–129.
- Стамборовский Н.** Отважный мореход Акакий Мурманец // Наш край: охрана окружающей среды. Красноярская краевая газета. 2014. № 38. 18 сент. С. 18.
- Станюкович А. К., Авдеев А. Г.** Неизвестные памятники русской сфрагистики. Прикладные печати-матрицы XIII–XVIII веков из частных собраний. М.: Группа ИскательИ, 2007. 190 с.
- Старков В. Ф.** Тексты и надписи из мест удаленных промыслов поморов // Вопросы эпиграфики / Отв. ред. А. Г. Авдеев. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2008. Вып. 2. С. 200–215.

- Субботин Н. И.** Материалы для истории раскола за первое время его существования. М.: Братское слово, 1874. Т. 1, ч. 1: О лицах, судившихся на соборе 1666–1667 года. 491 с.
- Тарабасова Н. И.** Явления вариативности в языке московской деловой письменности XVII в. М.: Наука, 1986. 163 с.
- Тупиков Н. М.** Словарь древнерусских личных собственных имен / Вступ. ст. и подгот. текста В. М. Воробьева. М.: Русский путь, 2004. 904 с.
- Успенский Б. А., Успенский Ф. Б.** Иноческие имена на Руси. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 344 с.
- Чайковский Ю. В.** Мысы Ледовитого напоминают. М.: КМК, 2015. 400 с.

References

- Alekseev A. N.** Pervye russkie poseleniya XVII–XVIII vv. na severo-vostoke Yakutii [The first Russian settlements of the 17th – 18th centuries in the North-East of Yakutia]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 1996, 152 p. (in Russ.)
- Avdeev A. G., Svoysky Yu. M.** Metody dokumentirovaniya epigraficheskikh pamyatnikov Moskovskoj Rusi v ramkakh Svoda russkikh nadpisej (CIR) [Methods for documenting epigraphic monuments of Muscovite Rus within the Code of Russian Inscriptions (CIR)]. In: Avdeev A. G. (ed.). Voprosy epigrafiki. Moscow, Dmitry Pozharsky Uni. Press, 2019, iss. 10, pp. 229–260. (in Russ.)
- Bashmurina N. I.** Opisaniye istoriko-arkheologicheskikh nakhodok na ostrove Faddeya i na beregu zaliva Simsa [Description of historical and archaeological finds on the island of Thaddeus and on the shores of the Gulf of Sims]. In: IRAM. Leningrad, Moscow, Sevmorput' Publ., 1951, pp. 215–248. (in Russ.)
- Belov M. I.** Po sledam polyarnykh ekspeditsij [In the footsteps of polar expeditions]. Leningrad, Gidrometeoizdat Publ., 1977, 144 p. (in Russ.)
- Belov M. I., Ovsyannikov O. V., Starkov V. F.** Mangazeya. Moscow, Nauka, 1981, pt. 2, 152 p. (in Russ.)
- Bulatov V.** Russkij Sever [Russian North]. Arkhangel'sk, Lomonosov Polar State Uni. Press, 1998, book 2: Meeting the sun (15th – 17th centuries), 352 p. (in Russ.)
- Chaykovsky Yu. V.** Mysy Ledovitogo napominayut [The capes of the Arctic remind.] Moscow, KMK Publ., 2015, 400 p. (in Russ.)
- Danilevsky V. V.** Russkie navigatsionnye pribory pervoj chetverti XVII veka [Russian navigation instruments of the first quarter of the 17th century]. In: IRAM. Leningrad, Moscow, Sevmorput' Publ., 1951, pp. 53–62. (in Russ.)
- Derevianko A. P.** Ozhivshie drevnosti. Rasskazy arkheologa [Revived Antiquities. Archaeologist's stories]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1986, 239 p. (in Russ.)
- Gejman V. V.** Nadpisi na nozhakh [Inscriptions on knives]. In: IRAM. Leningrad, Moscow, Sevmorput' Publ., 1951, pp. 141–144. (in Russ.)
- IRAM – Okladnikov A. P.** (ed.). Istoricheskij pamyatnik russkogo arkticheskogo moreplavaniya XVII veka. Arkheologicheskie nakhodri na ostrove Faddeya i na beregu zaliva Simsa [Historical monument of the Russian Arctic navigation of the century. Archaeological finds on Thaddeus Island and on the shore of Sims Bay]. Leningrad, Moscow, Sevmorput' Publ., 1951. (in Russ.)
- Kosoj A. I.** Na vostochnom poberezh'e Tajmyrskogo poluostrova: opyt Vostochno-Tajmyrskoj ekspeditsii Gidrograficheskogo upravleniya Glavsevmorputi [On the East Coast of the Taimyr Peninsula: Experience of the East Taimyr Expedition of the Hydrographic Department of the Main Northern Sea Route] Moscow, Glavsevmorput' Publ., 1944, 159 p. (in Russ.)
- Kublitsky G.** Po moryam i okeanam. Rasskazy o puteshestviyakh i otkrytiyakh [Over the seas and oceans. Stories about travels and discoveries]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1957, 326 p. (in Russ.)

- Kuznetsov A. V.** (comp.). Narodnyj imenoslov Russkogo Severa XV–XVII vv. Proiskhozhdenie imyon (prozvishch), otchestv, nazvanij dereven' / Sost. [Folk nomenclature of the Russian North in the 15th–17th centuries. The origin of names (nicknames), patronymics, village names]. Vologda, VOUNB Publ., 2020, 398 p. (in Russ.)
- Kyurshunova I. A.** Slovar' nekalendarnykh lichnykh imyon, prozvishch i famil'nykh prozvanij Severo-Zapadnoj Rusi XV–XVII vv. [Dictionary of non-calendar personal names, nicknames and family nicknames of North-Western Russia in the 15th – 17th centuries]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2010, 672 p. (in Russ.)
- Magidovich V. I.** (ed.). Arktika – moj dom. Istoriya osvoeniya Severa v biografijakh znamenitykh lyudej. Polyarnaya entsiklopediya shkol'nika [The Arctic is my home. The history of the development of the North in the biographies of famous people. Polar encyclopedia of a school-child]. Moscow, Severnye prostory Publ., 2001, 283 p. (in Russ.)
- Magidovich I. P., Magidovich V. I.** Oчерки по истории географических открытий [Essays on the history of geographical discoveries]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1983, vol. 2, 399 p. (in Russ.)
- Nikolaeva T. V.** Proizvedeniya russkogo prikladnogo iskusstva s nadpisyami XV – pervoj chetverti XVI v. [Works of Russian applied art with inscriptions of the 15th – the first quarter of the 16th century]. *Arkheologiya SSSR [Archaeology of USSR]*. Moscow, Nauka, 1971, 193 p. (in Russ.) (SAI. Iss. E1–49)
- Obruchev S. V.** Tainstvennye istorii [Mysterious stories]. Moscow, Mysl' Publ., 1973, 108 p. (in Russ.)
- Okladnikov A. P.** Russkie morekhody XVII veka na beregakh Tajmyra [Russian sailors of the 17th century on the shores of Taimyr]. Moscow, Leningrad, Sevmorput' Publ., 1948, 157 p. (in Russ.)
- Okladnikov A. P., Pinkhenson D. M.** Znachenie nakhodok u vostochnogo poberezh'ya Tajmyra [Significance of finds of the Eastern coast of Taimyr]. In: IRAM. Leningrad, Moscow, Sevmorput' Publ., 1951, pp. 205–211. (in Russ.)
- Podorova A. I.** (ed.). Komi-russkij slovar' [Komi-Russian Dictionary]. Syktyvkar, Komi State Publ., 1948, iss. 1, 296 p. (in Russ.)
- Porfiridov N. G.** Nadpisi na nozhakh russkikh morekhodov XVII veka [Inscriptions on the knives of Russian sailors of the 17th century]. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]*, 1958, no. 2, pp. 267–269. (in Russ.)
- Slovar' promyslovoj leksiki Severnoy Rusi [Dictionary of the commercial vocabulary of Northern Russia]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2005, iss. 2; 2015, iss. 3. (in Russ.)
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language of the 11th –17th centuries]. Moscow, Nauka, 1982, iss. 9. (in Russ.)
- Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian Folk Dialects]. St. Petersburg, Nauka, 1977, iss. 13; 1978, iss. 14; 1982, iss. 18; 1999, iss. 33. (in Russ.)
- Spassky I. G.** Denezhnaya kazna [Treasury]. In: IRAM. Leningrad, Moscow, Sevmorput' Publ., 1951, pp. 112–129. (in Russ.)
- Stamborovskiy N.** Ot vazhnyj morekhod Akakij Murmanets [The brave sailor Akaki Murmanets]. *Nash kraj: okhrana okruzhayushchej sredy. Krasnoyarskaya kraevaya gazeta*, 2014, no. 38, September 18, p. 18. (in Russ.)
- Stanyukovich A. K., Avdeev A. G.** Neizvestnye pamyatniki russkoj sfragistiki. Prikladnye pečati-matritsy XIII–XVIII vekov iz chastnykh sobranij [Unknown monuments of Russian sphragistics. Applied seals-matrices of the 13th – 18th centuries from private collections]. Moscow, Iskatel' Publ., 2007, 190 p. (in Russ.)
- Starkov V. F.** Teksty i nadpisi iz mest udalonykh promyslov pomorov [Texts and inscriptions from the places of remote crafts of Pomors]. In: Avdeev A. G. (ed.). *Voprosy epigrafiki*. Moscow, Dmitry Pozharsky Uni. Press, 2008, iss. 2, pp. 200–215. (in Russ.)

- Subbotin N. I.** Materialy dlya istorii raskola za pervoe vremya ego sushchestvovaniya [Materials for the history of the split during the first period of its existence]. Moscow, Bratskoe slovo Publ., 1874, vol. 1, pt. 1, 491 p. (in Russ.)
- Sverdlov L. M.** Monety Tajmyrskogo klada – klyuch k tajne russkoj arkticheskoj ekspeditsii nachala XVII veka [Coins of the Taimyr Treasure – the Key to the Secret of the Russian Arctic Expedition at the Beginning of the 17th Century]. In: Numizmaticheskij sbornik. Moscow, Strelets Publ., 1998, pt. 13, pp. 77–83. (in Russ.) (Trudy GIM. Iss. 98)
- Sverdlov L. M.** Tajmyrskaya zagadka [Taimyr riddle]. Moscow, 2001, 147 p. (in Russ.)
- Sverdlov L. M.** Znamenitij morekhod ili poruchik Kizhe v Arktike? [Famous navigator or Lieutenant Kizhe in the Arctic?] *Priroda*, 2002, no. 4, pp. 61–64. (in Russ.)
- Tarabasova N. I.** Yavleniya variativnosti v yazyke moskovskoj delovoj pis'mennosti XVII v. [Phenomena of variability in the language of Moscow business writing in the 17th century]. Moscow, Nauka, 1986, 163 p. (in Russ.)
- Tupikov N. M.** Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imyon [Dictionary of Old Russian Personal Names. Entr. article and prep. text by V. M. Vorobyov]. Moscow, Russkij put' Publ., 2004, 904 p. (in Russ.)
- Uspensky B. A., Uspensky F. B.** Inocheskie imena na Rusi [Monastic names in Russia]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017, 344 p. (in Russ.)
- Veselovsky S. B.** Onomastikon. Drevnerusskie imena, prozvizhcha i familii [Onomasticon. Old Russian names, nicknames and surnames]. Moscow, Nauka, 1974, 380 p. (in Russ.)
- Vize V. Yu.** Russkie polyarnye morekhody iz promyshlennykh, torgovykh i sluzhilykh lyudej XVII–XIX vv. [Russian polar sailors from industrial, commercial and service people of the 17th – 19th centuries]. Biographical Dictionary. Moscow, Leningrad, Glavsevmorput' Publ., 1948, 72 p. (in Russ.)
- Vizgalov G. P., Parkhimovich S. G.** Mangazeya – pervyj russkij gorod v Sibirskom Zapolyar'e (po materialam raskopok 2001–2004 gg.) [Mangazeya is the first Russian city in the Siberian Arctic (based on excavations in 2001–2004)]. Nefteyugansk, Ekaterinburg, Basko Publ., 2007, 320 p. (in Russ.)
- Zabelin I. M.** Vstrechi, kotorykh ne bylo [Meetings that didn't happen]. Moscow, Mysl' Publ., 1966, 325 p. (in Russ.)
- Zubov N. N.** Otechestvennye moreplavately – issledovateli morej i okeanov [Domestic navigators – explorers of the seas and oceans]. Moscow, Geografiz Publ., 1954, 474 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Александр Григорьевич Авдеев, доктор исторических наук, профессор
Елена Алексеевна Окладникова, доктор исторических наук, профессор
Юрий Михайлович Свойский, научный сотрудник
Екатерина Васильевна Романенко, соучредитель лаборатории RSSDA

Information about the Authors

Alexander G. Avdeev, Doctor of Sciences (History), Professor
Elena A. Okladnikova, Doctor of Sciences (History), Professor
Yuri M. Svoysky, Researcher
Ekaterina V. Romanenko, Co-founder of RSSDA Laboratory

*Статья поступила в редакцию 15.03.2022;
одобрена после рецензирования 30.04.2022; принята к публикации 14.06.2022
The article was submitted 15.03.2022;
approved after reviewing 30.04.2022; accepted for publication 14.06.2022*

Научная статья

УДК 393.9

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-150-162

Предварительное сохранение тел умерших в погребальной обрядности казахов (по материалам археологических, исторических и фольклорно-литературных источников)

Куаныш Алдабергенович Исаков¹

Улан Умиткалиевич Умиткалиев²

Данияр Толегенович Тлеугабулов³

Азамат Талгатович Дукомбайев⁴

¹ Национальный музей Республики Казахстан
Нур-Султан, Казахстан

¹⁻⁴ Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
Нур-Султан, Казахстан

¹ ika251185@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2409-8068>

² uumitkaliev@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7828-1381>

³ dancitto@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0829-0319>

⁴ dukombaiev_1992@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4242-3648>

Аннотация

Как и многие тюркские народы, казахи отличаются почитательным отношением к умершим. В данной статье авторы рассматривают такие вопросы, как причины, продолжительность и место временного сохранения тела до погребения у казахского народа. Эту традицию связывают с природными условиями и хозяйственным циклом кочевников. Опираясь на этнографические данные, авторы анализируют различные варианты сохранения тела до погребения. По их мнению, практика совершения отложенных захоронений берет свое начало с периода ранних кочевников евразийских степей. Археологические материалы содержат свидетельства применения отложенных захоронений знатных лиц у тюрков. Также в статье рассмотрено особое почитание предков, которое прослеживается в погребальной обрядности ранних кочевников. В их честь сооружали большие курганы и погребали в украшенных золотом одеждах с большим количеством сопроводительного инвентаря.

Ключевые слова

Казахстан, курганы, отложенные захоронения, поминки, казахи, культ предков

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта AP08052281 «Сохранение памятников сырцовой архитектуры сакрального ландшафта Тенгиз-Коргалжынской впадины с использованием цифровых 3D-технологий» Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан

Для цитирования

Исаков К. А., Умиткалиев У. У., Тлеугабулов Д. Т., Дукомбайев А. Т. Предварительное сохранение тел умерших в погребальной обрядности казахов (по материалам археологических, исторических и фольклорно-литературных источников) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 7: Археология и этнография. С. 150–162. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-150-162

© Исаков К. А., Умиткалиев У. У., Тлеугабулов Д. Т., Дукомбайев А. Т., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 7: Археология и этнография. С. 150–162

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 150–162

Preliminary Preservation of the Bodies of the Deceased in the Funeral Rites of Kazakhs (Based on the Materials of Archaeological, Historical and Folklore-Literary Sources)

Kuanysh A. Iskakov¹, Ulan U. Umitkaliev²
 Daniyar T. Tleugabulov³, Azamat T. Dukombaiev⁴

¹ National Museum of the Republic of Kazakhstan
 Nur-Sultan, Kazakhstan

¹⁻⁴ L. N. Gumilyov Eurasian National University
 Nur-Sultan, Kazakhstan

¹ ika251185@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2409-8068>

² uumitkaliev@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7828-1381>

³ dancitto@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0829-0319>

⁴ dukombaiev_1992@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4242-3648>

Abstract

Purpose. The authors tried to reveal the reasons, duration and place of temporary preservation of the bodies of the Kazakhs on the basis of archaeological, historical and folklore-literary sources. The authors also tried to trace the historical continuity in the funeral and memorial rites of nomads.

Results. The tradition of delayed burials is associated with the natural conditions and economic cycle of nomads. Based on ethnographic data, the authors analyze various options for preserving the body before burial. According to it, the practice of performing deferred burials originates from the period of early nomads of the Eurasian steppes. Archaeological materials contain evidence of the usage of deferred burials of notable individuals among the Turks. The article also discusses the special veneration of ancestors, which can also be traced in the funeral rites of early nomads. The large burial mounds were built in their honor, and they were buried in clothes adorned with gold, with a large quantity of supporting equipment. The funeral and memorial rites of the nomadic Kazakh people also include the veneration of ancestral spirits. They tried to bury their *khans*, *batyrs* and *biys* in the mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi. And to do this, they had to temporarily bury the body and save it until burial.

Conclusion. Islam brought changes in the funeral rites of the steppe population. However, the Kazakh people tried to preserve the traditions that do not contradict the Sharia, in some cases without changes, in others, some customs were transformed in accordance with the norms and teachings of Islam. The Kazakhs managed to unite the two worlds, and for a life of peace and prosperity, with the blessing of *aruakh*, arranged memorial dinners on the third, seventh, fortieth day, the annual “as”, sacrifices, but in many traditions and customs, the reading of prayers from the Koran was introduced.

Keywords

Kazakhstan, mounds, delayed burial, funeral, Kazakhs, cult of ancestors

Acknowledgements

The work was carried out within the framework of project AP08052281 “Saving raw architecture monuments of sacred landscape in the Tengiz-Korgalzhyn depression with the use of digital 3D technologies” of the Science Committee Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan

For citation

Iskakov K. A., Umitkaliev U. U., Tleugabulov D. T., Dukombaiev A. T. Preliminary Preservation of the Bodies of the Deceased in the Funeral Rites of Kazakhs (Based on the Materials of Archaeological, Historical and Folklore-Literary Sources). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 150–162. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-150-162

Введение

Как и у многих тюркских народов, в культуре казахов большое значение имеет почтительное отношение к предкам. Подтверждение этому мы находим в содержании таких терминов, как «эруак» (аруах) или «ата-баба рухы» (дух предков). Несмотря на проникновение ислама в среду кочевых народов степной Евразии, мы и сегодня можем отметить проявление целого ряда элементов древнего культа. В казахском фольклоре сохранились такие характерные поговорки, как: «Өлі разы болмай, тірі байымайды», что в переводе означает «Без одобрения усопших предков не достичь изобилия и достатка» (пер. наш. – К. И., У. У., Д. Т., А. Д.)

В народной традиции казахов сохранился обычай угощения семью жареными лепешками, которые готовят в пятничные дни и раздают. Лепешки и исходящий во время жарки аромат считаются подношениями душам усопших и одним из способов получить их благосклонность. С этой же целью паломники проводят ночь у могилы святого («эулие басына түнеу») с надеждой получить его покровительство. Во время сражений воины выкрикивают имена предков в качестве боевого клича, одновременно с этим призывая его дух помочь выиграть битву.

Целью данного исследования является определение генезиса погребального обряда кочевых племен, связанного с отложенными погребениями.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью погребальной обрядности казахов, истоки которой, несомненно, связаны с ранними погребальными практиками скифо-сакских племен и находят свое продолжение в погребальном обряде тюрков. Новизна исследования заключается в попытке рассмотреть проблему комплексно – с привлечением археологических, этнографических, письменных и устных источников.

В исследовании историко-культурных, этнических особенностей использованы философские, общеисторические методы. В анализе погребально-поминальных обрядов основным методом является сравнительно-исторический, при котором сравнивается процедура и последовательность обрядовых действий и церемоний, выявляется мера сходства и различия. Результаты реконструктивного анализа, осуществленного на базе археологических источников, сопоставляются с этнографическими, фольклорными и лингвистическими данными.

Историческая преемственность обряда временного захоронения

Традиция почтительного отношения к предкам и памяти о них проходит через всю историю казахов. Ее основные и наиболее характерные особенности находят близкие параллели в культуре ранних кочевников степного пояса Евразии, соорудивших огромные могильники и курганы в память усопших царей и отводивших обряду погребения важнейшую роль в поддержке социальных связей, формирующих структуру общества. Не проводя прямых экстраполяций, попытаемся отметить скрытые за более поздними культурными и религиозными напластованиями параллели обрядов и культов, существовавших у сако-скифов, с традициями казахов Средневековья и Нового времени. На наш взгляд, в типологическом и содержательном отношении, это проявляется в обряде прощания с усопшим, оплакивании, ношении траура до года и проведении поминального обеда – «ас». Несмотря на гипотетичность и дискуссионность проведения аналогий между культурами, разделенными большим отрезком времени, позволим себе предложить ряд аргументов в их подтверждение.

Анализ результатов многолетних исследований показывает, что саки и скифы проводили обряд погребения усопшего только в определенное время года – в начале лета и осенью. По археологическим данным соблюдение этой традиции прослеживается в тагарской и пазырыкской культурах, а также в более позднее время – в культуре тюркских племен [Киселев, 1951, с. 106–170, 225; Руденко, 1953, с. 326; Райс, 2004, с. 90; Кубарев, 1987, с. 128].

Эта традиция связана с природными условиями и хозяйственным циклом кочевников. Зимний период на территории современного Казахстана был трудным временем года с высоким уровнем смертности. За зимние месяцы силы и здоровье людей истощались, очень многие не могли пережить суровую пору. Земля промерзала, что вызывало затруднения в сооружении погребального устройства. В связи с этим тела людей, ушедших из жизни в это время года, сохраняли до наступления теплых дней – совершали временное или так называемое отложенное захоронение.

Замерзшая земля и зимний холод, конечно, являлись основными причинами для перенесения времени захоронения, однако существуют предположения, что не менее значимой была необходимость собраться большому количеству людей для проводов усопшего в последний путь. Обряд захоронения кочевых племен можно сопоставить с такими казахскими традициями, как годовой поминальный «ас» в честь усопшего. С. И. Руденко приводит све-

дения о казахских поминках – «ас» в честь баев Жангабая Бытебаева и Бутабая Жаркына (Бутабая Хажы) с участием тысячи людей, на которых ему довелось побывать лично. Приезжающие на ас пригоняли с собой скот на забой и привозили угощение: кумыс¹ и баурсаки² [Руденко, 1960, с. 327–328]. Истоки этих традиций мы можем проследить по материалам раскопок Берельских курганов, относящихся к пазырыкской культуре. По результатам палеоботанических анализов известно, что в желудках 13 парадных лошадей, обнаруженных в ходе раскопок памятника сохранились остатки трав, произрастающих в разных регионах [Кашкинбаев, Самашев, 2005, с. 123–133]. Это позволяет предположить, что животных доставляли специально к обряду погребения и подносили в «дар» умершему племенному вождю.

О погребально-поминальных обрядах гостей заранее извещали, передавая весть о предстоящих похоронах, это извещение называлось – «сауын» (сауын айту). Специально назначенные посланники объезжали соседние аулы и волости и извещали их о проводимом мероприятии. В фольклоре казахского народа есть много свидетельств этого. Литературная форма этого обычая содержится в поэме «Кулагер» казахского поэта Ильяса Джансугурова:

Мы просили приехать побольше числом
Именитых, богатых, с достойным лицом.
Ты ж явился один, где же спутники, слуги?
Где же род Караула? Исчез и с концом?
(пер. Берика Джилкибаева)
[Жансүгіров, 1974, с. 323, 332].

Традиция временного предания тела земле соблюдалась и у тюрков, о чем свидетельствуют относящиеся к началу VII в. китайские письменные источники. В надписях на стеле из Хушо-Цайдама указаны точные сведения о длительном сохранении тел известных личностей у тюрков. В. Е. Войтов отметил, что «Кюль-тегин был похоронен через 9 месяцев, а Бильге-каган – через 7 месяцев после кончины». «В год Барана, в 17-й день³ <...> Кюль-тегин отправился в мир иной». «В 27-й день 9-го месяца⁴ <...> был предан земле с почестями». «В год Собаки, в 26-й день 10-го месяца⁵ <...> скончался Бильге-каган». «В год Кабана, в 27-й день 5-го месяца⁶ <...> был похоронен» [Войтов, 1996, с. 109]. При этом бальзамированные тела хранились в юрте, установленной на высоком холме [Там же]. Остатки юртообразного строения фиксируются и в первом строительном горизонте городища Бозок, относящегося к раннетюркскому времени (VI–VII вв.) [Khabdulina et al., 2016, p. 63].

Во время раскопок памятника Каракаба, относящегося к раннетюркскому времени, З. С. Самашевым были обнаружены находки человека, на черепе которого в области темени имеется идеально круглое искусственное углубление – срез костной ткани диаметром 4 см. На нижней части лицевого свода фиксировались следы маски из очень тонкой серебряной пластины. Края маски заостренные, с двумя продолговатыми отверстиями [Самашев, 2014, с. 678–679]. Авторами данной статьи на основе случаев трепанаций, обнаруженных на территории Казахстана, были сделаны выводы, что трепанации были проведены с целью сохранения тела до погребения [Үмітқалиев и др., 2017]. Наличие маски может свидетельствовать о возможной мумификации тела.

Временные захоронения умерших у казахов

Казахи, предварительно завернув тело усопшего в кожаный саван, также помещали его в юрту, где хранили до проведения обряда захоронения, или же помещали в пещере, засыпав снегом или камнями. Это не считалось похоронами, поскольку, согласно Шариату, запреще-

¹ Кисломолочный напиток, приготовленный из кобыльего молока.

² Жареные в большом количестве бараньего жира кусочки теста.

³ 27 февраля 731 г.

⁴ 2 ноября 731 г.

⁵ 26 ноября 734 г.

⁶ 24 июня 735 г.

но откапывать захороненное тело. Разрешается перезахоронить усопшего в том случае, если его тело не успело разложиться и сохранено в хорошем состоянии [Жаназа..., 2017, с. 110].

В некоторых районах у казахов было принято хоронить усопшего на третий день после смерти. Возможно, это связано с древним поверьем, согласно которому душа усопшего в первый день после смерти обитает в доме и летает вокруг него, на второй день садится на шанырак, а на третий день улетает к Всевышнему [Төлеубаев, 2015, с. 172]. Также это может быть связано с ожиданием приезда родных издалека, которые желают проститься с умершим. В особенно жаркие дни умерших в первой половине дня хоронили к вечеру, умерших во второй половине дня хоронили на следующий день [Алтынсарин, 1994].

В исламе не принято задерживать похороны, после смерти необходимо разослать скорбную весть и немедленно приступить к похоронным обрядам. В хадисе пророка Мухаммада говорится: «Если кто из вас почитет, не медлите, поспешите предать его могиле». В другом хадисе: «Есть пять долгов мусульманина перед братом по вере: откликнуться на приветствие; если заболел, справиться о его здоровье; принимать участие в джаназе (заупокойной молитве); принимать приглашения; если чихнет, пожелать ему благословения Аллаха» [Жаназа..., 2017, с. 34].

Особенно ярко обычай отложенного погребения проявился в период борьбы за независимость. Казахи старались не оставлять на чужбине тела батыров, погибших от рук врага вдали от родных краев, и заботились о том, чтобы похоронить их на родной земле. Один из таких примеров отражен в поэтических строках, описывающих доставку костей Аргынбай батыра на родину:

...Прибыли мы с героем осенью.
Тяжкая судьба – отдирать от брата мясо.
Омыли, освятили кости и завернули в кожаный саван,
Не был пройден мой путь напрасно...
(пер. авторов)
[Шокпарұлы, Дәркембайұлы, 2007].

Любимый сын великого казахского писателя Абая Кунанбаева – Абдрахман, скончавшийся в Алматы, был временно предан земле. «Майкан и Утегельды положили тело Абиша (Абдрахмана. – К. И., У. У., Д. Т., А. Д.) на дно ямы и осторожно расположили в могильной нише. – Аманат! – сказали они одновременно, и люди, стоявшие вокруг, в один голос повторили: – Аманат! Аманат! Позже его тело было перевезено и захоронено в Чингизтау» [Ауэзов, 1956, с. 248].

Авторы труда «Наурыз: обновленные обычаи и традиции» упоминают о применяемых казахским народом методах длительного сохранения тела с использованием мёда, можжевельника и помещения тела в кожаный саван. После того как все меры по сохранности тела соблюдены, до отправления в дальний путь тело могли хранить на высоком деревянном сооружении в юрте или в подвешенном положении между двумя рядом стоящими деревьями, предварительно завернув в кожаный саван.

Иностранцы путешественники, не имевшие возможности изучить местные обряды, традиции и верования, допускали ошибочные толкования вышеупомянутых обычаев сохранения тела. Одним из них является англичанин Дженкинсон, нанесший на свою карту Казахстан и изобразивший на ней людей, повешенных на деревьях. Приведя рисунок висевших на деревьях тел, он, очевидно, пытался оценить это, как оскорбительное отношение к усопшим [Наурыз..., 1991, с. 122].

Помимо этого у казахов встречается еще один обычай захоронения – помещение тела в склеп (сагана). Сагана – это подземное сооружение, состоящее из двух помещений, в одно из которых помещали мужчин, в другое – женщин. Живший в первой половине XX в. казахский поэт, религиозный деятель и мыслитель М. Ж. Копеев, был одним из тех, кого погребли в сагане. Он был глубоко верующим человеком, исповедующим ислам, и еще при жизни по-

заботился о месте захоронения, заранее совершив заупокойную молитву-джаназу и устроив поминальный «ас». После смерти его тело было помещено без облачения в сагану (склеп) состоящий из двух комнат (рис. 1), оно не подверглось разложению и сохранилось на протяжении сорока лет. Существует много версий различных рассказов об этом случае. Большая их часть напоминает вымышленные легенды, однако они ценны тем, что содержат в себе сведения об обычаях сохранения тела и захоронения усопшего.

Рис. 1 (фото). Мавзолей Машхур Жусупа Копеева (без масштаба)
Fig. 1 (photo). The Mausoleum of Mashkhor Zhusup Kopeyev (no scale)

В казахском языке существует слово «кою», обозначающее «разместить» или «положить» и оно применяется для обозначения похорон. Историк Л. А. Ямаева отмечает, что такие понятия также существуют в башкирском языке. В статье о похоронных обычаях башкирского народа до принятия ислама она связывает эти термины с местом погребения – «дахмой», напоминающей казахскую «сагану» [Ямаева, 2015, с. 204]. Дахма, как известно, используется в зороастрийском погребальном обряде. На нее помещают тело умершего, и, после того как мясо съедается птицами и животными, кости переносят в оссуарий [Сарианиди, 2010, с. 50].

Еще одной архаичной погребальной традицией казахов является перезахоронение. Если человек уходил из жизни в чужих краях и не был захоронен с почестями, родственники могли через несколько лет откопать его кости, перевезти на родину и перезахоронить. Шакарим Кудайбердыулы – известный казахский поэт, писатель, композитор и философ в 1931 г. был

застрелен без суда и следствия. Тело было брошено в осушенный колодец, и лишь через 30 лет его сын Ахат откопал кости отца и похоронил на родине.

В годы вражеских нападений и войн не всегда имелась возможность доставить тело погибшего, в таких случаях позволялось отделить от тела кость, пусть даже большой палец ноги, и захоронить эту часть на родине. При захоронении части тела соблюдались все традиции похоронного обряда [Наурыз..., 1991, с. 123].

Среди могильников сакской эпохи и памятников, принадлежащих к гунно-сарматскому периоду и тюркам, встречаются кенотафы. Сооружение казахским народом могильников-памятников, посвященных батырам и героям, погибшим в битве, тела которых не были преданы родной земле, можно связать с подобными памятниками-кенотафами. В некоторых случаях, когда не удавалось доставить домой тело убитого героя, казахи воздвигали памятники, куда помещали одежду и изделия, которыми пользовался усопший при жизни.

Археологи П. К. Дашковский и Н. Н. Серегин приводят выводы В. А. Семёнова, что создание кукол, манекенов несло ту же семантическую нагрузку, что и бальзамирование и мумификация. При этом имитация ритуального двойника свидетельствует об определенных формах сакрализации «человеческой личности, с подготовкой умершего для утверждения в мире предков-богов» [Дашковский, Серегин, 2008, с. 87].

В топонимике Казахстана встречаются названия местностей, аулов, указывающие на временные захоронения, когда-либо совершенные рядом с ними или на их месте. В качестве примера можно привести находящееся в Теректинском сельском округе Курчумского района Восточно-Казахстанской области село Былгары табыт, что в переводе означает «кожаный гроб или саван» [Омаров и др., 2018, с. 154–163].

Примечательны истории Казыбек би и Богенбай батыра, тела которых сохранялись до захоронения в Туркестане, а места хранения по сей день служат их надгробными памятниками. Казыбек би был правителем Младшего жуза и умер в родовом урочище суюндуков у подножья горы Далба, в местности Мурынтал Баянаульского района. Эту местность назвали «местом предания земле Казыбек би» (рис. 2) [Арғынбаев, 2005, с. 81]. Сын Бекболат установил юрту и четыре месяца следил за сохранением тела Казыбек би. После наступления теплых дней Бекболат перевез тело своего отца в Туркестан и похоронил в мавзолее Ходжа Ахмета Ясави ⁷.

Рис. 2 (фото). Место временного захоронения Казыбек бия (без масштаба)
Fig. 2 (photo). The temporary burial place of Kazybek bi (no scale)

⁷ Казыбек Келдібекұлы – қазақ халқының ұлы бий // E-history.kz. 11.03.2015. URL: <https://e-history.kz/kz/news/show/2912/> (дата обращения 07.03.2022).

Богенбай батыр – великий казахский полководец, главнокомандующий армиями трех казахских жузов, батыр, не потерпевший ни одного поражения в своей военной карьере, ушел из жизни в преклонном возрасте из-за ухудшения здоровья. Его тело было омыто, завернуто в кожаный саван и помещено в специальное сооружение, где оно хранилось до захоронения в Туркестане. Согласно указу Абылай хана, в 1776 г. кости Богенбай батыра были с почестями перевезены в Туркестан и похоронены в мавзолее Ходжа Ахмета Ясави. В путешествии приняли участие сын батыра Атбай Аتكельтирулы и немало знатных мужей, принявших на себя честь быть причастными к почтению памяти батыра. Окрестности Ерейментау, где хранились кости батыра, по сегодняшний день называют местом «предания земле Богенбая» [Бекзатқызы, 2020, с. 19].

Олжабай батыр Толыбайулы – казахский воин XVIII в., один из руководителей национально-освободительного движения казахского народа против джунгарских захватчиков, убежденный сторонник Абылай хана, современник Казыбек би, тоже был временно предан земле в окрестностях горы Ерейментау. Его семья хотела похоронить его летом в мавзолее Ходжа Ахмета Ясави, но по некоторым причинам это сделать не удалось, и тело предали земле на склонах горы Ерейментау. Эту местность по сей день называют местом предания земле Олжабая («Олжабайдың сөресі») [Шарапатты Олжабай..., 2014, с. 142].

Анет Баба – казахский бий, советник хана Тауке хана, ушел из жизни в горах Каратау, в местности Кошкарата. Кокенай батыр перевез кости Анет Бабы в Туркестан. Внутренности из тела Анет Бабы были удалены и преданы земле в местности Кошкарата, а кости сохранены и позднее перевезены в Туркестан и захоронены в мавзолее Ходжа Ахмета Ясави [Жанболатұлы, 2004, с. 36–37].

Мамай батыр ушел из жизни у подножья Чингизтау, по указаниям Кенгирбай бия из тела батыра были удалены внутренности и преданы земле в окрестностях Орды, кости были завернуты в белый саван, перевезены в Туркестан и захоронены. Сорок мужей с почестями перевезли кости прославленного батыра в Туркестан. На следующий год для принесения в жертву в Туркестан перегнали большое количество скота и устроили поминальный «ас» в честь Мамай батыра [Там же].

Как отмечалось, казахи старались захоронить знатных, уважаемых людей – ханов, батыров, биев – в мавзолее Ходжа Ахмета Ясави в городе Туркестан. Именно в нем наиболее отчетливо проявляется культ предков. Ходжа Ахмет Ясави является самым почитаемым мусульманским святым в Средней Азии, и до сегодняшнего дня многие казахи по-прежнему посещают мавзолей и просят у святого покровительства. У мавзолея учителя Ходжа Ахмета Ясави – Арыстанбаба, который был построен Тамерланом, находятся гостиницы для паломников, которые прибывают просить святого Арыстанбаба исполнить их просьбы.

Мавзолей Ходжа Ахмета Ясави являлся специальным местом погребения для представителей общества с высоким социальным статусом (рис. 3). В сакском обществе также существовала эта традиция, и имелись подобные места погребения для царей, вождей, военачальников и других лиц высокого ранга. В литературе подобные могильники нередко определяются в качестве пантеонов вождей. Они располагались в местностях рядом с рекой, с просторными равнинами или широкими холмами. Также большое значение при выборе местности для них отводилось наличию на близлежащей территории материалов, необходимых для возведения могильника. Чаще всего использовались горные или речные камни, бревна и дерн [Толеубаев, 2018, с. 31].

Результаты многих исследований дают основания для заключения о существовании запрета на возведение рядовых могил рядом с крупными курганами. В тех случаях, когда рядом с ними находились курганы небольших размеров, в них, как правило, усопшие были захоронены с социально значимыми предметами сопроводительного инвентаря.

Курган Байгетобе, построенный в честь особо почитаемого представителя группы сакских племен, располагается в начале всей курганной группы – помещен в самой южной оконечности могильника [Там же]. Особое почитание представителей родовой аристократии, отра-

женное в топографии могильников, мы наблюдаем и на других памятниках сако-скифской культуры. Например, в Горном Алтае на могильнике Уландрык курганы глав больших семей или родоначальников располагаются в начале или в середине курганной цепочки и выделяются большими размерами [Кубарев, 1987, с. 123]. Следует согласиться с В. Д. Кубаревым, указывавшим на то, что «...погребальный обряд неизбежно отражает конкретные социально-экономические условия, в которых жил умерший, поэтому погребальные сооружения до мельчайших деталей моделируют те реальные условия и формы жизни, в которых существовал древний кочевник» [Там же]. Планировка могильника с определенной условностью повторяет порядок размещения жилищ живых. У кочевников юрту главы аула обычно ставили с подветренной стороны, а молодая семья не могла ставить свою юрту впереди жилища старших по возрасту [Толеубаев, 2018, с. 31].

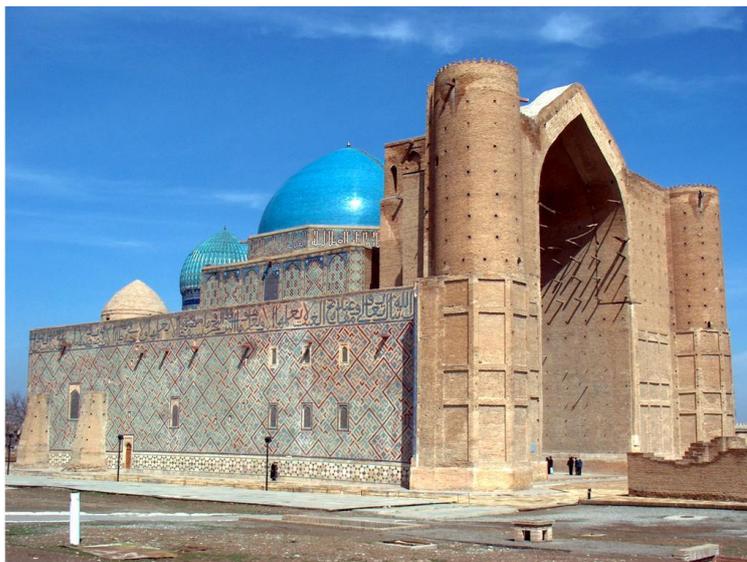

Рис. 3 (фото). Мавзолей Ходжа Ахмета Ясави (без масштаба)
Fig. 3 (photo). Mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi (no scale)

Рис. 4 (фото). Могильник Кырыкоба, курган № 8 (без масштаба)
Fig. 4 (photo). Barrow 8 of burial site Kyrykoba (no scale)

В ходе исследования могильников Шиликты, Бесоба, Кырык-Оба, Каракемер и др. было отмечено, что наличие культовых сооружений наряду с погребальными конструкциями является важным условием для придания месту статуса сакрального, почитаемого (рис. 4). В подобных местах казахи старались не пасти скот. По мнению авторов, возможно, в древности, такие пантеоны защищались вооруженными отрядами, как это было у монголов.

Заключение

Различные источники позволяют говорить о том, что казахский народ с древних времен почитательно относился к аруаху⁸. Для ранних кочевников – саков – погребение умершего не было простым рутинным событием. Они одевали усопшего в лучшую погребальную одежду и торжественно провожали в последний путь. Для своих царей саки сооружали отдельные могильники с огромными курганами и регулярно проводили там поминальные обряды. Для проведения таких мероприятий, безусловно, время погребения играло важную роль. Обряд проводился в теплые дни. Тела умерших в холодное время года приходилось хранить, т. е. отложить погребение.

Бесспорно, ислам внес изменения в похоронные обряды населения степи. Однако казахский народ пытался сохранить традиции, не противоречащие шариату, в ряде случаев без изменений, в других некоторые обычаи трансформировались в соответствии с нормами и учениями ислама. Казахи сумели объединить два мира, и для жизни в спокойствии и достатке с благословения аруаха устраивали поминальные обеды на третий, седьмой, сороковой день, годовой «ас», жертвоприношения, но при этом во многие традиции и обычаи было внесено чтение молитв из Корана.

Список литературы

- Ауэзов М. О. Путь Абая. Алматы: Жазушы, 1956. Т. 4. 616 с.
- Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во ГМВ, 1996. 152 с.
- Дашковский П. К., Серегин Н. Н. Кенотафы кочевников Алтая в эпоху поздней древности и раннего средневековья // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: Сб. ст. / Под ред. П. К. Дашковского. Барнаул: Азбука, 2008. Вып. 2. С. 83–100.
- Кашкинбаев К., Самашев З. Лошади древних кочевников Казахского Алтая. Астана: Изд. группа филиала Ин-та археологии им. А. Х. Маргулана, 2005. 137 с.
- Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 642 с.
- Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 304 с.
- Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с.
- Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 360 с. + 128 табл.
- Райс Т. Т. Скифы. Строители степных пирамид. М.: Центрполиграф, 2004. 240 с.
- Самашев З. С. Культура ранних кочевников Казахского Алтая (по материалам некрополя Каракаба) // Восхождение к вершинам археологии: Сб. материалов междунар. науч. конф. «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвящ. 90-летию со дня рождения К. А. Акишева. Алматы, 2014. 698 с.
- Сарианиди В. И. Задолго до Заратуштры (Археологические доказательства протозоростризма в Бактрии и Маргиане). М.: Старый сад, 2010. 200 с.

⁸ Дух предка.

- Толубаев А. Т.** Сако-скифские культурно-генетические корни некоторых казахских похоронно-поминальных обычаев // Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «III Аргынбаевские чтения. Современная этнографическая наука и ее роль в модернизации общественного сознания». 13–14 апреля 2018 г. Алматы: Қазақ университеті, 2018. С. 28–37.
- Ямаева Л. А.** Реликты доисламских верований в погребальной обрядности башкир // Народы и религии Евразии. 2015. Т. 8, № 8. С. 202–210.
- Алтынсарин Ы.** Орынбор ведомствосы қазақтарының өлген адамды жерлеу және оған ас беру дәстүрінің очеркі // Алтынсарин Ы. Таңдамалы шығармалары. Алматы: Ғылым, 1994. С. 158–162. (на казах. яз.)
- Аргынбаев Х.** Қазақтың отбасылық дәстүрлері. Алматы: Қайнар, 2005. 216 б. (на казах. яз.)
- Бекзатқызы И.** Сарыарқаның қасиетті нысандарының топонимиясы // Мәдени мұра. 2020. № 2. С. 16–23. (на казах. яз.)
- Жаназа және жерлеу рәсімдері. Астана: «Дәуір», 2017. 148 бет. (на казах. яз.)
- Жанболатұлы М.** Тобықты-Шыңғыстау шежіресі, Алматы: ЖШС Курсив. 2004. 519 б. (на казах. яз.)
- Жансүгіров І.** Құлагер. Поэмалар мен өлеңдер. Құрастырған Б. Сахариев, Алматы: Жазушы, 1974. 552 б. (на казах. яз.)
- Наурыз: жаңғырған салт-дәстүрлер (кұраст. М. Қазбеков). Алматы: Қазақстан, 1991. 256 б. (на казах. яз.)
- Толубаев Ә. Т.** Қазақ жерлеу салтындағы аза тұту күндері – үші, жетісі, қыркы, (жүзі), жылы (дүниетанымдық мәні, шығу тегі) // ҚазҰУ хабаршысы. Тарих сериясы. 2015. № 3 (78). С. 166–179. (на казах. яз.)
- Үмітқалиев Ү. Ү., Искаков Қ. А., Өмірбекова Ж.** Қазақстан жеріндегі көне тайпалардың жерлеу дәстүріндегі мәйітті сақтау және жөнелту жолдары // «Қазақстан мен іргелес елдердің тарихи-мәдени мұрасын зерттеудегі заманауи әдістер мен тұрғылар» атты «IX Оразбаев оқулары» халықаралы ғылыми-әдістемелік конференция материалдары / Жауапты ред. Ф. Қ. Омаров. 1 бөлім. Алматы, Қазақ университеті, 2017. 377 б. (на казах. яз.)
- Шарапатты Олжабай: ғылыми публицистикалық мақалалар, корреспонденциялар мен естеліктер. Павлодар: Сытин баспасы, 2014. 384 б. (на казах. яз.)
- Омаров Ғ. Қ., Бесетаев Б. Б., Сапатаев С. А., Сагындықова С. Т.** ШҚО Күршім ауданының археологиялық ескерткіштерінің тізімі: Ұжымдық монография / Жауап. ред. М. Е. Елеуов. Алматы: Қазақ университеті, 2018. 174 б. (на казах. яз.)
- Шоқпарұлы Д., Дәркембайұлы Д.** Қазақтың қолданбалы өнері / Көпшілік-танымдық басылым. Алматы: Алматыкітап, 2007. 272 б., суретті. (на казах. яз.)
- Khabdulina Maral, Teugabulov Daniyar, Orazbayeva Zarina.** Bozok the Turkic Cult Center in Central Kazakhstan. *Anthropologist*, 2016, no. 26 (1, 2), pp. 57–64.

References

- Altynsarin Y.** Orynbor vedomstvovsy qazaqtarynyń ólgen adamdy jerley jáne oǵan as bery dástúrinin ocherki [An essay on customs at funerals and commemorations among the Kirghiz of the Orenburg Department]. In: Altynsariyn Y. Tangdamaly shygharmalary [Selected writings]. Almaty, Gylym Publ., 1994, pp. 158–162 (in Kazakh.)
- Argynbaev H.** Qazaqtyn otbasylyq dástúrleri [Family traditions of the Kazakhs]. Almaty, Qaynar Publ., 2005, 216 b. (in Kazakh.)
- Auevov M. O.** Put' Abaya [Way of Abai]. Almaty, Zhazyshi Publ., 1956, vol. 4, 641 p. (in Russ.)
- Bekzatqyzy I.** Saryarqanyń qasietti nysandarynyń toponimiasy [Toponymy of sacred objects of Saryarka]. *Ma'deni mura*, 2020, no. 2, pp. 16–23. (in Kazakh.)
- Dashkovsky P. K., Seregin N. N.** Kenotafy kochevnikov Altaya v epohu pozdnej drevnosti i rannego srednevekov'ya [Cenotaphs of Altai nomads in the Late Antiquity and Early Middle Ages]. In: Dashkovsky P. K. (ed.). *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoj Sibiri i Central'noj Azii*

v istoricheskoy retrospektive [The worldview of the population of Southern Siberia and Central Asia in historical retrospect]. Collection of articles. Barnaul, Azbuka Publ., 2008, iss. 2, pp. 83–100. (in Russ.)

- Janbolatuly M.** Tobyqty-Shyńǵystaı shejiresi [Tobykty-Shyngghystau chronicle]. Almaty, Kursiv Publ., 2004, 520 b. (in Kazakh.)
- Jansúgirov Ī.** Qulager. Poemalar men óleńder. Qurastyrǵan B. Sakhariev [Kulager. Poems and poems. Formulated by B. Sakhariev]. Almaty, Zhazushy Publ., 1974, 552 b. (in Kazakh.)
- Kashkinbaev K., Samashev Z.** Loshadi drevnikh kochevnikov Kazakhskogo Altaya [Horses of the ancient nomads of the Kazakh Altai]. Almaty, Publ. Group of a Branch of the A. H. Margulan Institute of Archaeology, 2005, 137 p. (in Russ.)
- Kiyshev S. V.** Drevnyaya istoriya Yuzhnoi Sibiri [Ancient History of South Siberia]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1951, 225 p. (in Russ.)
- Kubarev V. D.** Kurgany Ulandryka [Ulandryk Mounds]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 128 p. (in Russ.)
- Khabdulina Maral, Tleugabulov Daniyar, Orazbayeva Zarina.** Bozok the Turkic Cult Center in Central Kazakhstan. *Anthropologist*, 2016, no. 26 (1, 2), pp. 57–64.
- Nauryz: zhangghyrgan salt-da'sty'rler (ku'rast. M. Qazbekov)** [Nauryz: traditions and customs (Formulated by M. Qazbekov)]. Almaty, Kazakhstan Publ., 1991, 256 p. (in Kazakh.)
- Rays T. T.** Skify. Stroiteli stepnykh pyramid [Scythians. Builders of the steppe pyramids]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2004, 90 p. (in Russ.)
- Rudenko S. I.** Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya [Culture of the population of Gorny Altai in Scythian time]. Moscow, Leningrad, 1953, 326 p. (in Russ.)
- Rudenko S. I.** Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v skifskoe vremya [Culture of the population of Central Altai in Scythian time]. Moscow, Leningrad, 1960, 360 p. (in Russ.)
- Samashev Z. S.** Kul'tura rannih kochevnikov Kazakhskogo Altaya (po materialam nekropolya Karakaba) [The culture of the early nomads of the Kazakh Altai (based on the materials of the Karakaba necropolis)]. In: Voskhozhdenie k vershinam arkheologii [Climbing to the heights of archeology]. A collection of materials of the international scientific conference “Ancient and medieval states on the territory of Kazakhstan” dedicated to the 90th anniversary of K. A. Aki-shev. Almaty, 2014, 698 p. (in Russ.)
- Sarianidi V. I.** Zadolgo do Zaratushtry (Arheologicheskie dokazatel'stva protozoroastrizma v Baktrii i Margiane) [Long before Zarathushtra (Archaeological evidence of protozoroastrianism in Bactria and Margiana)]. Moscow, Staryi sad Publ., 2010, 200 p. (in Russ.)
- Sharapatty Olzhabay: ghylymi publitsistikalyk makalalar, korrespondentsiyalar men estelikter** [Sharapatty Olzhabay: scientific journalistic articles, correspondence and memoirs]. Pavlodar, Sytin baspasy Publ., 2014, 384 p. (in Kazakh.)
- Shoqparuly D., Dárkembauuly D.** Qazaqtyń qoldanbaly óneri / Kópshilik-tanymdyq basylym [Kazakh applied art / public educational publication]. Almaty, Almatykitap Publ., 2007, 272 b. (in Kazakh.)
- Omarov Ğ. Q., Besetaev B. B., Sapataev S. A., Sagyndykova S. T.** ShQO Kúrshim aıdanynyń arheologialyq eskertkisheriniń tizimi [List of archaeological sites of Kurchum District of East Kazakhstan region]. Collective monograph. Ed. by M. E. Eleıyov. Almaty, Kazakh Uni. Press, 2018, 174 p. (in Kazakh.)
- Toleubaev A. T.** Sako-skifskie kul'turno-geneticheskie korni nekotorykh kazakhskikh pokhoronno-pomiynal'nykh obychaev [Sako-Scythian cultural and genetic roots of some Kazakh funeral and funeral customs]. In: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “III Argynbaevskie chteniya. Sovremennaya etnografıyeshkaya nauka i ee rol' v modernizatsii obshchestvennogo soznaniya”. 13–14 aprelya 2018 [Materials of the international scientific-practical conference “III Argynbaev readings. Modern ethnographic science and its role in the modernization of public consciousness”. April 13–14, 2018]. Almaty, Kazakh Uni. Press, 2018, pp. 28–37. (in Russ.)

- Tóleybaev Á. T.** Qazaq jerley saltyndaǵy aza tutý kúnderi – úshi, jetisi, qyrqy, (júzi), jyly (dúnietanymdyq máni, shyǵy tegi) [Days of mourning in the funeral rites of the Kazakh – three days, seven days, forty days, (one hundred days) year (ideological meaning, origin)]. *QazUÝ habarshysy. Tarikh seriyasy* [Bulletin of the Kazakh national University, history series], 2015, no. 3 (78), pp. 166–179. (in Kazakh.)
- Úmitqaliev U. Ú., Iskakov Q. A., Ómirbekova J.** Qazaqstan jerindegi kóne taıpalardyń jerley dástúrindegi mániitti saqtaý jáne jóneltý joldary [Ways to preserve and send a corpse in the burial traditions of ancient tribes on the territory of Kazakhstan]. In: Omarov Ğ. Q. (ed.). “Qazaqstan men irgeles elderdiń tarihi-mádeni murasyn zertteýdegi zamanaýı ádister men turǵylar” atty “IX Orazbaev oqýlary” halyqaraly ǵylymı-ádistemelik konferensia materialdary [Materials of the international scientific and methodological conference “IX Orazbaev readings” “Modern methods and approaches to the study of the historical and cultural heritage of Kazakhstan and neighboring countries”. Almaty, Kazakh Uni. Press, 2017, pt. 1, p. 377. (in Kazakh.)
- Voytov V. E.** Drevnetyurkskii panteon i model’ mirozdaniyya v kul’tovo-pomiynal’nykh pamyatnikakh Mongolii VI–VIII vv. [The Ancient Turkic pantheon and the model of the universe in the cult-memorial monuments of Mongolia of the 6th – 7th Centuries]. Moscow, State Museum of the East Publ., 1996, 152 p. (in Russ.)
- Yamaeva L. A.** Relikty doislamskikh verovaniı v pogrebalnoi obryadnosti bashkiyr [Relics of pre-Islamic beliefs in the funeral rites of the Bashkirs]. *Narody i religii Evrazii* [Peoples and Religions of Eurasia], 2015, vol. 8, no. 8, pp. 202–210. (in Russ.)
- Zhanaza zha’ne zherleu ra’simderi [Janaza and funeral rites]. Astana, Da’uir Publ., 2017, 148 p. (in Kazakh.)

Информация об авторах

- Куаныш Алдабергенович Искаков**, научный сотрудник
Улан Умиткалиевич Умиткалиев, кандидат исторических наук, доцент
 Scopus Author ID 57110400500
Данияр Толегенович Тлеугабулов, старший научный сотрудник
 Scopus Author ID 57192665184
Азамат Талгатович Дукомбайев, главный специалист, научный сотрудник

Information about the Authors

- Kuanysb A. Iskakov**, Researcher
Ulan U. Umirkaliev, Candidate of Sciences (History), Associate Professor
 Scopus Author ID 57110400500
Daniyar T. Tleugabulov, Senior Researcher
 Scopus Author ID 57192665184
Azamat T. Dukombaiev, Chief Specialist, Researcher

Статья поступила в редакцию 18.03.2022;
 одобрена после рецензирования 30.04.2022; принята к публикации 14.06.2022
 The article was submitted 18.03.2022;
 approved after reviewing 30.04.2022; accepted for publication 14.06.2022

Список сокращений

АлтГУ	–	Алтайский государственный университет, Барнаул
АМАЭ РАН	–	Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук (Кунсткамера), Санкт-Петербург
АМАЭС ТГУ	–	Архив Музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского Томского государственного университета
АН СССР	–	Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АНИИ ГУСМП	–	Арктический научно-исследовательский институт Главного управления Северного морского пути, Ленинград
БГ	–	Барсов городок, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра
БПЛА	–	беспилотный летательный аппарат
ГИМ	–	Государственный исторический музей, Москва
ГМВ	–	Государственный музей Востока, Москва
ИА РАН	–	Институт археологии РАН, Москва
ИАЭТ СО РАН	–	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск
ИИМК	–	Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР, Москва
л. н.	–	лет назад
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР
НГПУ	–	Новосибирский государственный педагогический университет
НГУ	–	Новосибирский государственный университет
ПСТГУ	–	Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва
РА	–	Российская археология
РГМАА	–	Российский государственный музей Арктики и Антарктики, Санкт-Петербург
СА	–	Советская археология
САИ	–	Свод археологических источников
СЭ	–	Советская этнография
СО РАН	–	Сибирское отделение Российской академии наук
ТГУ	–	Томский государственный университет
ур. м.	–	уровень моря
ХакНИИЯЛИ	–	Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан

Информация для авторов

Автор (соавторы), направляя статью в редакцию журнала, на безвозмездной основе передает (передают) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных договоров Российской Федерации являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, на распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (и исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на предоставление всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Авторы представляют статьи на русском или английском языке. Название статьи должно строго соответствовать содержанию. Рукопись должна быть выверена, датирована и подписана автором (авторами). Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной рецензии.

Объем статей не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм равняется 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков); объем сообщений, рецензий и других подобных материалов – до 8 тыс. знаков. В случае превышения указанных объемов такая публикация может быть принята к печати лишь по отдельному решению редколлегии. Публикация источников – по согласованию с редколлегией.

Плата за публикацию рукописей не взимается.

Подробно ознакомиться с правилами оформления статей, а также проследить за ходом работы с Вашей статьей в редколлегии выпуска можно по адресу: vestnik.nsu.ru/historyphilology – оперативная страница.

Адрес редакционной коллегии выпуска «Археология и этнография»: к. 1262, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия. Тел. +7 (383) 363 42 62

Вестник Новосибирского государственного университета
Серия: История, филология

Научный журнал

2022. Т. 21, № 7: Археология и этнография

Учредитель
Новосибирский государственный университет

Адрес учредителя и издателя
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

Главный редактор
доктор исторических наук А. С. Зув

Адрес редакции
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Дата выхода в свет 20.09.2022

Тираж 60 экз.

Подписная цена 360 руб.

Адрес типографии
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

Подписной индекс
Пресса России – 11227

ISSN 1818-7919

2 1 0 0 7

9 1818 1818 1909